歐陽修。歸田錄

Оуян Сю
ЗАПИСИ ВЕРНУВШЕГОСЯ К ПОЛЯМ

Великий сунский поэт, литератор, историк и крупный политический деятель Оуян Сю (歐陽修, второе имя Юн-шу 永叔, посмертное имя Вэньчжун 文忠, литературные псевдонимы Цзуй-вэн 醉翁 и Лю-и цзюйши 六一居士) родился в 1007 г. в Мяньчжоу (в совр. пров. Сычуань), куда в том году был назначен служить его отец, Оуян Гуань [1]. В 1010 г., когда Оуян Сю было три года, Оуян Гуань умер, семью покойного взял на попечение и перевез в Суйчжоу (Хубэй), к месту своей службы брат покойного отца Оуян Е (歐陽曄 959—1037). В семье не хватало средств, да и Суйчжоу была область отдаленная, где хорошего учителя найти оказалось очень непросто, и тогда мать Оуян Сю, госпожа Чжэн (鄭氏 981—1052), лично взялась за первоначальное обучение сына — согласно легенде, преподавала ему грамоту, выводя тростинкой иероглифы прямо на земле; мальчик же оказался очень способный и немного позднее, когда госпожа Чжэн от азов перешла к чтению, одалживая книги у соседей, схватывал все на лету — «прочитав книгу, уже постигал ее суть» [2].

Одним из важнейших событий в жизни молодого Оуян Сю стало знакомство (1016) с сочинениями Хань Юя, которые он обнаружил «в корзине для испорченных бумаг» в доме семьи Ли, жившей неподалеку, — десятилетний мальчик частенько ходил к ним, поскольку Ли обладали приличной библиотекой и хозяйский сын также был склонен к учению. Оуян Сю с восхищением проштудировал все шесть цзюаней найденных текстов и сделал с книги список для себя. Он исполнился глубокого уважения к их

---

[1] Оуян Гуань (歐陽觀 952—1010, другое имя Дэ-и 德儀) тоже рано осиротел и с юности прилежно учился. Про Гуаня известно, что он отличался крайней сыновней почтительностью и, принося ежегодные жертвы покойному отцу, плакал навзрыд, сомневаясь, достаточно ли хорошо он ему служит. Цзиньши стал в 1000 г. и служил областным чиновником. Передают, что, когда родился Оуян Сю, Гуань точно предсказал, когда тот умрет. Посмертно был пожалован титулом Чунгогуна 崇國公. Мнение же о том, что Оуян Сю родился в Лулине (совр. город Цзиань в пров. Цзянси), действительности не соответствует; однако же род его происходил именно из этого города, и потому многие сочинения Оуян Сю подписаны «Лулинский Оуян».

[2] Здесь и далее без отсылок идут цитаты из официальной биографии Оуян Сю, помещенной в 319-й цзюани сунской династийной истории.

автору, незаслуженно забытому в начале правления династии Сун, и пронес это уважение через всю жизнь. Хань Юй на многие годы стал для него авторитетом и образцом для подражания как в литературе, так и в делах службы.

В 1023 г. Оуян Сю выдержал областные экзамены. К этому времени его имя было уже известно среди людей образованных и склонных к книжной премудрости. Оуян Сю направился в столицу, чтобы принять участие в высших экзаменах. По пути, в Ханьяне (Хубэй), он познакомился с членом придворной академии Ханьлиньюань Сюй Янем [1] и, пользуясь случаем, показал ему свои сочинения, которые столь понравились Сюю, что он оставил Оуян Сю пожить у себя. Лишь весною следующего года (1029) Оуян Сю продолжил путь — деньги на дорожные расходы ему дал Сюй Янь.

Оуян Сю

Прибыв в столицу, Оуян Сю проэкзаменовался в инспекции образования Гоцзыцзянь [2] и, пройдя испытания первым, был зачислен в Гуанвэньгуань (одно из подразделений Гоцзяцзянь, готовившее соискателей к высшим экзаменам), а в январе 1030 г. принял участие в экзаменах на степень цзиньши и блестяще их выдержал, пройдя по списку первым; два месяца спустя он также подвергся дворцовым испытаниям, где оказался четырнадцатым, а еще через два месяца получил первую в своей жизни чиновничью должность — должность туйгуаня в Управлении *люшоу* Западной столицы [3].

К месту службы Оуян Сю добрался весной 1031 г. В то время должность люшоу Лояна исполнял известный литератор и поэт Цянь Вэй-янь (錢惟演 962—1034), и под его началом служили многие знаменитости, с

---

[1] С ю й Я н ь (胥偃 XI в.), подобно Оуян Сю, начал учиться смолоду и проявил в учении такое рвение, что легко выдержал экзамены и стал цзиньши, а по службе достиг высокого положения: кроме членства в Ханьлиньюань, Сюй был, например, начальником Кайфэна. СШ: 294.

[2] Одна из пяти центральных Инспекций *цзянь*, в ведении которой находились дела образования и которой были подведомственны семь столичных учебных заведений: Гоцзысюэ (Школа сынов отечества), Тайсюэ (Великое училище), Гуанвэньгуань (Палата развития изящного слова), Сымэньсюэ (Школа четырех ворот), Люйсюэ (Школа права), Шусюэ (Школа каллиграфии) и Суаньсюэ (Школа математики).

[3] Л ю ш о у — чиновничья должность, наместник в одной из трех северосунских столиц (в данном случае западной — Лояна), назначавшийся императором из числа своих родственников или высших сановников на тот случай, когда владыка покинет столичные города с целью совершения поездок по священным местам Поднебесной, с намерением принять личное участие в военном походе или для других надобностей; в это время власть над городом и его хозяйством со всеми вытекающими отсюда ответственностью и полномочиями переходила к люшоу.

которыми Оуян Сю и познакомился [1]. Особо теплые отношения сложились у него с поэтом Инь Чжу (尹洙 1001—1047), выдержавшим экзамен на степень цзиньши шестью годами раньше и ставшим одним из первых единомышленников Оуян Сю в области изящного слова и в продолжении дела Хань Юя в так называемом *фугу* 復古 «возрождении древнего» [2], признанным лидером сунского этапа которого стал Оуян Сю впоследствии; он нашел в Инь Чжу друга и наставника и в общении с ним оттачивал мастерство владения прозой древнего стиля. Тогда же Оуян Сю близко сошелся и с поэтом Мэй Яо-чэнем (梅堯臣 1002—1060), перед поэтическим талантом которого он преклонялся [3]. Путешествуя вместе по красивым уголкам Поднебесной, они проводили время в беседах о прошлом и современности и слагали стихи. «Вскоре сочинения [Оуян Сю] прославились как первые в Поднебесной». В том же году Оуян Сю женился — на дочери Сюй Яня, о чем имелся уговор еще со времен встречи в Ханьяне. Брак этот продлился недолго: весной 1033 г. девица Сюй, родив мужу сына, умерла. В 1034 г. Оуян Сю женился снова, на сей раз на дочери Ян Да-я (楊大雅 965—1033), но и она умерла через год. И лишь третий брак оказался долгим — дочка Сюэ Куя (薛奎 967—1034) даже пережила супруга и умерла в 1089 г.

В 1034 г., завершив трехлетний срок службы в Лояне, Оуян Сю вернулся в Кайфэн и был назначен в Императорское книгохранилище, где стал готовить каталог книг из собрания Чунвэньюань. Оказавшись при дворе, молодой и амбициозный ученый-книжник немедленно включился в политическую борьбу — против министра Люй И-цзяня (呂夷簡 979—1044) и его приверженцев, которые, как считали Оуян Сю и его единомышленники, бесконтрольно захватили власть, вовсе не заботясь о благе народа и страны. Оуян Сю горячо поддержал Фань Чжун-яня, который в 1036 г. в докладе на высочайшее имя, называвшемся «Сы лунь» (四論 «Четыре суждения»), обличил Люй И-цзяня как узурпатора и через это пострадал (Фань

---

[1] Цянь Вэй-янь весьма ценил своих молодых подчиненных, которые при его управлении пользовались большой свободой; он держался с ними на дружеской ноге и не раз приглашал на вечеринки и пиры. Современный исследователь Чэнь Гун-ван 陳公望 приводит такой пример: в 1032 г. на территории поместья Цяня по его распоряжению был выстроен новый терем, и хозяин пригласил нескольких литераторов из числа своих подчиненных посмотреть на него. В числе приглашенных были Оуян Сю, Инь Чжу и Мэй Яо-чэнь, и Цянь Вэй-янь попросил их написать о новом тереме. Быстрее всех справились с заданием Оуян Сю и (следом за ним) Инь Чжу, написавшие эссе, а увидевший это Мэй Яо-чэнь вместо эссе сложил стихотворение, в котором воспел красоту терема. Цянь, восхищенный талантами собравшихся, прочил им блестящее будущее (*Чэнь Гун-ван*. Мэй Яо-чэнь юй Оуян Сю. С. 31). Таков был стиль отношений между этим начальником и его подчиненными.

[2] Начало так называемому «движению за возврат к стилю классической древности» в литературе (в противовес господствовавшему в изящном слове стилю *пяньли* — ритмической параллельной прозы, во главу угла ставившей форму произведения и посвященной главным образом самоценным описаниям красот природы) положили танский Хань Юй и Лю Цзун-юань, видевшие главной целью сочинительства следование лучшим как по форме, так и по духу образцам древней прозы; возрождение смысла основных конфуцианских категорий, в первую очередь гуманности и долга; ясность содержания при строгости формы, когда последняя не превалирует над первым.

[3] О взаимоотношениях между Оуян Сю и Мэй Яо-чэнем см., например: *Чэнь Гун-ван*. Мэй Яо-чэнь юй Оуян Сю; *Чжан Чжун-моу*. Мэй Яо-чэнь Оуян Сю цзяои каобянь.

Чжун-янь был лишен всех постов и выслан на службу в провинцию); поэт написал письмо цензору Гао Жо-на (高若訥 XI в.), где укорил его за то, что цензор ничего не сделал для защиты достойного сановника, называя поступок Гао Жо-на «делом позорным, доселе неслыханным», а себя — приверженцем Фань Чжун-яня (黨人, членом одной придворной группировки) [1]. Оуян Сю вторили Инь Чжу и Юй Цзин (余靖 1000—1064), также служивший в Императорской библиотеке; однако высочайшее решение осталось непреклонным, и более того, Оуян Сю, после того как Гао Жо-на предъявил его письмо императору, также попал в опалу и был отослан от двора — начальником Илина (Хубэй) [2]. Неприятности и беды шли чередой: летом 1037 г. умер его дядя, Оуян Е, а весной 1038-го — его пятилетний сын от первого брака. Будучи в опале, Оуян Сю по личной инициативе составил «Синь у дай ши» (新五代史 «Новая история Пяти династий»), отличающуюся от предыдущих исторических сочинений такого характера тем, например, что в ней фигурируют лица, названные бескомпромиссным автором бунтовщиками и изменниками.

***

Возможность вернуться ко двору Оуян Сю получил лишь в 1040 г. — на прежнюю должность, а также в свиту наследника престола. Он продолжил работу над каталогом, закончив которую (1041), был переведен на должность *цзяоли* в Цзисяньюань [3]. Все это время он постоянно подавал

---

[1] Это нашло отражение в написанном в 1043 г. Оуян Сю удивительно смелом рассуждении «О содружествах и шайках», где, в частности, говорилось: «Начну теперь я с общих положений о том, что честный человек с таким же честным человеком вступает в дружбу потому, что принципы у них вполне согласны. Подлец же с подлецом становятся друзья тогда, когда их единит одна совместная нажива. Вот такова вся суть вещей, естественное их теченье! И тем не менее Ваш верноподданный слуга берется утверждать, что подлецы содружеств не знают, а знают их лишь честные — и только. В чем здесь причина? Вот: мизерный человек, что любит он? — наживу и содержание по службе. А жаждет он чего? — вещей и всяческих богатств. В момент, когда он намечает совместно выгоду с другим, он с ними тогда вступает в шайку и, зазывая всех туда, содружеством то называет, но это — фальшь. <…> Вот честный человек — не то! Он держится чего? — высокой правды, чести; как поступает он? лишь искренне правдиво; чем дорожит? — лишь именем и честью. Он в этом воспитал себя; ему друзья — средь тех, с кем по дороге, и тех, кому полезен он умом. Он в этом духе служит государству; тогда друзья едины в своем сердце и дружно споспешествуют царю, и тут они, один как и другой, с начала до конца вполне едины. Вот в этом состоит содружество людей, людей отменно благородных. Поэтому владыка всех людей — он должен упразднять фальшивые содружества мерзавцев и силу дать содружествам лишь честных, которые содружества и есть. Тогда страна под нашим небом придет к великому порядку...» (Шедевры китайской классической прозы. Т. 2. С. 237—238).

[2] Инь Чжу также пострадал: был удален от двора в область Инчжоу (она располагалась на территории совр. пров. Хубэй). Юй Цзина выслали служить в Юньчжоу (Цзянси). По поводу же илинской ссылки Оуян Сю см. подробнее: *Цзинь У-дэ*. Оуян Сю чубянь Илин лунь.

[3] Ц з и с я н ь ю а н ь — одно из трех подразделений, входивших в состав дворцового книгохранилища Мигэ, основанного в 988 г. (другие — Чжаовэньгуань и Шигэ). В 1131 г. Мигэ послужило основой Императорской библиотеки Мишушэн. Ц з я о л и (редактор документов) — одна из низших должностей в Цзисяньюане.

трону доклады с суждениями о делах правления, но ни один из докладов не был принят к серьезному рассмотрению — потеряв надежду быть услышанным и, следовательно, полезным, Оуян Сю сам подал прошение о переводе в провинцию и в 1042 г. получил назначение на должность *тунпаня* (первого заместителя начальника области) в Хуачжоу (Хэнань).

В 1043 г. император Жэнь-цзун после поражения в войне с тангутами и заключения позорного мира, согласно которому сунская империя не только шла на территориальные уступки, но еще обязывалась платить ежегодную большую дань, был вынужден произвести при дворе определенные перестановки [1], в результате чего Оуян Сю, к суждениям которого при дворе ранее не прислушивались, весной этого года был возвращен ко двору и в числе других шестерых оппозиционеров получил назначение в Цензорат [2]: он был назначен главой этого учреждения. Вскоре Люй И-цзянь ушел в отставку, и к власти пришел Фань Чжун-янь со своими сторонниками — назначение Фаня произошло не без прямого влияния Оуян Сю, с мнением которого император теперь считался: «Каждый раз, когда [Оуян Сю] получал аудиенцию, император расспрашивал его о делах управления, которые следует осуществить, и многое по его [советам], что называется, натягивалось или отпускалось», что, конечно, нравилось далеко не всем, и сунская история говорит об этом так: «В своих суждениях Сю был искренен и прям, потому все смотрели на него как на врага, и лишь император поощрял его смелые речи». Новоиспеченного цензора ожидал стремительный взлет: в то время номинальной должностью Оуян Сю была должность *сюаньдэлана*, то есть чиновника седьмого ранга, которому полагалось официальное платье зеленого цвета, но император, желая особо отметить Оуян Сю, даровал ему право носить одежду малинового цвета (что являлось привилегией чиновников пятого класса и выше), назначил его на должность *цицзюйчжу* [3], а немного позднее — на должность чжичжигао. «"Где взять таких людей, как Оуян Сю?" — говаривал [император] приближенным». Последнее назначение было еще одной августейшей милостью: «Согласно порядку, сперва полагалось провести [для чжичжигао] экзамены, а уж потом назначать, но император, зная Сю, издал особый указ о назначении».

---

[1] Это время в китайской истории известно как «новая политика годов под девизом правления Цин-ли», когда был отправлен в отставку пробывший у власти более двадцати лет Люй Ицзянь, а управление страной сосредоточилось в руках сановников Фань Чжун-яня, Чжан Дэсяна (章得象 978—1048), Цзя Чан-чао (賈昌朝 998—1065), Фу Би (富弼 1004—1083) и Хань Ци (韓琦 1008—1075).

[2] Ц е н з о р а т (*юйшитай*) — высший орган государственного надзора, существовавший со времен первой всекитайской империи Цинь и подчинявшийся непосредственно императору. Номинально возглавлялся *юйши дафу*, главным цензором, но должность эта, как правило, оставалась вакантной; на деле же Цензоратом управляли два заместителя главного цензора *юйши чжунчэн* (тоже, кстати, назначавшиеся далеко не всегда). В штате Юйшитая обычно насчитывалось не более 12 сотрудников-цензоров, в функции которых входила критика перед лицом императора замеченных ошибок чиновников всех рангов (в первую очередь, конечно, высших).

[3] Ц и ц з ю й ч ж у — чиновник, в обязанности которого входила фиксация речений и поступков государя, что-то вроде императорского хрониста.

***

Однако взлет был недолгим. В 1045 г., после отставки Фань Чжуняня [1], Оуян Сю был скомпрометирован якобы имевшейся у него незаконной связью с пятнадцатилетней девушкой, дочерью покойного мужа его младшей сестры, жившей в его доме в качестве приживалки, и хотя обвинение это не получило никакого подтверждения, оклеветанный Оуян Сю получил отставку с поста чжичжигао и был отправлен в провинцию — управлять областью Чучжоу (Аньхой). Там он провел два года, просле чего последовали переводы в Янчжоу (Цзянсу), а в 1049 г. — в Инчжоу (Аньхой). Прошло целых пять лет, прежде чем Оуян Сю получил возможность вернуться ко двору, и именно эти годы подарили миру такие произведения, как «Цзуй вэн тин цзи» (醉翁亭記 «Записки о беседке Пьяного Старца» или «В беседке Пьяного Старца» в переводе В. М. Алексеева), «Фэн лэ тин цзи» (丰樂亭記 «Записки о беседке Фэнлэтин» или «О моем павильоне "Роскошного довольства"» в переводе В. М. Алексеева [2]) и др., составившие славу сунской литературы, а сам Оуян Сю в это время взял себе литературный псевдоним Цзуй-вэн (醉翁 Пьяный Старец) и выстроил беседку с таким же названием (1046). Его литературная репутация крепла — в столицу он приехал в ореоле славы. Император, увидевший седину в его волосах, «разговаривал с [ним] весьма участливо». В 1050 г. Оуян Сю был назначен на пост сюэши в палату Лунтугэ и в аппарат наместника Дамина, а

---

[1] Фань Чжун-янь возглавлял так называемую реформаторскую группировку при дворе. Проект предлагаемых им императору реформ включал: широкомасштабное преобразование чиновничьего аппарата (уменьшение числа чиновников, поскольку слишком большое их количество ложится дополнительным налоговым бременем на народ; увольнение со службы чиновников «бесталанных» и привлечение «талантливых» вне зависимости от их происхождения; прекращение практики автоматического повышения в ранге в зависимости от срока службы и без учета реальных заслуг; отмена особого права потомков крупных сановников продвигаться по службе без прохождения экзаменов, а также полная отмена привилегий для отпрысков знатных родов при назначении на придворную службу, реформация экзаменов с целью направить внимание на умение толковать смысл конфуцианских классиков, а не на сложение стихов и од; создание системы поручительства при соискании должности, когда рекомендующий был бы лично ответствен за рекомендуемого; решительное исключение возможности давно практиковавшегося перевода в частную собственность земель, получаемых в должностное пользование; усиленное развитие сельского хозяйства и шелководства; ряд мер по увеличению налоговых поступлений, в частности, интенсификация ирригационного строительства, поощрение местных властей за деятельность, направленную на борьбу с наводнениями и засухами, а также поощрение местных чиновников и простых людей за предлагаемые ими меры, необходимые для развития и улучшения сельского хозяйства; уменьшение и упорядочение казенных повинностей и, в связи с этим, пересмотр состава ряда административных единиц и, по возможности, слияние их части с целью равномерного распределения повинностей по всей территории страны; с целью уменьшения расходов казны на содержание армии — восстановление танской системы *фубин*, когда служба в армии сочеталась с сельскохозяйственным трудом (подробнее см.: *Лапина З. Г.* Политическая борьба в средневековом Китае. С. 125—142). Оуян Сю разделял стремления Фань Чжун-яня, особое внимание уделяя вопросам упорядочения и даже чистки чиновничьего аппарата. Реформы встретили сильнейшее сопротивление влиятельной знати, чьи интересы они прямо затрагивали, в результате Фань Чжун-янь был отправлен в отставку, а некоторое время спустя за ним последовали и все его наиболее яркие сторонники.

[2] Все эти произведения см. в последнем, самом полном издании переводов В. М. Алексеева: Шедевры китайской классической прозы. Т. 2.

потом — в Наньцзин, но через два года скончалась его мать, и Сю, как почтительный сын, удалился со службы, чтобы носить траур.

Окончательное возвращение Оуян Сю ко двору произошло лишь в 1054 г., когда он стал членом придворной академии Ханьлиньюань и получил распоряжение о составлении новой истории династии Тан. В 1055 г. Оуян Сю ездил посольством к киданям — по случаю восхождения на трон Дао-цзуна (на троне 1055—1100), очередного ляоского монарха из рода Елюй. Кидане приняли его с большим почетом: «Это прием не из ряда обычных, а из уважения к славе вашей, господин». По возвращении Оуян Сю представил трону «Бэй ши юй лу» (北使語錄 «Записи рассказов северного посланника»).

В 1056 г. Оуян Сю был назначен главным столичным экзаменатором. И несмотря на некоторое сопротивление, оказанное ему придворными, помнившими давнюю историю с юной родственницей Оуян Сю, ему удалось провести экзамены блестяще, настаивая на своем понимании того, какими умениями в первую голову должны в совершенстве владеть претенденты на цзиньши; следуя своим литературным предпочтениям в прозе древнего стиля, Оуян Сю выделял тех претендентов, в которых видел единомышленников, и не давал дороги тем, кто писал начётническим вычурным стилем; именно на этих экзаменах, кстати, победу одержали известные сунские литераторы Су Ши и Су Чэ, продемонстрировавшие великолепное знание канонических сочинений, — Оуян Сю всячески поддержал их. Не обошлось и без инцидентов: несколько студентов, проваленных Оуян Сю на экзаменах, напали на излишне, с их точки зрения, принципиального главного экзаменатора, желая расправиться с ним физически, но для Оуян Сю все закончилось благополучно.

Следующий год Оуян Сю провел в качестве правителя Кайфэна, пост этот он принял из рук прославленного своей справедливостью и прозорливостью сунского чиновника Бао Чжэна (包拯 999—1062), впоследствии обожествленного и ставшего героем романов и пьес. Это стало, конечно, определенным вызовом для Оуян Сю, поскольку от него ожидали, что он будет управлять Кайфэном в духе Бао Чжэна, благодаря своему авторитету и грозной славе державшего население в строгости и подчас страхе; Оуян Сю, однако, во всех своих действиях строго следовал букве закона, что также привело его к успеху. В этом же году император даровал ему свиток с собственноручно написанными иероглифами *вэнь жу* 文儒, то есть «просвещенный конфуцианец» [1]. В 1060 г. было закончено составление «Синь тан шу». В 1061 г. Оуян Сю был пожалован титул *кайгогуна* [2].

---

[1] Жэнь-цзун еще неоднократно одаривал Оуян Сю образцами своей каллиграфии: так, в 1059 г. он пожаловал ему надпись *шань цзин* 善經, то есть «блестящий [знаток] канонов».

[2] К а й г о г у н — высший почетный титул, делавший его обладателя носителем высшего титула знатности *гун* 公 и дававший ему в кормление не менее пятисот крестьянских дворов. Пожалования Оуян Сю продолжались и после его смерти: в 1085 г. ему был дарован титул *кангогуна*, в 1096 — *чунгогуна*, в 1104 — *тайгогуна*, а в 1113 — *чугогуна*.

***

Нет никакой надобности далее перечислять тут все должности, которые Оуян Сю занимал при дворе, говорить о всех изгибах его чиновничьей карьеры [1], поэтому я ограничусь упоминанием о том, что он был и первым помощником начальника Шаншушэна, и начальником Военного департамента, и заместителем начальника Шумиюаня (Высшего военного совета), и наставником наследника трона — словом, не раз занимал первые военные, финансовые и политические посты в аппарате управления страной. Но в 1067 г. Оуян Сю вновь оклеветали, распустив слухи о его незаконной связи, на сей раз — с женой сына. Это было очень тяжелое обвинение, достаточное для того, чтобы лишиться любых постов; однако и здесь доказательств не нашлось, а авторитет Оуян Сю был столь велик, что он, хотя вокруг него и сложилось кольцо социального отчуждения, почти изоляции, удержался на службе, да и император, которому поэт подал несколько прошений, настаивая на необходимости разобраться в этом деле, в конце концов не поверил в его виновность: «Шэнь-цзун вник в клевету и отринул ее» [2]. Он собственноручно написал Оуян Сю письмо: «Весна [столь] тепла, а мы с Вами давно не виделись — все ли [у Вас] благополучно? Несколько дней уж прошло с тех пор, как слова клеветы причинили Вам, сударь, такой страшный вред — с рассвета и до заката все думы Наши об этом, и нет покоя на душе...» [3] Однако сам Оуян Сю, несмотря на то что император лично провел расследование и установил его невиновность, в подобных обстоятельствах не мог оставаться при дворе — он испросил перевод в провинции, [с тем чтобы] сначала управлять областью Бочжоу (Аньхой), а потом — Цинчжоу. Именно здесь Оуян Сю вступил в конфликт со своим другом и протеже Ван Ань-ши, ставшим в то время министром и приступившим к осуществлению реформ [4]. Оуян Сю решительно воспротивился од-

---

[1] Тем более что об этом уже много и весьма подробно написано. См., например, выполненное сунским Ху Кэ 胡柯 погодное жизнеописание Оуян Сю 歐陽修年譜, которое традиционно включается в собрание его сочинений. Также об Оуян Сю см. его официальную биографию в сунской династийной истории, цз. 319; Сунжэнь чжуаньцзи цзыляо. Т. 5. С. 3748—3754; *Liu J. T. S.* Ou-Yang Hsiu, an eleventh century Neo-Confucianist; *Liu J. T. S.* Ou-Yang Hsiu; *Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X—XI в. С. 207—246; *Чжан Хуа-чэн*. Оуян Сю; *Лю Дэ-цин, Го Юй-хэн*. Оуян Сю чжуань; *Хуан Цзинь-дэ*. Оуян Сю пинчжуань; *Egan R. C.* The Literary Works of Ou-yang Hsiu, и мн. др.

[2] К этому же времени относится и эпизод с якобы нарушением Оуян Сю придворного регламента, когда он после смерти императора Ин-цзуна явился ко двору в неподобающей одежде, о чем тут же и доложили здравствующему владыке. Тот, однако, позволил Оуян Сю объясниться и оставил дело без последствий. То есть имели место массовые нападки на Оуян Сю, что объяснялось, опять-таки, очередным витком политической придворной борьбы, обострившейся в момент перехода власти от одного императора к другому (от Ин-цзуна к Шэнь-цзуну). Не исключено, что оба этих случая оказали непосредственное влияние на развитие дальнейшей карьеры поэта.

[3] *Дин Чуань-цин*. Сунжэнь иши хуэйбянь. С. 378.

[4] В а н А н ь - ш и — сунский министр и литератор, в первую очередь известен проведенными им реформами, которые в упрощенной форме суть следующие: усиление ирригационных работ в стране; предоставление крестьянам ссуд под будущий урожай; освобождение от трудовых повинностей путем внесения за это особого налога; полный перемер земельных наделов с целью обеспечить равномерный сбор налогов; организация торговли под государственным

ному из нововведений, а именно — так называемым «деньгам на ранние всходы» [1], и запретил на территории подконтрольной ему области проводить эту реформу. Он дважды подавал доклады, в которых разъяснял свою позицию, но ни на один не получил ответа. Последним же местом его службы стала область Цайчжоу (Хэнань), и именно здесь Оуян Сю принял второй свой литературный псевдоним — Лю-и цзюйши 六一居士, Отшельник Лю-и.

На склоне жизни Оуян Сю, традиционно сославшись на старость и болезни, наконец получил после многочисленных просьб отставку и отправился в поместье в Инчжоу, красота мест которого столь пленила его еще в середине пятидесятых годов, тут Оуян Сю и провел остаток дней — он умер в 1072 г., меньше чем через год после ухода со службы [2].

***

Влияние масштабной личности Оуян Сю на последующее развитие китайской культуры велико, многогранность его деятельности удивительна. В качестве государственного мужа он постоянно работал над возрождением принципов классического конфуцианства, по выражению сунской династийной истории, «всю жизнь говорил людям правду без утайки», не смущаясь ни положением, ни происхождением оппонента, выдвигал на государственные должности людей исключительно способных, стоящих, даже если и не во всем разделял их взгляды. Найдя учителя в Хань Юе и став признанным лидером литературного реформаторского движения своего времени [3], Оуян Сю своими выдающимися прозаическими сочинениями создал себе настолько высокую репутацию в первую очередь как стилист и оригинальный мыслитель, что вошел в число тех самых «Тан Сун ба дацзя», «восьми великих литераторов эпох Тан и Сун», а его *гувэнь* 古文, проза древнего стиля, стала образцом безупречности для множества после-

---

наблюдением; государственное регулирование цен и денежного обращения; учреждение сил местной самообороны (*баоцзя*); установление для всех, охваченных баоцзя, конной повинности; установление постоянных должностей командующих местными войсками; создание военных арсеналов. Научная литература, посвященная реформам Ван Ань-ши, довольно обширна. Из работ на русском языке см., например: *Иванов А. И.* Ван-Ань-Ши и его реформы; *Лапина З. Г.* Политическая борьба в средневековом Китае.

[1] «Деньги на ранние всходы» (*цинмяофа* 青苗法) — предлагаемая Ван Ань-ши система выдачи крестьянам правительственными органами ссуд под будущий урожай с фиксированной процентной ставкой 20 % за полугодие и с возможностью в случае неурожая отсрочить погашение задолженности до будущего года, тогда как прежде крестьянам нередко приходилось закладывать помещикам будущий урожай по ставкам, зачастую превышавшим сто процентов. Указ о проведении этой реформы был подписан в 1069 г. Об отношении Оуян Сю к этой проблеме подробно см.: *Юй Чжао-пэн*. Пин Оуян Сю «чжисань цинмяофа» вэньти.

[2] Знаток традиционной китайской медицины офтальмолог Чэнь Яо-чжэнь (陳耀真 1889—1986) на основе скрупулезного анализа сочинений Оуян Сю (главным образом стихов и писем разным лицам) пришел к выводу, что причиной смерти поэта стал сильно запущенный диабет, которым Оуян Сю страдал с тридцатидевятилетнего возраста и о симптомах которого неоднократно писал друзьям и знакомым (*Чэнь Яо-чжэнь*. Оуян Сюдэ яньбин као).

[3] Подробнее см.: *Цянь Дун-фу*. Тан Сун гувэнь юньдун; *Чжэн Мэн-тун*. Оуян Сю цзай Бэйсун шивэньгэ синьюньдунчжундэ дивэй хэ цзоюн; *Хэ Би-сюн*. Оуян Сю юй Хань Юйдэ «гувэнь» гуаньси; *Чжу Шан-шу*. Бэйсун гувэнь юньдун фачжаньши, и др.

дующих поколений китайских книжников. Утверждая вслед за Хань Юем в сочинительстве индивидуальность стиля, ясность и логичность мысли с одновременным владением культурным багажом предшествующих эпох, Оуян Сю был убежден, что в основе любого художественного творчества должно лежать постижение Дао 文以明道, слияние с абсолютом и, в конечном итоге, то самое, стоящее за пределами слов, наитие, о котором писал танский Сыкун Ту (司空圖 837—908) [1], и именно этому должно быть подчинено произведение, а не причудливой лишь форме, заслоняющей собой содержание. «Но вот появился Оуян [Сю], и после него [этот стиль] был выметен без остатка. С тех пор хотя среди образованных людей одни пишут искусно, другие грубо, однако большинство их приближается к древней [простоте]... Можно сказать, что заслуга Оуян [Сю] велика», — писал о влиянии Оуян Сю на современный ему литературный процесс видный китайский книжник Лу Ю (陸游 1125—1210) в своем путевом дневнике в «Жу шу цзи» (入蜀記 «Записки о поездке в Шу») [2]. Оуян Сю оставил после себя более пяти сотен произведений изящной прозы различных жанров — и в первую очередь благодаря им, а не стихам или историческим штудиям он известен в Китае и за его пределами [3].

Как историк — в «Синь тан шу» и «Синь у дай ши» — Оуян Сю раздвинул привычные границы жанра официальных исторических сочинений, включив туда сведения о тех лицах, о которых обычно не писали из идеологических или попросту цензурных соображений; в области изучения классических текстов он призывал обращаться непосредственно к оригиналу, не придавая существенного значения толкованиям и комментариям последующих времен — ибо сказанное в каноне должно быть понятно и постижимо само по себе и именно к простоте и лаконичности изложения исторических фактов в канонических сочинениях (например в «Чунь цю») единственно и следует стремиться [4]. Известны изыскания Оуян и в области

---

[1] «Поэт переходит грани и парит над формами мира: он внедряет себя в абсолютный центр (Дао)» (перевод-парафраз В. М. Алексеева; цит. по: *Алексеев В. М.* Китайская поэма о поэте. С. 2).

[2] Перевод Е. А. Серебрякова. Цит. по: *Лу Ю*. Поездка в Шу. С. 59.

[3] Основной вклад в перевод бессюжетной прозы Оуян Сю на русский язык сделал академик В. М. Алексеев. В настоящее время опубликовано: «Сужденье мое о каноне "Чуньцю", иль книге "Вёсен-осеней"», «В беседке Пьяного Старца», «Я ненавижу мух», «Второе письмо кандидату сюцаю Чжану», «Голос осени», «Для студии Дневной Парчи», «Молитвенное обращение при жертвоприношении Ши Мань-цину», «О моем павильоне Роскошного Довольства», «О содружествах и шайках», «Литературный отдел ("Истории Тан")», «Ответ кандидату У Чуну», «На проводах Ян Чжи», «Памятная запись на камне в Лунгане», «Письмо к Фаню, шефу тронной оппозиции», «По поводу роспуска арестантов», «Предисловие к собранию стихотворений монаха-сакья Би-яня», «Предисловие к собранию сочинений в прозе и стихах сакья Вэй-яня», «Предисловие к исправленному изданию "Канонической книги о Желтом центре"», «Предисловие к сборнику стихотворений Мэй Шэн-юя», «Суждение о разделе биографий актеров в "Истории Пяти династий"», «Суждение о разделе биографий "сателлитов" (евнухов) в "Истории Пяти династий"» и «Читаю сочинения Ли Гао» (см.: Шедевры китайской классической прозы. Т. 2. С. 213—278). Поэтические произведения Оуян Сю в переводе на русский см. в кн.: Антология китайской поэзии. Т. 3. С. 27—28; Поэзия эпохи Сун. С. 72—95; Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама. С. 334—338; Цветет мэйхуа. С. 97—110; Китайская пейзажная лирика. С. 107—117.

[4] Характеризуя работу Оуян Сю над танской историей, В. М. Рыбаков отмечает, что, «с одной стороны, он чрезвычайно высоко ценил историческую науку и достоверность содержащихся

археологии и эпиграфики — его сочинение «Цзи гу лу» (集古錄 «Записи о собранных древностях», 1063) охватывает документальные свидетельства (надписи на камнях, утвари, стенах храмов и пр.) начиная с эпохи Чжоу и по время правления династии Тан, а в книжном собрании Оуян Сю, по свидетельствам современников, насчитывалось более десяти тысяч томов разнообразных сочинений.

Наследие Оуян Сю велико и разнообразно. До наших дней дошли собрания его прозы «Цзюй ши цзи» (居士集 «Собрание отшельника») в пятидесяти цзюанях (известны три ксилографа — сунский, минский и цинский) и «Оуян вэнь чжун гун цзи» (歐陽文忠公集 «Собрание господина Оуян Вэнь-чжуна») в ста пятидесяти трех цзюанях (сунский, три минских и один цинский ксилограф). Сохранилось также значительное число его стихотворений — собрание цы «Лю и цы» (六一詞 «Цы [отшельника] Лю-и») в трех цзюанях (сунский и минский ксилографы), около ста цы вошло в состав «Цюань сун цы», а в антологии «Цюань сун ши» содержится двадцать две цзюани стихотворений Оуян Сю в старом стиле (всего же до наших дней дошло более восьмисот стихотворений поэта и более двухсот его цы) [1]. Творчеству Оуян Сю посвящена громадная научная литература, но нас в рамках настоящего исследования будут интересовать лишь два небольших его произведения — сборник бицзи «Гуй тянь лу» (歸田錄 «Записи вернувшегося к полям») и первое произведение в жанре «рассуждение о стихах» — «Лю и ши хуа» (六一詩話 «Шихуа отшельника Лю-и»).

***

Оуян Сю закончил работу над сборником «Гуй тянь лу» на склоне лет (предисловие датировано двадцатым числом девятой луны четвертого года под девизом правления Чжи-пин, то есть 1067 г. [2]), когда он был по-

---

в ней сведений. Доказательность была для него вопросом номер один... С другой стороны... он не включил в текст многие факты даже из тех, что упоминались в "Старой истории Тан". Некоторые же танские документы он вообще переписывал по-своему (или выпускал совсем) просто потому, что ему не нравился их литературный стиль. Таким образом, неуважение к факту тоже было немалым». Здесь не место и не время подробно говорить на данную тему, однако же отмечу, что, по словам В. М. Рыбакова, Оуян Сю в данном контексте «интересовала не столько история сама по себе, сколько концепция истории — концепция, которая по определению, по самому своему предназначению должна была быть политической концепцией, пригодной для практического применения» (*Рыбаков В. М.* Представления Оуян Сю об историческом процессе. С. 314—316).

[1] Подробнее обо всех сочинениях Оуян Сю, степени их сохранности, аутентичности и особенностях бытования см. обстоятельную работу Чэнь Шан-цзюня 陳尚君: *Чэнь Шан-цзюнь*. Оуян Сю чжэшу као.

[2] Время действия большинства фрагментов этого сборника уверенно относится к первой половине XI в.; по крайней мере, среди явно названных дат самая поздняя — 1048 г., хотя имеются и фрагменты, повествующие о более ранних периодах китайской истории, в основном о становлении сунской династии (т. е. о времени второй половины девяностых годов X в.) или же об отдельных эпизодах периода Пяти династий. А судя по тому, что в «Гуй тянь лу» упоминается император Ин-цзун — про него сказано *цзинь шан* 今上, то есть «нынешний Владыка», действие в некоторых фрагментах происходит в годы правления Ин-цзуна, то есть между 1064 и 1067 гг.

слан служить в провинцию в качестве начальника области Хаочжоу [1]. В литературном разделе сунской династийной истории сборник значится в составе восьми цзюаней [2], у Чао Гун-у указан объем в шесть цзюаней [3], однако в библиографии Чэнь Чжэнь-суня (составленной около 1240 г.) сказано о сочинении с таким названием объемом в две цзюани [4]. Если не принимать во внимание информацию «Сун ши и вэнь чжи» (тем более что эта библиография делалась на полтора века позднее библиографии Чэнь Чжэнь-суня и на два века позднее Чао Гун-у; возможно, сведения «Сун ши и вэнь чжи» следует относить к случаю простой ошибки или описки), получается, что две из дошедших до наших дней сунских библиографий оперируют совершенно разными — и существенно разнящимися: шесть и две цзюани! — объемами текста «Гуй тянь лу».

Быть может, причина таких сильных расхождений кроется в истории самого текста. Так, в заметке Чэнь Чжэнь-суня говорится:

> Рассказывают, что когда господин (то есть Оуян Сю. — *И. А.*) закончил эти записи, но еще не распространил, первым известно стало предисловие. Юй-лин (то есть император Шэнь-цзун. — *И. А.*) потребовал [представить ему] сборник. А в нем были записи о делах того времени и том, что [Оуян Сю] лично слышал и видел при нескольких правлениях. [Господин] не осмелился представить [императору книгу] в таком виде и переработал ее в настоящий [сборник], а первоначальный текст уж и восстанавливать не стал. Не знаю, можно ли верить?

По всей вероятности, можно, поскольку такое развитие событий подтверждают и другие письменные источники, например Ван Мин-цин (王明清 1127—1214?), в «Хуэй чжу лу» (揮麈錄 «Записи помахивающего мухобойкой») которого (фрагм. 126) сказано:

> Когда господин Оуян только составил «Гуй тянь лу», но еще не распространил [в свете], предисловие уже получило хождение. Шэнь-цзун прочитал его и спешно отрядил специального посланца двора забрать [рукопись] для ознакомления. В то время господин [Оуян] уже отказался от должности и жил в Инчжоу (то есть это было около 1071 г. — *И. А.*); в [рукописи] были такие записи, которым он не хотел бы придавать широкую огласку, а потому [господин Оуян] полностью их выкинул, но, печалясь о том, что [текста] осталось слишком мало, восполнил недостающее в рукописи записями разных забавных и смешных историй, не вызывающих раздражения. И, переписав набело, представил двору. Но и изначальную рукопись не осмелился сохранить, [так что] ныне известные [списки «Гуй тянь лу»] — это представленная двору [рукопись], а первоначальная книга, вероятно, так уж и не явится миру [5].

---

[1] *Katsumura Tetsuya*. Kuei-t'ien lu. P. 99—100.

[2] Сун ши и вэнь чжи. С. 59.

[3] *Чао Гун-у*. Цзюнь чжай ду шу чжи цзяо дэн. С. 575.

[4] *Чэнь Чжэнь-сунь*. Чжи чжай шу лу цзе ти. С. 340.

[5] *Ван Мин-цин*. Хуэй чжу лу. С. 54. «Тот факт, что недавно вступивший на престол император Шэнь-цзун проявил беспокойство по поводу сборника Оуян Сю, составленного при Жэнь-цзуне и Ин-цзуне, и захотел познакомиться с его содержанием, свидетельствует, что подобные сочинения в глазах тогдашней общественности отнюдь не представляли собой собрания записей для личного употребления, а были обращены к образованным людям и могли сооб-

Однако у Чжоу Хуэя (周輝 1126—?) в «Цин бо цза чжи» (清波雜志 «Разные записи Цин-бо») данная история заканчивается утверждением: «Изначальный текст тоже некогда распространился» [1], — и цинский текстолог Ся Цзин-гуань 夏敬觀 усмотрел этому подтверждение в том, что при сопоставлении сунских списков «Гуй тянь лу» с текстами прозаических антологий в составе последних обнаруживаются фрагменты, в каноническом списке отсутствующие, но сборнику, несомненно, принадлежащие (Ся говорит о двух таких фрагментах) [2]. Видимо, в таком случае следует полагать, что первоначальный текст был значительно обширнее ныне известного — больше на четыре (или даже шесть) цзюаней, которые автор вычеркнул из цензурных соображений, и именно об этом тексте идет речь в сунской династийной истории, а также и у Чао Гун-у?

Однако же странно, что, будучи отражен в династийной истории и, следовательно, находясь в числе книг императорского собрания, данный список текста бесследно канул в Лету, не оставив никаких более существенных следов в истории, нежели простые упоминания его значительного объема. Версия о параллельном сосуществовании двух списков — первоначального и отредактированного для представления двору — кажется малообоснованной; скорее логично будет предположить, что в процессе бытования «Гуй тянь лу» из состава сборника по тем или иным причинам выпали какие-то фрагменты, которые, как и в случаях с другими сборниками бицзи, были разысканы и добавлены к тексту китайскими текстологами последующих эпох; ну а теперь уже легендарный «первоначальный текст» был или уничтожен самим Оуян Сю, или по каким-то иным причинам не получил распространения.

А вот что очевидно из процитированных выше отрывков (и мы не имеем как будто никаких оснований не верить их авторам), так это, во-первых, что, закончив «Гуй тянь лу» в 1067 г., Оуян Сю не публиковал текст как минимум до 1071 г., то есть почти до самой своей смерти; и во-вторых, текст, которым мы располагаем ныне, не является первоначальным вариантом «Гуй тянь лу», но суть список, исправленный и дополненный противу оригинала автором под давлением обстоятельств — известный своей прямотой и бескомпромиссностью сановник сам отцензурировал свой труд, убрав оттуда все, что могло бы вызвать неудовольствие двора, ведь слишком многим событиям придворной жизни ему довелось стать свидетелем. «Ясно, что литератор с такими чертами характера вполне мог записать факты, нежелательные для правящей верхушки», — пишет Е. А. Серебряков [3]. Шэнь-цзун обеспокоился ознакомиться с содержанием заранее — и это при том, что он относился к Оуян Сю с величайшим уважением и вниманием («Весна [столь] тепла, а мы с Вами давно не виделись — все ли [у Вас] благополучно?»)...

щить им неофициальные сведения и повлиять на оценку политических деятелей и событий» (*Серебряков Е. А.* Свидетельства ума, таланта и знаний. С. 62).

[1] Чжунго вэньянь сяошо цанькао цзыляо. С. 351.

[2] Там же. С. 352.

[3] *Серебряков Е. А.* Свидетельства ума, таланта и знаний. С. 63.

Как было сказано, судьба первоначального текста «Гуй тянь лу» нам неизвестна и сам Оуян Сю не оставил на этот счет явных свидетельств. Однако нельзя не обратить внимание на следующее предположение современного китайского текстолога и литературоведа Ли Вэй-го (李偉國 р. 1948): часть фрагментов, которые Оуян Сю вычеркнул из «Гуй тянь лу», не пропали безвозвратно, но нашли место в другом сочинении поэта, а именно в «Шихуа отшельника Лю-и». Действительно, в «Цин сян цза цзи» (青箱雜記 «Разные записи Цин-сяна») младшего современника Оуян Сю — У Чу-хоу (吳處厚 XI в.) говорится о сунском буддийском монахе-поэте Хуэй-чуне 惠崇, стихи которого почти не сохранились; У Чу-хоу сожалеет, что и у Оуян Сю в «Гуй тянь лу» его блестящих строк столь мало [1]. Между тем в нынешнем тексте «Гуй тянь лу» запись о Хуэй-чуне отсутствует, зато она есть в «Лю и ши хуа». Ли Вэй-го приводит еще несколько подобных примеров [2]. «Гуй тянь лу» и «Лю и ши хуа» и в самом деле имеют много общего как в содержании, так и в форме; и в составе «Гуй тянь лу» также присутствуют фрагменты, посвященные «рассуждениям о стихах», хотя их и очень мало. С другой стороны, хотя эти два сборника тематически и различны, но они взаимодополняют друг друга, как две главы одной книги.

***

Так или иначе, но послесунская судьба «Гуй тянь лу» как будто безоблачна: текст объемом в две цзюани, известный с сунского времени, дошел до нашего времени с минимальными потерями — в нем 116 фрагментов (шестьдесят в первой цзюани и пятьдесят шесть во второй, а также предисловие [3]), никак тематически не организованных. Прототипом для сборника, по признанию самого Оуян Сю, стало сочинение танского Ли Чжао (李肇 кон. VIII—перв. пол. IX в.) «Го ши бу» (國史補 «Дополнения к истории государства»):

> У танского Ли Чжао в предисловии к «Го ши бу» говорится: «Речи о загробном воздаянии, повествования о душах умерших и духах, свидетельства снов и гаданий, истории о любви — все это [я] отбросил; записи же о действительных событиях, погружение в суть вещей, выправление ошибок и за-

---

[1] *У Чу-хоу*. Цин сян цза цзи. С. 1681.

[2] См.: *Ли Вэй-го*. «Лю-и шихуа» юй «Гуй тянь лу».

[3] Таков состав самого авторитетного сегодня критического текста «Гуй тянь лу», подготовленного Ли Вэй-го на основе ксилографа из легендарного шанхайского книгохранилища Ханьфэньлоу 涵芬樓 и изданного в 1981 г. издательством «Чжунхуа шуцзюй» (серия «Тан Сун шиляо бицзи цункань» 唐宋史料筆記叢刊; см.: *Оуян Сю*. Гуй тянь лу); этот критический текст неоднократно переиздавался в КНР (одно из последних переизданий было предпринято в 2006 г. в Сиане). Известно, что первые дополнения к «Гуй тянь лу» (из разряда утерянных ранее и разысканных по текстам других сочинений) сделал цинский текстолог Ся Цзин-гуань (два фрагмента, разысканные в «У чао мин чэнь янь син лу» 五朝名臣言行錄 — «Записи речений и поступков прославленных придворных пяти династий» Чжу Си 朱熹 1130—1200), а наибольший вклад в дело восстановления «Гуй тянь лу» сделал Ли Вэй-го, добавивший в текст тридцать восемь фрагментов (из восьми сочинений, главным образом антологий *лэйшу*). Впрочем, с их аутентичностью согласны далеко не все современные китайские текстологи (см.: *Чэнь Шан-цзюнь*. Оуян Сю чжэшу као. С. 165).

> блужений, собрание [описаний] нравов и обычаев, истории, вызывающие улыбку, — из этого-то [я] и составил книгу». Мои же записи — они по большей части сделаны по образцу Чжао, а небольшое отличие в том, что я не писал о людских злодействах. Таковы, по мне, помыслы благородного мужа — даже если он и не служит по исторической части — не выпячивать дурное, а превозносить прекрасное. А кто будет листать [эти записки], убедится в том подробно (фрагм. 116).

Название же восходит к известной оде Чжан Хэна (張衡 78—139) «Гуй тянь» (歸田 «Возвращение к полям»), основной тезой которой выступает противопоставление тщеты придворной жизни безыскусному существованию ушедшего от дел ученого отшельника, поселившегося привольно на лоне природы: «Я стану выше мира грязи, уйдя подальше от него, и навсегда я распрощаюсь с делами суетного света... Взмахну я кистью с тушью на конце и ею выражу цветы моей души» (пер. В. М. Алексеева). Так и Оуян Сю: на склоне лет, уйдя со службы и поселившись в давно облюбованном местечке далеко от придворных битв и политических баталий, он предался вольному сочинительству, суммируя наблюдения жизни и предаваясь воспоминаниям. Общее впечатление от содержания «Гуй тянь лу» прекрасно выражено в начале авторского предисловия:

> Это записи тех событий, бывших при дворе, которые не занесли в анналы чиновники, служащие по исторической части; это записи достойного упоминания — среди шутливых разговоров и бесед с людьми, принадлежащими к высшим слоям общества. [Я] записал все это, дабы просматривать, праздно живя на досуге...

В соответствии со сказанным и фрагменты, образующие этот, в сущности, маленький сборник, распадаются на несколько более или менее устойчивых тематических групп:

— фрагменты, посвященные делам, поступкам и выдающимся моральным качествам разных исторических персонажей; это, как правило, современники Оуян Сю, люди, с которыми он был знаком лично (среди них: Коу Чжунь, Дин Вэй, Цянь Вэй-янь, Ян И и др); Оуян Сю обычно преподносит такие истории в описательном ключе, строго следуя фактам, из которых следует, как достойно поступил тот или иной человек:

> Отец Ин-гуна Ся Суна (夏竦 985—1051) служил в Хэбэе и, когда в годы Цзин-дэ (1004—1007) кидани разбойно туда вторглись, погиб в сражении. Спустя время господин [Ся Сун] стал шэжэнем и, когда носил траур по матушке, был до срока призван на службу — получил повеление ехать к киданям послом. Господин решительно отказался ехать. В его докладе говорилось: «Батюшка погиб за дело государя, траур я по матушке ношу. Нет под небесами места нам, невозможно мне поклоны во дворцах их бить. Долг мой — изголовье из земли, а — не звукам варваров музыки внимать» (фрагм. 55).

Лишь изредка автор позволяет себе в конце оценочную ремарку вроде «мелким людишкам это должно стать уроком» (фрагм. 45). Видимо, сюда же следует относить и фрагменты, повествующие о взаимоотношениях императоров со своими ближними сановниками [1];

---

[1] Безусловным лидером по упоминаниям в «Гуй тянь лу» является сунский император Чжэньцзун: он фигурирует во фрагментах 4, 13, 19, 36, 47, 56, 58, 61, 65, 91 и 109. За ним идет

— фрагменты, представляющие собой исторические анекдоты, то есть описания примечательных случаев с известными людьми в тех или иных ситуациях: на экзаменах, во время выполнения служебных обязанностей, в сложных ситуациях, требующих единственно правильного разрешения; подспудный смысл таких фрагментов схож с моралью для «мелких людишек»: прочитавший должен почерпнуть для себя пример поведения правильного — или, наоборот, неправильного, проистекающего из личных качеств главных персонажей. Хрестоматийный пример тут — история с покупкой сапог министрами Фэн Дао и Хэ Нином (фрагм. 8);

— фрагменты, представляющие собой анекдоты в современном смысле этого слова, то есть истории смешные, забавные.

> Служившие некогда в должности *цаньчжи чжэнши* [1] господин Дин Ду (丁度 990—1053) и господин Чао Цзун-цюэ (晁宗慤 985—1069) были в чиновниках в одно время; [они] любили подтрунивать друг над другом. Чао, оставляя пост, написал Дину прощальное письмо, а тот как раз был назначен паньгуанем и сказал [Чао] шутливо: «Я не успел ответить на ваше любезное письмо, но в благодарность послал Вам телегу лошадиного навоза». «Получить [телегу] дерьма гораздо ценнее [Вашего] ответа!» — отвечал Чао (фрагм. 6).

Таких историй в «Гуй тянь лу» достаточно;

— фрагменты, содержанием которых являются те или иные реалии жизни современного Оуян Сю китайского общества: уложения и установления для чиновников («Установления для чиновников давно уж находятся в небрежении! Ныне многие называют [должности] с ошибками, даже люди из высших слоев общества — и те следуют просторечным [заблуждениям], не находя в том ничего странного», фрагм. 71), девизы правления («За сто с лишним лет правления нынешней династии не было девиза правления, перевалившего за девять лет», фрагм. 94), чай («Самые дорогие сорта чая — *лун*[*туань*] и *фэн*[*бин*]. Их называют *туаньча*. Восемь плиток весят один *цзинь*», фрагм. 74), географические реалии, монетное обращение, памятники архитектуры и т. п. Иногда это довольно пространные пассажи:

> Когда покойный господин Дин Ду, [посмертное имя] Вэнь-цзянь, ушел с поста цаньчжи чжэнши, то стал сюэши палаты Цзычэньдянь, а это то же, что и сюэши палаты Вэньминдянь. В самой палате Вэньмин[дянь] была [должность] дасюэши ("великий ученый муж"), ее по совместительству занимал цзайсян, а еще были просто сюэши, они возглавляли сюэши прочих [палат]. Потом, когда «вэнь мин» стало посмертным именем Чжэнь-цзуна, [палату] стали называть Цзычэнь[дянь]... (фрагм. 35).

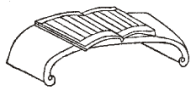
В целом же «Записи вернувшегося к полям» — весьма однородный сборник, законченный, по счастью, автором самостоятельно, при жизни, и служащий безусловным, хотя и не столь богатым, как более обширные бицзи, источником неповторимых сведений о сунском обществе первой по-

---

Жэнь-цзун (фрагм. 4, 17, 25, 29, 30, 44, 45, 59, 90, 96), потом основатель сунской династии Тай-цзу (фрагм. 1, 10, 16, 22, 28, 49, 51, 102) и в конце — его преемник Тай-цзун (фрагм. 5, 38, 51, 75, 96). Ни Ин-цзун, ни тем более Шэнь-цзун в сборнике Оуян Сю не фигурируют.

[1] Ц а н ь ч ж и ч ж э н ш и — чиновничья должность, фактически помощник (заместитель) цзайсяна.

ловины XI в. — так, как их видел, воспринимал и понимал великий поэт и литератор Оуян Сю. И сборник этот, по справедливому замечанию современного китайского исследователя Доу Юй-си (竇玉璽 р. 1954), еще нуждается в отдельном изучении с точки зрения как содержания, так и — формы [1].



Оуян Сю
ЗАПИСИ ВЕРНУВШЕГОСЯ К ПОЛЯМ

(1) Когда [сунский] император Тай-цзу впервые осчастливил посещением храм Сянгосы, он остановился перед статуей Будды, возжег ароматные курения и спросил, должен ли кланяться. *Сэнлу* Цзань-нин доложил:

— Не надо кланяться.

[Император] спроси: почему?

— Будда настоящего не кланяется будде прошедшего, — был ответ.

Цзань-нин был [монах] весьма начитанный, обладал даром красноречия, и слова его, пусть несколько наигранные, точно совпали с мыслями Владыки, поэтому [Владыка] слегка улыбнулся и согласно кивнул. С тех пор [такое поведение] стало правилом — до наших дней [владыки], осчастливливая [Сянгосы], чтобы возжечь курения, не кланяются. Сведущие люди тоже полагают, что это соответствует этикету.

Примечания. Этот фрагмент, практически дословно позаимствованный у Оуян Сю сунским Лю Фу, открывает вторую цзюань второй части его сборника бицзи «Цин со гао и» под заглавием «Император Тай-цзу (не кланяется Будде и это навсегда становится правилом)». У Лю Фу: «Когда [сунский] император Тай-цзу впервые осчастливил посещением храм Сянгосы, он остановился перед статуей Будды, возжег курения и спросил, должен ли кланяться. Буддийский монах Цзань-нин отвечал: "Не должен кланяться". [Император] спросил: почему? "Будда настоящего не кланяется будде прошедшего!" — был ответ. Ответ точно совпал с мыслями Владыки, поэтому [Владыка] слегка улыбнулся и согласно кивнул. Так это и стало правилом. До наших дней [владыки], осчастливливая посещением [Сянгосы], возжигают курения, но не кланяются. Люди разбирающиеся тоже полагают, что это соответствует этикету» (*Лю Фу*. Цин со гао и. С. 119). Нельзя отрицать возможности, что данный пассаж восходит к общему, неизвестному нам пока источнику, но вернее будет предполагать непосредственное заимствование у Оуян Сю.

С я н г о с ы — буддийский храм в Кайфэне, один из самых крупных в сунском Китае. В период Борющихся царств (475—221 до н. э.) тут была княжеская резиденция, а в 555 г. на ее месте начали возводить храм, который в 712 г. получил по распоряжению танского двора название Сянгосы. Храмовый комплекс предназначался для проведения ритуа-

[1] *Доу Юй-си.* Оуян Сю «Гуй тянь лу» души. С. 178.

лов императорской семьи и высшей знати XI в., он насчитывал в своем составе шестьдесят четыре строения, в том числе постоялые дворы для приезжих купцов, и был одним из самых крупных и пышных торговых центров Кайфэна, где несколько раз в месяц с большим размахом проводились торги, а также народные праздники и гуляния. Сянгосы из-за разлива Хуанхэ, затопившей Кайфэн, был полностью разрушен в конце династии Мин (1368—1644) и к 1766 г. отстроен заново. Территория нынешнего храма — более 380 гектаров. Среди его главных достопримечательностей — семиметровая статуя тысячерукого и тысячеликого бодхисаттвы Гуаньинь, вырезанная, согласно преданию, из цельного ствола старого абрикосового дерева, а также установленный на колокольной башне огромный цинский колокол высотой более четырех метров — одна из восьми главных диковин Кайфэна.

Цзань-нин (贊寧 919—1001) — прославленный знаниями буддийский монах, историк китайского буддизма. Мирская фамилия Гао 高. Образование получил в ханчжоуском буддийском монастыре Сянфусы. В Кайфэн, к сунскому двору, попал после присоединения к империи земель княжества У-Юэ, то есть в 978 г., и сунский Тай-цзун даровал ему титул «Проникнувшего в мудрость Великого наставника». Иными словами, в тексте Оуян Сю или ошибка, или закрепившаяся со временем описка переписчиков, поскольку с основателем сунской династии императором Тай-цзу Цзань-нин в Сянгосы встречаться не мог, так как попал в Кайфэн лишь в 978 г., а Тай-цзу умер в 976-м. Цзань-нин занимал ряд ведущих должностей в ведомстве по управлению делами буддийских монахов Сэнлусы — был сначала заместителем его начальника, а потом и начальником, потому в данном фрагменте он и назван *сэнлу*. Кисти Цзань-нина принадлежит ряд сочинений, в том числе «Да сун гао сэн чжуань» (大宋高僧傳 «Жизнеописания достойных монахов Великой Сун») и «Да сун сэн ши люэ» (大宋僧史略 «Краткая история буддийского монашества при Великой Сун»).

(2) Пагода монастыря Кайбаосы самая высокая среди пагод столицы, а искусство, [с каким она] сооружена, поистине поразительно — ее строил предводитель столичных плотников Юй Хао. Когда строительство только закончилось, стало видно, [что пагода] стоит не ровно, а с наклоном на северо-запад. Люди дивились этому и спрашивали [Хао], а тот отвечал: «В столице местность ровная, гор нет и постоянно дует северо-западный ветер. Так он будет дуть — не пройдет ста лет, как пагода выпрямится». Вот каков был его искусный расчет.

С начала правления нынешней династии среди плотников Хао всего один такой и есть. До сего дня все плотники пользуются способами, которые применял Хао. Распространена в мире и [его] книга «Му цзин» в трех цзюанях. Передают, что у Хао была единственная дочь. Когда ей исполнилось десять с чем-то, каждый вечер перед сном [отец] заставлял ее, вытянув руки перед грудью, сплетать [из пальцев] разные фигуры — и через год с небольшим составил «Му цзин». Ныне распространенная в свете [книга «Му цзин»] — та самая.

Примечания. Ныне построенной полностью из дерева пагоды, о которой идет речь в этом фрагменте, не существует — известно, что в ней было тринадцать ярусов и что она сгорела от удара молнии во время грозы в 1044 г., а в 1050 г. по распоряжению императорского двора началось строительство новой пагоды, на сей раз не деревянной, но из глазурованного кирпича, высотой 55 с небольшим метров. Ее-то и можно видеть в Кайфэне наших дней, она же — «Железная пагода». Зато почти такая же, как вышеописанная, пагода сохранилась в монастыре Баочунсы в пров. Шаньси: это самое крупное в мире древнее деревянное сооружение подобного типа, которое стоит уже более тысячи лет.

Юй Хао 預浩 (иные написания: 喻浩, 預皓) — прославленный плотник и архитектор времен начала правления сунской династии. Известно, что начинал он в Ханчжоу. Отличался особым умением строить пагоды. Книга «Му цзин» (木經 «Трактат о дереве») в настоящее время утеряна. См. также фрагм. 299 из сборника Шэнь Ко в настоящем томе.

(3) Согласно государственным уложениям, чжичжигао сперва должен выдержать испытания, а уж после получить назначение. За сто лет существования нынешней династии без испытаний были назначены всего трое: Чэнь Яо-цзо, Ян И и я, Сю, тоже средь них затесался.

Примечания. Под испытаниями в данном случае следует понимать проходившие в присутствии императора особые дворцовые экзамены, в процессе которых выяснялось, обладает ли претендент на должность императорского секретаря нужным уровнем знаний, так сказать квалификационные экзамены.

Чэнь Яо-цзо (陳堯佐 963—1044) — сунский поэт, историк и сановник. Экзамены на степень цзиньши успешно сдал в 989 г. В начале карьеры много служил в провинциях и, по свидетельству современников, много внимания уделял народным нуждам. При дворе же действительно был чжичжигао (1022), а также в Исторической палате (составил 真宗實錄 «Чжэнь-цзун ши лу» — «Правдивые записи о Чжэнь-цзуне» и трудился над хроникой правления трех первых сунских императоров), являлся членом Ханьлиньюань — цаньчжи чжэнши (1029) и тунпин чжан ши (1037). Был неплохим каллиграфом. СШ: 284. Также см. фрагм. 31 «Гуй тянь лу».

Ян И (楊億 974—1020) — сунский сановник и поэт. С юных лет выделялся экстраординарными способностями: в семь лет уже мог слагать изящную прозу. Первый свой экзамен — в столице, по указу императора Тай-цзуна — выдержал в возрасте одиннадцати лет, после чего получил место сверщика текстов в Императорской библиотеке. Степени цзиньши удостоился без экзаменов, ее даровал Яну двор. Автор исторической хроники «Тай-цзун ши лу» (太宗實錄 «Правдивые записи о Тай-цзуне»). По службе дошел до члена придворной академии Ханьлиньюань и начальника отдела в Департаменте финансов и податей. Яркий представитель школы сикунь в поэзии и составитель «Си кунь чоу чан цзи» (西崑酬唱集 «Собрание поэтических экспромтов из Сикунь»). Был казнен за участие в заговоре. СШ: 305.

(4) Когда Жэнь-цзун еще жил в восточных покоях, господин Лу Суцзянь (Цзун-дао) служил в должности *юйдэ* — сопровождающего в свите наследника престола. Жил он за воротами Сунмэнь, и в народе то место называли «Юйтансян» («Банный переулок»). Там рядом еще была винная лавка «Жэньхэ», славившаяся своими винами на всю столицу. Господин частенько, переодевшись в простое платье, хаживал туда выпить чарку вина.

Однажды Чжэнь-цзун срочно потребовал к себе господина, желая о чем-то спросить его. Посланный пришел к [Цзун-дао], но не застал его. Прошло довольно много времени, прежде чем [Цзун-дао] вернулся из лавки Жэньхэ, где пил вино. Посланный стал торопить его во дворец.

— Если Владыка удивится, что мы так запоздали, какую причину привести в оправдание? Пожалуйста, скажите, что мне говорить, дабы в словах наших не было расхождения! — откровенно попросил посланник.

— Да вы доложите все как есть, — отвечал Цзун-дао.

— Но ведь тогда вас накажут!

— Пить вино вполне естественно для человека. А вот обмануть государя — величайшее преступление для подданного!

Посланный лишь вздохнул и ушел.

Чжэнь-цзун действительно спросил [о причине опоздания], и посланный отвечал так, [как велел ему] господин.

— Почему же вы ходите в винную лавку тайком? — спросил тогда государь.

Господин [Цзун-дао] отвечал:

— Дом вашего слуги беден, нет посуды, а в этой лавке — наготове все что надо. Гость себя чувствует там как дома! А сегодня с далекой родины приехал родственник, и [я] отправился с ним туда выпить. Ну а платье я, ваш слуга, всегда меняю — это чтобы горожане не узнали.

Услыхав это, Чжэнь-цзун сказал с улыбкой:

— Вы ведь дворцовый служащий, как бы цензор на вас не ополчился!

Однако с этого времени [государь] стал отличать господина [Цзун-дао], считая, что за преданность и правдивость его можно назначать на высокие посты. Когда [Чжэнь-цзун] на закате жизни обсуждал с императрицей Чжан-сянь мин-су, кого из придворных можно назначать на большие должности, среди прочих был назван и господин [Цзун-дао].

Впоследствии Чжан-сянь дала всем [этим людям] такое назначение.

Примечания. Жил в восточных покоях — то есть был наследником престола. Дворец наследника престола располагался в восточной части императорского города, отсюда и название.

Лу Цзун-дао (魯宗道 966—1029) — сунский сановник, посмертное имя которого было Су-цзянь 肅簡. Цзиньши стал в 999 г. Служил цензором и на этом посту отличился крайней правдивостью и бесстрашием, за что его весьма ценил Чжэнь-цзун (император даже написал на стене два иероглифа — *лу чжи*, то есть «Лу Прямой»). Когда же встал вопрос о престолонаследии и в качестве наследника трона было предложено объявить не законного наследника (он был мал и хвор), а отдаленного родственника престарелого императора, лишь один Лу Цзун-дао со всей решительностью воспротивился этому в присутствии императрицы Чжан-сянь. СШ: 286.

Чжан-сянь мин-су (章獻明肅 969—1033) — посмертное имя императрицы Лю 劉皇后, фактически управлявшей страной в последние годы жизни императора Чжэнь-цзуна и после его смерти, когда на престол взошел малолетний Жэнь-цзун. Начиная с 1020 г., когда болезнь Чжэнь-цзуна достигла такой стадии, что он уже практически не вставал с постели, подавляющее большинство государственных дел решалось при участии императрицы Лю, состоявшей регентшей при Жэнь-цзуне. Некоторые из высших сановников (например Коу Чжунь) не были довольны таким положением вещей и хотели передать власть в руки малолетнего наследника престола, но императрица Лю не дала им такой возможности, а после смерти Чжэнь-цзуна, когда по всем правилам ей полагалось принять статус вдовствующей императрицы и отойти от дел, задала сановникам вопрос, довольны ли они ее управлением, и, получив вполне прогнозируемый положительный ответ, стала управлять страной «из-за бамбукового занавеса». Лишь после ее смерти в 1033 г. Жэнь-цзун смог по-настоящему взять власть в свои руки. Именно с императрицы Лю начался обычай давать покойным супругам владык посмертные имена в четыре, а не в два иероглифа, как это было раньше.

(5) Император Тай-цзун лично экзаменовал претендентов на степень цзиньши и каждый раз милостиво жаловал первым местом в списках выдержавших экзамен того, кто раньше прочих сдавал работу.

Сунь Хэ и Ли Шу-цзи 李庶幾 в одно и то же время были на экзаменационном дворе — оба уже пользовались известностью. Шу-цзи писал споро и быстро, а Хэ — мучительно и медленно. Некто из числа надзирающих [за экзаменами] доложил государю: «Цзюйжэни пишут свои сочинения легкомысленно, пренебрегая смыслом канонических сочинений, состязаются лишь в том, кто скорее напишет». И еще добавил: «[Ли] Шу-цзи с товарищами в лавке, торгующей лепешками, слагали оды — кто подберет рифму, пока печется одна лепешка, тот победил».

Услышав это, Тай-цзун страшно разгневался.

В том году на дворцовых испытаниях самым первым свое сочинение представил Шу-цзи, но его с руганью выгнали вон. Так первым стал [Сунь] Хэ.

Примечание. С у н ь Х э (孫何 961—1004) — сунский чиновник, поэт и литератор. В десятилетнем возрасте уже знал основы стихосложения. Пятнадцати лет от роду уже писал изящную прозу, до самой глубины притом понимая суть канонических сочинений, к которым апеллировал. В 992 г. Сунь Хэ действительно первым в списке выдержал экзамен на степень цзиньши, службу начал с должности тунпаня. Литературными учителями своими он полагал танских Хань Юя и Лю Цзун-юаня. Известный литератор Ван Юй-чэн (王禹偁 954—1001) восхищался талантами Сунь Хэ. У великого китайского историографа Сыма Гуана в «Су шуй цзи вэнь» сказано: «Сунь Хэ и Дин Вэй стали цзиньши, но их еще никто не знал. Ханьлинь сюэши Ван Юй-чэн, прочитав их сочинения, отозвался с великой похвалой и подарил им стихи: "Триста лет в слове изящном упадок царил — Со времен Ханя и Лю и до Суня и Дина (имеется в виду Дин Вэй. — *И. А.*). А ныне лучше еще — [они] получили веленье историю писать. Этих двух мудрецов сочиненья подобны шести канонам"» (*Сыма Гуан*. Су шуй цзи вэнь. С. 39). Сунь Хэ служил при дворе (был цензором, чжичжигао и пр.) и в провинциях. Умер рано, в возрасте сорока четырех лет. СШ: 306.

(6) Служившие некогда в должности цаньчжи чжэнши господин Дин Ду и господин Чао Цзун-цюэ были в чиновниках в одно время; [они] любили подтрунивать друг над другом. Чао, оставляя пост, написал Дину прощальное письмо, а тот как раз был назначен паньгуанем и сказал [Чао] шутливо:

— Я не успел ответить на ваше любезное письмо, но в благодарность послал Вам телегу лошадиного навоза.

— Получить [телегу] дерьма гораздо ценнее [Вашего] ответа! — отвечал Чао.

Слышавшие сочли такой ответ превосходным.

Примечания. Д и н Д у (丁度 990—1053) — сунский чиновник. Родом из столицы. Экзамены на степень цзиньши выдержал между 1008 и 1016 гг. Состоял в придворной академии Ханьлиньюань, был чжичжигао, служил на крупных провинциальных должностях, заведовал Палатой наказаний, был и цаньчжи чжэнши. Знаток канонических сочинений. По свидетельству современников, был человек простой и скромный: более десяти лет прожил в одной комнате, ничего не меняя, и дома обходился без слуг. СШ: 292.

Ч а о Ц з у н - ц ю э (晁宗慤 985—1069) — сунский чиновник. По праву наследования заслуг отца без экзаменов получил должность сверщика текстов в Императорском книгохранилище, но и экзамены на цзиньши выдержал вполне успешно. Служил при дворе: в частности, при Жэньцзуне был чжичжигао, а в 1040 г. получил назначение на пост цаньчжи чжэнши. СШ: 305.

(7) *Цзычжэн* Ши Чжун-ли был горазд пошутить. Среди людей из высших слоев общества было очень много таких, что повторяли его слова.

Некогда [Ши] направлялся ко двору, но, поскольку чествовали цзинского князя, ему не удалось пройти через ворота Дунхуамэнь, и тогда [Ши] вошел через ворота Цзоемэнь. Некий придворный, отличавшийся изрядной болтливостью, спросил Ши:

— А что это вы зашли через ворота Цзоемэнь?

Ши же торопился на прием и потому ответил на ходу:

— Просто от радости за великого князя.

Никто из слышавших это не смог удержаться от хохота.

Ян Да-нянь [однажды] играл с гостем в облавные шашки — тут входит Ши, садится и начинает наблюдать [за игрой].

Тогда Да-нянь, решив подшутить над ним, продекламировал из «Оды о сове» Цзя И:

— Нежданным гостем влетела.
Важно-безмятежно в углу села.

Ши тут же встал и ответил:

— Мне не дано говорить.
Ответ ищи в мыслях своих.

Примечания. Ши Чжун-ли (石中立 972—1049) — сунский сановник, действительно известный склонностью к шуткам и каламбурам. Много служил при дворе, в том числе был шиланом в Шаншушэне, в Департаменте церемоний, исполнял обязанности цаньчжи чжэнши и с 1038 г. числился на посту сюэши в палате Цзычжэнюань (почетная должность; и оттого Ши в данном фрагменте назван *цзычжэн*). Также некоторое время служил в Императорской библиотеке, и современники весьма ценили выправленные им списки текстов. СШ: 263.

Дунхуамэнь — восточные ворота Запретного (императорского) города в Кайфэне (всего в стене Запретного города в сунское время было семь ворот: трое в южной стене, двое в восточной и по одним в западной и в северной). Цзоемэнь — одни из трех южных ворот. То есть Ши пришлось сделать изрядный крюк, да к тому же эти ворота были в южной стене не главными, не центральными и, следовательно, войти через них считалось менее почетным.

Чествовали цзинского князя — то есть у ворот происходила официальная церемония оглашения указа о даровании этого титула.

Ян Да-нянь — сунский сановник и поэт Ян И, второе имя которого было Данянь 大年.

Мне говорить не дано... — В «Оде о сове» 鵩赋 Цзя И (賈誼 200—168 до н. э.) речь идет о том, как к автору прилетает сова (鵩 *фу* вообще-то не совсем сова, но некая совоподобная птица, предвестник зловещих новостей), и Цзя И, встревоженный таким дурным знаком, начинает допытываться у лишенной дара речи птицы, как нужно истолковывать ее появление; сова же, оставаясь безмолвным слушателем, предоставляет автору самому делать выводы. В духе этой оды поступают и герои данного эпизода: Ян И, соединив вместе куски из соседних строк поэмы, намекает на то, что Ши, явившись к нему как та сова, явно принес с собой вести о неудачном для него исходе шашечной партии; Ши Чжунли же, в свою очередь, будучи человеком начитанным, тут же возвращает ему строки из оды Цзя И, отвечая в том духе, что ему, как и сове, «не дано говорить», хотя кто выиграет, а кто проиграет, ему, конечно же, известно, но Ян И должен о том рассудить сам; на это намекает еще и то, что имя Яна — И и *и* 臆 «сердце», «разум», «мысли» читаются одинаково.

(8) Почтенные старцы, знающие о событиях времен Пяти династий, рассказывают: министры Фэн Дао и Хэ Нин оба состояли в Государственной канцелярии.

Однажды Хэ обратился к Фэну с вопросом:

— Вы, господин, [я вижу], сапоги новые купили. Какую цену платили?

— Девять сотен! — приподняв левую ногу и указывая [на сапог], отвечал ему Фэн.

Хэ был человек мелочный, он тут же повернулся к слуге и сказал:

— Почему же ты за мои сапоги отдал тысячу восемьсот?!

И он долго еще корил его и ругал.

Спустя время Фэн вдруг приподнял правую ногу и добавил:

— И этот тоже — девятьсот монет!

Все в зале громко рассмеялись.

В то время говорили, что если уж министры таковы, то как им удержать в повиновении чиновников!

Примечание. Хэ Нин (何凝 898—955) — сановник времен Пяти династий. Успел послужить при дворах Поздней Лян, Поздней Тан, Поздней Цзинь, Поздней Хань и Поздней Чжоу. Среди современников слыл человеком беспринципным, но тем не менее славился своим поэтическим талантом — его стихи вошли в известную антологию «Хуа цзянь цзи».

(9) Фушу Цянь Жо-шуй повстречал однажды необычайного человека, который посвятил его в тайны физиогномики — поистине удивительные! Впоследствии господин Цянь передал [это искусство] Ян Да-няню, оттого-то современники их славили этих двоих как умеющих разбираться в людях.

Чжун Цзянь, из Янчжоу, в юные годы получил звание *минцзина*. По бедности [он] нанялся к Да-няню служить переписчиком. Впервые увидев [Цзяня], Да-нянь в удивлении воскликнул:

— Вы непременно выдержите экзамен на цзиньши, а по службе достигнете высоких постов! — и взялся обучать [Цзяня] стихосложению.

В годы Тянь-си Цзянь держал экзамены на цзиньши и по списку прошел первым среди выдержавших. По служебной лестнице он дошел до ранга начальника отделения и почил на посту *дайчжи* палаты Тяньчжангэ.

Се Си-шэнь был назначен на должность *фэнлилана*. Да-няню очень нравились его сочинения, и всякий раз, когда [Си-шэнь] приходил с визитом, Да-нянь радостно устремлялся ему навстречу, а когда [Си-шэнь] уходил, без конца вздыхал в огорчении. Служивший под началом Да-няня Чжэн Тянь-сю 鄭天休, увидев, что [Да-нянь ведет себя] так, удивился и стал расспрашивать, и Да-нянь отвечал:

— Этот юноша пост-то займет высокий, а вот долголетие ему не суждено!

Си-шэнь по службе продвинулся до поста *бинбу юаньвайлана* и чжичжигао, а умер в возрасте сорока шести лет — все вышло по словам Да-няня.

А до того, когда Си-шэнь только выдержал экзамен и получил назначение на должность фэнлилана, он, дабы рассказать об этом, нанес визит Да-няню. Среди прочего [Си-шэнь] произнес:

Протяжен колокольчик в пустоте —
Владыка сокрушается: нет мужей благородных.
Печати шнур развязав, не оглянувшись, —
Простым стать человеком вы смогли бы?

Да-нянь собственноручно записал сказанное на веере со словами:

— В этих строках, что называется, — тигр!

Так [строки] стали известными.

Примечания. Цянь Жо-шуй (錢若水 960—1003) — сунский сановник и поэт. Литературные таланты проявил в раннем возрасте. Выдержал экзамен на степень цзиньши в 985 г. и получил назначение на должность гуаньчаши области Тунчжоу (Сычуань). Позднее, когда слава о его литературных талантах разнеслась достаточно широко, Цянь был призван ко двору и назначен начальником Императорского книгохранилища, а также в Историческую палату. Он занимал много разных постов при дворе, а также в придворной академии Ханьлиньюань, принимал участие в подготовке исторических хроник «Тай-цзун ши лу» (太

宗實錄 «Правдивые записи о Тай-цзуне») и «Тай-цзу ши лу» (太祖實錄 «Правдивые записи о Тай-цзу»). Собрание его сочинений (в двадцати цзюанях) ныне утеряно, сохранилось лишь пять стихотворений и девять эссе. СШ: 366.

Чжун Цзянь (仲簡 XI в.) — сунский чиновник. Самой крупной его должностью при дворе действительно была должность *дайчжи* (советника) палаты Тяньчжангэ. Также служил в Гуанчжоу. СШ: 340.

Годы Тянь-си — 1017—1021.

Палата Тяньчжангэ — Палата небесных документов, была основана в 1020 г., в ее ведении первоначально находились документы и бумаги императора Чжэнь-цзуна, а позже — бумаги, реликвии, картины, драгоценности императорской фамилии. Должность дайчжи этой палаты была учреждена в 1030 г.

Се Си-шэнь — сунский чиновник, литератор и историограф Се Цзян (謝絳 995—1039), второе имя которого было Си-шэнь 希深. Се Цзян выделялся талантами с юности — он прекрасно знал канонические книги и, по свидетельству современников, с большим пониманием судил о текущих событиях. Оставив дом, отправился в столицу, где выдержал экзамены для мальчиков и в пятнадцать лет получил первую свою должность — сверщика текстов в Императорской библиотеке. В 1015 г. блестяще выдержал экзамены на степень цзиньши. Се Цзяну покровительствовал Ян И. В 1034 г. Се Цзян был назначен на пост чжичжигао. Се Цзян славился своей чистотой и неподкупностью: в день, когда он умер, у его родных даже не оказалось достаточно средств для похорон. СШ: 295.

Минцзин — здесь сокр. от *тунцзы минцзин* 童子明經, «отрок, постигший смысл канонов», лауреат экзаменов для способных подростков. Традиция подобных экзаменов восходит к ханьскому времени, когда такими экзаменами руководил придворный историограф и удовлетворявшие его требованиям подростки получали место в Исторической палате. До наших дней дошли сведения о том, что при Хань были прецеденты, когда двенадцатилетним юношам присваивали звание *тунцзылан* 童子郎. При танской династии диапазон званий для юных талантов был несколько расширен: появился *шэньтун* 神童, потом были введены *тунцзы минцзин* и *тунцзы сюэцзю* 童子學究, а в 764 г. экзамены для лиц не старше пятнадцати лет впервые получили свой регламент, хотя до того проходили при Тан и ранее — известно, что первые такие испытания были предприняты в честь восхождения на трон императора Гао-цзуна (то есть в 626 г.). В поздние годы правления династии Тан экзамены для юношей долгое время не проводились и были возобновлены лишь при Поздней Чжоу (951—960), и в начале правления сунской династии при дворе служили лица, через такие экзамены в свое время прошедшие, например, сановник Цзя Хуан-чжун (賈黃中, 941—996). Сунский двор впервые объявил об этих экзаменах в 984 г. — в них участвовал, например, упомянутый в этом фрагменте Ян И, в 992 г. успешно выдержавший испытания на степень цзиньши. Экзамены проводились среди мальчиков младше пятнадцати лет, рекомендованных из областей. Проходили экзамены в три этапа — испытания в Инспекции образования Гоцзыцзянь, потом в Чжуншушэне, а последним экзаменатором выступал лично император; соискатели должны были продемонстрировать знание канонических книг (конфуцианского пятикнижия) и умение их толковать, для чего было предусмотрено написание сочинения на заданную из классиков тему, а также проявить себя в стихосложении (сочинить одно стихотворение и одну оду). Выдержавшие экзамен мальчики получали т. н. допуск *чушэн* для мальчиков (что В. М. Рыбаков определяет как «не выслуженный на реальной службе ранг, который существовал как бы виртуально, проявляясь не в статусе и не в службе на должности определенного ранга, но в возможности добиваться соответствующей должности». — *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. С. 66), а также могли претендовать на должность. Надо сказать, что мало кто выдерживал дворцовые испытания: так, с 1134 по 1160 г. успешно сдали экзамен и были затем назначены на придворную должность (в Императорском книгохранилище) всего три «божественных отрока», а в областях из каждого десятка соискателей рекомендации получали ее и затем отправлялись в столицу всего два-три человека. При Южной Сун (1127—1279) проводились также аналогичные экзамены и для девочек (подробнее см.: *Ван Шэн-до*. Сундайдэ тунцзы цзюй). Экзамены эти были упразднены в 1267 г.

Фэнлилан — почетный титул чиновника четвертого ранга первой степени.

Бинбу юаньвайлан — внештатный начальник отдела Военного департамента. Должность не давала реальной власти.

Печати шнур развязав — то есть добровольно выйдя в отставку.

(10) Во времена правления императора Тай-цзу Го Цзинь был назначен на пост *сюньцзяня* в Сишань. Некто донес, что он тайно снесся с хэдунским Лю Цзи-юанем и [они] вынашивают мятежные замыслы. Тай-цзу страшно разгневался, что клевещут на такого верного государю подданного, повелел связать доносчика и отправить к Цзиню, дабы [тот] поступил с ним по своему разумению.

[Клеветника] доставили, но [Цзинь] не казнил его, а сказал следующее:

— Если ты сумеешь выманить у командующего Лю в мою пользу хоть один город или крепость, я не только прощу тебя и не накажу, но буду просить [двор] даровать тебе чиновничью должность.

Прошло больше года, и тот человек сумел выманить [у Лю Цзи-юаня] город. Цзинь [письменно] изложил всю эту историю и послал [того человека] ко двору с просьбой о даровании должности.

— Ты оговорил преданного мне подданного! — сказал [клеветнику] Тай-цзу. — Того, [что ты ныне совершил], достаточно, чтобы даровать тебе жизнь, но никак не должность!

И он отослал клеветника обратно к Цзиню.

Тогда Цзинь вторично обратился [к Тай-цзу]:

— Если я, Ваш подданный, потерял [высокое] доверие, то и на службе меня держать не следует!

Только после этого Тай-цзу даровал [тому человеку] должность.

Вот каковы были отношения между государем и его подданным.

Примечания. Го Цзинь (郭進 922—979) — сунский государственный деятель и военачальник. Первоначально служил Поздней Чжоу, но позже примкнул к основателю сунской династии Чжао Куан-иню (Тай-цзу). В 960 г. был послан сунским двором в Сишань (совр. пров. Шаньси) в должности *сюньцзяня* (инспектор-губернатора, посылавшегося в стратегически важные области, в основном для предотвращения бунтов и мятежей) для борьбы против до сих пор не присоединенного к империи владения Северная Хань (951—979). Неоднократно принимал участие в военных походах под руководством Тай-цзу. Пользовался его безграничным доверием. Покончил жизнь самоубийством. СШ: 273.

Хэдун — земли к востоку от Хуанхэ (совр. пров. Шаньси). В данном случае имеются в виду земли, подконтрольные Северной Хань.

Лю Цзи-юань (劉繼元 ?— ок. 992) — последний правитель Северной Хань (на троне 968—979), приемный сын Лю Цзюня (劉鈞 926—968), второго правителя этого владения. Настоящая фамилия Хэ 何. Сунский императорский двор не признавал самостоятельности Северной Хань (отсюда и в тексте Лю назван не правителем, а главнокомандующим) и неоднократно посылал войска для покорения этого владения, но Лю Цзи-юань в союзе с киданями сдерживал сунскую агрессию. После того как император Тай-цзун, лично возглавив войска, в 979 г. наконец покорил данное владение, Лю Цзи-юаню было даровано несколько почетных должностей, в том числе и цзедуши. СШ: 482.

(12) Когда *шаншу* Сун Ци еще носил простое платье и не был известен, покойный господин Сунь Сюань, впервые увидев его, пришел в восторг и сразу все [о нем] понял. Позднее Сун выдержал экзамен на цзиньши и очень быстро прославился. Потому современники и говорили про господина Сюаня, что [он] разбирается в людях.

Однажды господин в разговоре с гостем так сказал:

— Ныне все посмертные имена составляют из двух иероглифов, а чиновникам, служившим по гражданскому ведомству, непременно в посмертное имя включают иероглиф *вэнь* («изящное слово»), но в древности было не так. Когда я умру, вполне достаточно будет дать мне имя Сюань («Открытый»).

И когда господин умер, Сун как раз служил в Департаменте церемоний — он дал [господину] посмертное имя Сюань, выполнив тем его волю.

Примечания. Ш а н ш у — здесь сокращение от *шаншу цзочэн*, первого заместителя начальника Управления департаментов (Шаншушэна). Сун Ци был назначен на эту должность в 1060 г.

С у н ь С ю а н ь — сунский придворный и эрудит Сунь Ши (孫奭 962—1033), посмертное имя которого было Сюань 宣, давний покровитель Сун Ци. Экзамены на цзиньши выдержал в 989 г. Много и успешно служил при дворе, в частности, состоял в Ханьлиньюань, преподавал в системе Гоцзыцзянь, участвовал в составлении хроники царствования Чжэнь-цзуна, был наставником наследника престола. Знаток классических текстов, особенно «Мэн-цзы». За заслуги перед троном был удостоен титула Сюаньго-гуна. СШ: 431.

(15) [Медные] деньги, отлитые в годы Кай-бао, имеют надпись «Сун тун юань бао» (宋通元寶 «Сунская имеющая повсеместное хождение изначальная драгоценность»). А когда пришли годы Бао-юань, [надпись изменилась] на «Хуан сун тун бао» (皇宋通寶 «Августейшей Сун имеющая повсеместное хождение драгоценность»). Нынешние же монеты все содержат девиз правления, и только эти две не такие. Коли вместо девиза правления стоит иероглиф *бао* 寶 «драгоценность», то все прочие иероглифы должны разниться.

Примечания. П е р и о д... К а й - б а о — 968—975.

Г о д ы Б а о - ю а н ь — 1038—1040.

Как и каждая уважающая себя династия, сунская, после воцарения, начала отливать собственную монету (при сохранении хождения монет более ранних правлений) — это началось в 960 г. и именно с указанной в данном фрагменте надписью «Сун тун юань бао», то есть в это время появились первые монеты с явно зафиксированным на них названием династии. Позднее, после смерти основателя династии, на монетах стали отражать уже конкретные девизы правления — «Тай-пин тун бао» (太平通寶 «Имеющая повсеместное хождение драгоценность годов Тай-пин»), «Чжи-дао тун бао» (至道通寶 «Имеющая повсеместное хождение драгоценность годов Чжи-дао») и т. п.

Сун тун юань бао (диаметр 26,5 мм)

Известно, что на монетах были отражены двадцать семь из тридцати пяти различных девизов правления, под которыми царствовали девять императоров Северной Сун, а также восемнадцать из двадцати девизов правления семи южносунских императоров. Помимо «Сун тун юань бао» и «Хуан сун тун бао» из «бездевизных» известны также сунские монеты с легендой «Шэн сун юань бао» (聖宋元寶 «Изначальная драгоценность божественной Сун»), выпускавшиеся в годы под девизом правления Цзянь-чжун цзин-го (1101—1102). Присутствовавшее на монетах помимо девиза правления обозначение «тун бао» также многажды варьировалось, сохраняя, однако, при этом идущий от танских денег неизменный иероглиф *бао* 寶: *тянь бао* (天寶 «небесная драгоценность»), *чжэнь бао* (真寶 «истинная драгоценность»), *юн бао* (永寶 «вечная драгоценность»), *вань бао* (萬寶 «десятитысячелетная драгоценность»)

Хуан сун тун бао

и др. Разнятся также и стили написания иероглифов на монетах — от уставного почерка до архаических; нередко тиражировались монеты с надписями, выполненными известными каллиграфами (например, Су Ши сделал надпись «Юань фэн тун бао» 元奉通寶, «Всюду ходящая драгоценность годов Юань-фэн»; монеты, выполненные по его прописям, со временем стали называть «Дун-по юань-фэн») и даже императорами (скажем, по каллиграфии Хуэй-цзуна были выполнены надписи «Да-гуань тун бао», «Чжэн-хэ тун бао» и «Сюань-хэ тун бао»; первым же на монетах отметился император Тай-цзун). При Южной Сун на реверсе монет впервые в китайской истории стали указывать конкретный год того девиза правления (обозначенного на аверсе), когда была выпущена данная монета, — эта практика началась с седьмого года под девизом правления Чунь-си, то есть с 1180 г., когда на аверсе было написано «Чунь-си юань бао» 淳熙元寶, а на реверсе — *ци* 七, «семь».

Денежная политика Сунов зачастую приводила к неразберихе: так, известно, что в период правления этой династии металлические деньги (монеты) существовали как минимум шести достоинств: номинал, два номинала, три номинала, пять номиналов, десять номиналов, сто номиналов и пятьсот номиналов; при этом вполне нормальной практикой было объявление половинного обесценивания старых монет после чеканки новых. Ситуацию усугубляло еще и то обстоятельство, что по стране, в зависимости от региона, ходили монеты, изготовленные из разного материала: так, в центральных и северных областях в обращении были преимущественно медные деньги, в Сычуани — железные, на территории совр. пров. Шаньси и Шэньси — и те и те, а в Гуандуне — золотые. Помимо этого, как известно, по всей территории страны имели хождение и деньги бумажные. Подробнее см.: *Пэн Синь-вэй*. Чжунго хоби ши; *Сяо Цин*. Чжунго гудай хоби ши, и др.

(16) На шестой год Цзянь-лун [сунского] Тай-цзу зашла речь о смене девиза, и [император] наказал цзайсяну не обращаться к девизам, бывшим в прежние времена, — оттого девиз сменили на Цянь-дэ.

[Однако] после этого [Владыка], увидев у одной наложницы из внутренних покоев зеркало, на обратной стороне которого было [выгравировано] «Цянь-дэ», обратился за разъяснениями к сюэши Тао Гу, и Гу сказал:

— Это девиз правления самозванного Шу.

Тогда спросили ту наложницу — оказалось, она из подданных шуского вана. После этого [случая] Тай-цзу с еще большим почтением стал относиться к конфуцианским ученым мужам, сожалея, что цзайсян столь беден знаниями.

Примечания. Шестой год Цзянь-лун. — По всей вероятности, в тексте ошибка: под девизом Цзянь-лун прошло всего три года, 960—963, после чего девиз правления был изменен на Цянь-дэ (963—968). Во времена Раннего Шу действительно был такой девиз — в 919—925 гг.

(19) Ян И (Вэнь-гун) своими сочинениями прославился на всю Поднебесную, а характера он был трудного, неуживчивого, и ненавистники порочили [Яна] в глазах [государя].

Однажды ночью, когда Да-нянь был в Сюэшиюане, [Владыка] вызвал его в уединенный покой, глубоко в Запретном городе. Когда [Да-нянь] явился, [император] одарил его чаем и стал расспрашивать о разных делах. Спустя долгое время [Владыка] достал несколько коробов с бумагами и дал Да-няню прочитать.

— Узнаете ли вы Наш почерк? — спросил [Владыка]. — Это все Мы сами записывали, не доверяли то за Нас сделать чиновникам!

Да-нянь страшно перепугался и не знал, как [лучше] ответить, а потому лишь молча склонил голову, отвесил несколько поклонов и ретиро-

вался. Только тогда [он] понял, что кто-то определенно на него клевещет. После этого [Да-нянь] сказался больным и сбежал в Янди.

Чжэнь-цзун был неравнодушен к изящному слову и с самого начала оказывал Да-няню такие милости, как никому другому; в поздние же годы благоволение [Владыки] понемногу иссякло — видимо, из-за этого [случая].

Примечания. Сюэшиюань — палата, где жили и работали *сюэши*, круглые сутки готовые к тому, чтобы предстать перед императором и ответить на возникшие у него вопросы. Была учреждена при Тан, в 936 г.

Несколько коробов с бумагами. — По всей вероятности, речь идет о той самой клевете на Ян И, которую, пользуясь высочайшими аудиенциями, сообщали императору Чжэнь-цзуну недоброжелатели поэта; император же, как следует из дальнейшего, лично записывал подобные речи, не доверяя чиновникам, в чьи обязанности это входило, — видимо, чтобы не дать клевете дальнейшего хода.

Янди — местечко на территории совр. пров. Хэнань. Там у Ян И было имение.

(20) Покойный господин Ван Цзэн, [по посмертному имени] Вэнь-чжэн, более всего в людях ценил справедливую принципиальность. Из всех, кто [служил] в Чжуншу, это был самый мудрый министр. Некогда [Ван] сказал:

— Сановник, будучи у власти, не должен принимать [чужие] милости и обижать легко-безрассудно.

А еще однажды [он] сказал Инь Ши-лу так:

— Если желать для себя лишь благости, то кто тогда ответит за учиненные обиды?

Слышавшие эти слова вздохнули в восхищении, сочтя их превосходными.

Примечания. Ван Цзэн (王曾, Вэнь-чжэн 文正 978—1038) — сунский сановник. В 1002 г. выдержал первым экзамен на степень цзиньши. Служил на разных постах, в том числе цаньчжи чжэнши, чжичжигао, при Жэнь-цзуне был цзайсяном, начальником Шумиюаня, а в 1035 г. вновь получил назначение на пост цзайсяна и титул Иго-гуна 沂國公. Ему принадлежит сборник бицзи «Ван вэнь чжэн гун би лу» (王文正公筆錄 «Записи господина Ван Вэнь-чжэна»). СШ: 310.

Сановник, будучи у власти... — Смысл слов Ван Цзэна сводится к тому, что, будучи облечен властью, сановник не должен пользоваться теми многочисленными подношениями, которыми, ввиду служебного положения, его будут одаривать в расчете на ответные милости и послабления, но — следовать букве закона и морали; так же как и, принимая решения о наказаниях и признании чьей-либо вины, следует быть весьма осмотрительным, дабы не пострадал невинный — ведь власть-то велика, и с ее высоты не так уж и хочется вникать во все мелочи, а — надо.

Инь Ши-лу — поэт Инь Чжу (尹洙 1001—1047), второе имя которого было Ши-лу 師魯.

(22) Когда шаншу Тао Гу был сюэши, однажды вечером [его] вызвали на аудиенцию. Тай-цзу пребывал в неофициальных покоях, и Тао, издали оглядев [Владыку], пошел было к нему, но потом повернул назад — и так повторилось раза четыре. Свитские наперебой подталкивали его, дабы поторопился, но Гу в полной нерешительности так и не вошел [в зал]. «А, голодранец-книжник волнуется из-за этикета!» — рассмеялся Тай-цзу и велел всем окружающим поснимать пояса халатов.

Лишь когда Владыка полностью облачился в халат и шапку, Гу бочком-бочком пробрался в зал.

Примечание. Суть происшедшего в том, что император, находясь в своих личных покоях, не был, само собой, одет для официального приема или аудиенции; строго же следовавший нормам этикета Тао Гу почувствовал себя неловко, поскольку, будучи зван именно на аудиенцию, не знал, смеет ли он в такой ситуации войти к Владыке.

(25) Жэнь-цзун, покончив с делами управления, частенько приказывал [кому-нибудь] из свиты читать и толковать ему [книги] в палате Эръингэ. Однажды обязанности толкователя исполнял шичжун Цзя Чан-чао. [Он] разбирал «Комментарий Цзо» на «Чунь цю» и каждый раз, дойдя до истории, [связанной] с мятежом владетельных князей, опускал ее и не говорил о ней ни слова. Владыка спросил его — почему, и Цзя отвечал как думал.

— Но ведь в «шести канонах» есть записи об этом, — удивился Владыка. — Это же все драгоценные уроки для правителей последующих времен. К чему их замалчивать?

Примечания. Ц з я Ч а н - ч а о (賈昌朝 998—1065) — сунский сановник и эрудит, второе имя Цзы-мин 子明. В 1017 г. получил звание цзиньши без экзаменов, за заслуги отца. Преподавал в столичном училище Гоцзысюэ, считался превосходным лектором. В 1043 г. был назначен на пост цаньчжи чжэнши, а на следующий год — начальником Шумиюаня (высший военный орган страны). Славился знаниями и острым умом. СШ: 285.

«Ч у н ь ц ю» (春秋 «Вёсны и осени») — один из канонических конфуцианских памятников, погодная историческая хроника древнекитайского царства Лу, родины Конфуция, охватывающая период с 722 по 481 г. до н. э. Конфуцию же приписывают и авторство этого памятника, однако по другим сведениям философ проделал над «Чунь цю» лишь редакторскую работу, отредактировав текст с точки зрения соблюдения норм *ли*, дабы можно было судить об ушедших правителях по тому, как они соблюдали принципы Великого Дао. Редакторская работа Конфуция выразилась, по всей вероятности, исключительно в употреблении определенных иероглифов для обозначения важных исторических событий — восшествия на престол и пр., поскольку текст «Чунь цю» представляет собой скупую фиксацию фактов без каких-либо пространных рассуждений и тем более оценок: «В 11-й луне, в день жэнь-сюй, цзиньский государь и циньский государь сошлись в бою у Хань. Цзиньский государь попал в плен» и тому подобное. Вскоре летопись «Чунь цю» обросла уже содержащими рассуждения и оценки комментариями, самым известным среди которых является «Цзо чжуань» (左傳 «Комментарий Цзо»), приписываемый Цзо Цю-мину, придворному историографу царства Лу, ученику Конфуция и его современнику. Известно, однако, что фактический текст памятника был составлен в IV в. до н. э. Текст «Цзо чжуань» представляет собой летопись событий периода, несколько большего, чем в «Чунь цю», — с 722 по 468 г. до н. э., и содержит описания исторических событий и диалоги исторических лиц, во многом дополняющие «Чунь цю» (например, в «Цзо чжуань» к цитированному выше сообщению о битве между цзиньским и циньским государями добавлен в несколько раз больший по объему пассаж относительно предшествовавших раздору событий, заканчивающийся цитатой из «Ши цзина» и призванный объяснить, почему так произошло) и дающие богатейшую информацию о самых разных сторонах жизни древнекитайского общества.

(31) Покойный господин Чэнь Кан-су (Яо-цзы) превосходно стрелял из лука. Среди современников [ему] не было равных, и потому он был весьма высокого о себе мнения.

Однажды господин стрелял у себя дома в саду. Мимо проходил некий старик, продавец масла, — остановился, снял ношу с плеч, стал смотреть, стоял долго и все не уходил.

Видя, как из десяти пущенных стрел в цель попадают восемь-девять, [старик], однако, лишь слегка кивал головой.

— Ты что, тоже понимаешь толк в стрельбе? — спросил его Кан-су. — Не нравится, как я стреляю?

— Ничего особенного, навык у вас есть! — отвечал старик.

— Да как ты смеешь столь пренебрежительно высказываться о моем искусстве! — в гневе закричал Чэнь.

— А вот взгляните, как я наливаю масло, — сказал старик.

Взял тыкву-горлянку, поставил на землю и накрыл горлышко монетой. Потом, зачерпнув ковшиком масла, стал его лить в тыкву через отверстие монеты, да так, что на монету масло не попало. Сказал:

— Вот и я так: ничего особенного, лишь навык есть — и не больше.

Кан-су рассмеялся и прогнал старика.

Ну не то ли это, что Чжуан [Чжоу] называл «разделывать говядину» и «обтесывать колеса»!

Примечания. Чэнь Кан-су — речь идет о Чэнь Яо-цзы (陳堯咨 970—?), посмертное имя которого было Кан-су 康肅. Отношение Оуян Сю к Чэнь Яо-цзы было неоднозначным, скорее отрицательным; по крайней мере, в эпитафии для могильной стелы брата отца Оуян Сю мельком пересказал эпизод из жизни Чэня, у которого дядя Оуян Сю был в подчинении, — эпизод, связанный с тем, что, будучи правителем Цзянлина, Чэнь Яо-цзы задумал отчеканить собственную монету и пустить ее в обращение на казенных рынках; никто из его подчиненных, зная заносчивый, мстительный и взбалмошный характер амбициозного начальника, не посмел возразить — никто, за исключением Оуян Е; в результате Чэнь так и не осуществил свой замысел, однако же и Оуян Е отослал служить подальше — в захолустные места (см.: Оуян Сю цюань цзи. Т. 1. С. 191). Судя по всему, Оуян Сю признавал за Чэнь Яо-цзы одно несомненное достоинство — умение превосходно стрелять из лука.

«Разделывать говядину» и «обтесывать колеса» — намек на две притчи Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу): об искусном поваре (разд. «Ян шэн чжу») и о колесном мастере (разд. «Тянь дао»), чье сообразное с Дао мастерство словами невыразимо. Мораль первой притчи сводится к следующему: «Поначалу, когда я занялся разделкой туш, я видел перед собой только туши быков, но минуло три года — и я уже не видел их перед собой! Теперь я не смотрю глазами, а полагаюсь на осязание духа, я перестал воспринимать органами чувств и даю претвориться во мне духовному желанию. Вверяясь Небесному порядку, я веду нож через главные сочленения, непроизвольно проникаю во внутренние пустоты, следуя лишь непреложному» (пер. В. В. Малявина в кн.: Чжуан-цзы. Ле-цзы. С. 74). Во второй же колесный мастер, спросив, что читает князь, и получив ответ «слова мудрецов», объявляет их «шелухой», поскольку древние не смогли в словах раскрыть своих секретов, ибо это в словах и невозможно, а он судит об этом по своей работе: «Если я не спешу, но и не медлю, руки словно сами все делают, а сердце им откликается, я об этом не сумею сказать словами. Тут есть какой-то секрет, и я не могу передать его даже собственному сыну, да и сын не смог бы перенять его у меня» (Там же. С. 143—144).

(33) Когда Ван Юань-чжи служил в Ханьлинь, однажды он составил черновик [августейшего] указа о назначении сячжоуского Ли Цзи-цяня, и Цзи-цянь прислал ему вознаграждение за то, что он, как говорится, увлажнил кисть, — против обычного в несколько раз больше. И хотя [подношение] было сопровождено челобитным именным письмом, [Ван] решительно отказался, не принял — видимо из-за того, что [никакой его заслуги] тут не было.

Ныне те, кто служат в канцелярии по части составления черновиков [августейших] указов, коли с вознаграждением за увлажнение кисти хоть чуть запаздывают, — обязательно посылают служителей на дом [к нерасторопному] требовать долг, но все равно бывает, что вознаграждения [им]

так и не присылают. Так уж давно повелось, и нынешние, как говорится, должники уже и не удивляются, считая такое в порядке вещей.

Примечания. Ван Юань-чжи — сунский литератор и сановник Ван Юй-чэн (王禹偁 954—1001), второе имя которого было Юань-чжи 元之. Известно, что Ван Юй-чэн литературным слогом овладел уже в девять лет, а в 983 г. успешно сдал экзамен на степень цзиньши. Служил в провинциях и при дворе и, в частности, был в придворной академии Ханьлиньюань. Умер рано, в сорок восемь лет. СШ: 293.

Ли Цзи-цянь (李繼遷 963—1004) — основатель тангутского государства Си Ся, представитель одной из ветвей дома Тоба (дансянских племен). Фамилия Ли была дарована его роду при династии Тан за участие в борьбе против Хуан Чао; за это же род получил и земельное пожалование: Сяжоу, Суйчжоу и Иньчжоу, области Центрального и Юго-Восточного Ордоса, а главе рода танский двор даровал титул вана Ся; управление этими областями, а также титул передавались по наследству. В 991 г., при Сун, император Тай-цзу даровал Ли Цзи-цяню имя Чжао Бао-цзи 趙保吉 (в результате он формально оказался родственником и дома Тан, носившего фамилию Ли, и сунского дома, носившего фамилию Чжао). Видимо, о связанном с этим указе и идет речь в данном фрагменте. Унаследовавший титул вана Ли Цзи-цянь и [люди, населявшие] подвластные ему земли, считались вассалами Сунов, но на деле уже в 982 г. Ли Цзи-цянь начал перманентную борьбу с сунской империей, признал вассальную зависимость от киданей (хотя в 991 г. и признал снова, главным образом для вида, главенство Сунов), сумел заложить основы тангутского государства и до самой смерти (был тяжело ранен в сражении) продолжал военные действия против сунской империи. Подробнее см.: *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства.

Вознаграждение за то, что увлажнил кисть — то есть подношение за труд по составлению черновика указа, а также за продвижение этого черновика по бюрократическим коридорам, что отчасти зависело от его составителя; практически узаконенная форма взятки.

(36) Ван Цзи-гун, Цинь-жо, ушел с поста цаньчжи чжэнши, но Чжэнь-цзун, по-прежнему испытывавший глубокое расположение к нему, дабы особо отметить [Цзи-гуна], специально для него учредил [должность] сюэши палаты Цзычжэндянь. В то время делами в Чжуншу руководил Коу Лай-гун и он, согласно табели о рангах для сюэши [разных палат], определил, что [Цзи-гун] должен являться ко двору после сюэши из Ханьлинь-[юань]. Тогда Цзи-гун пожаловался Владыке:

— С поста сюэши Ваш подданный был пожалован должностью цаньчжи чжэнши, а ныне безо всякой вины получил я отставку да еще по табели о рангах оказался ниже. Это просто опала!

Тогда Чжэнь-цзун дополнительно — специально [для Ван Цзи-гуна] — учредил [в Цзычжэндянь] пост *дасюэши* («великого ученого мужа»), по положению находящегося выше сюэши из Ханьлинь. Вот какова была глубина его расположения [к Цзи-гуну].

Примечания. Ван Цинь-жо (王欽若 962—1025) — сунский сановник, которому за заслуги перед троном был дарован титул Цзиго-гуна 冀國公. Успешно сдав экзамены на цзиньши, стал служить и занимал много высоких придворных постов министерского ранга (в 1017 и 1023 гг.), был цаньчжи чжэнши (1001), тунпин чжанши (1012), шиланом в Мэньсяшэне и пр. Был выходцем с юга Китая и, оказавшись при дворе, вступил в противоборство с группировкой северных феодалов, составлявших опору основателя династии Чжао Куан-иня и долгое время бывших основой его окружения, не пускавшего к власти южан. В 1004 г., во время военного конфликта с киданями, был активным сторонником отступления без боя, против которого решительно выступил Коу Чжунь; в результате Ван оказался удален от двора, но через год вернулся обратно. Внешне был неказист: отличался маленьким ростом да к тому же большим кожным наростом на затылочной стороне шеи, за что современники прозвали его «министр-опухоль», однако же обладал острым умом. СШ: 283.

К о у Л а й - г у н — сунский сановник Коу Чжунь (寇準 961—1023), который в 1019 г. был пожалован титулом Лайго-гуна 萊國公. Второе имя Пин-чжун 平仲. В 980 г. успешно выдержал экзамен на степень цзиньши. Довольно быстро стал занимать высокие посты при дворе. Коу Чжуня высоко ценил император Тай-цзун (на троне 976—998). В 1004 г. Коу Чжунь стал первым министром, и когда в сунские пределы вторглись кидани и многие сановники в панике требовали переезда двора в Нанкин или Чэнду, Коу Чжунь настоял на организации военного сопротивления и убедил императора Чжэнь-цзуна (998—1023) лично возглавить оборону. Но вскоре он стал жертвой клеветы и был отстранен от власти. В 1017 г. его вновь назначили первым министром. Коу Чжунь умер в ссылке в округе Лэйчжоу (совр. пров. Гуандун). СШ: 281.

(38) Во времена Тай-цзуна Сун Бо, Цзя Хун-чжун, Ли Чжи, Люй Мэн-чжэн и Су И-цзянь — все пятеро одновременно были пожалованы должностями сюэши в Ханьлинь. В те годы была популярна строчка:

Пять фениксов в небо взмыли, в Ханьлинь влетели.

Впоследствии Люй Мэн-чжэн стал первым министром, а Цзя Хуан-чжун, Ли Чжи и Су И-цзянь сделались цаньчжи чжэнши; Сун Бо же, первым получивший указ [о назначении на пост сюэши], по службе дошел до начальника Шаншу[шэна] — все они известные сановники.

Примечания. С у н Б о (宋白 933—1009) — сунский сановник, литератор и эрудит. Экзамены на степень цзиньши выдержал в 961 г. Службу начинал в провинциях, после чего был призван ко двору, назначен в Ханьлиньюань и принял участие в руководимом Ли Фаном составлении раннесунской антологии «Вэнь юань ин хуа». Наивысшим служебным достижением его стал пост начальника Департамента наказаний. Обладал обширнейшей коллекцией книг и произведений искусства, по свидетельствам современников, был человек, не чуждый хорошей шутке. СШ: 439.

Ц з я Х у а н - ч ж у н (賈黃中 941—996) — сунский сановник и литератор. В возрасте шести лет выдержал экзамен для способных мальчиков. Экзамен на цзиньши сдал в пятнадцатилетнем возрасте, при правлении династии Поздняя Чжоу. Служил по исторической части, в начале сунского времени управлял областью Сюаньчжоу, был чжичжигао, вошел в число членов академии Ханьлиньюань, управлял Департаментом чинов, был главным экзаменатором на столичных экзаменах. В 991 г. был назначен цаньчжи чжэнши. Всегда проявлял внимание к талантливым людям и всячески их поддерживал. После себя оставил собрание сочинений в тысячу цзюаней (утеряно). СШ: 265.

Л и Ч ж и (李至 947—1001) — сунский сановник. Рано осиротел и был взят на воспитание одним из дворцовых евнухов. Проявил большое старание в учении. Пост сюэши в Ханьлиньюань занял в 983 г., позднее действительно был цаньчжи чжэнши, чжичжигао, а также заведовал Императорским книгохранилищем (после 986 г., когда из-за болезни глаз был вынужден оставить пост чжичжигао), служил и преподавал в Гоцзыцзянь (куда был назначен в 994 г.) и был начальником Департамента работ. Собственно, пост цаньчжи чжэнши Ли Чжи занимал дважды — в 983 и в 995 гг. В 998 г. стал цзедуши. Был талантливый поэт, состоял в поэтической переписке с Ли Фаном — сохранился сборник их стихотворений в две цзюани. СШ: 266.

Л ю й М э н - ч ж э н (呂蒙正 944/946—1011) — сунский сановник. Успешно сдав в 977 г. экзамены на степень цзиньши (он был первым в списке выдержавших), Люй сразу получил назначение на пост тунпаня в Шэнчжоу. В 980 г. стал императорским секретарем, занял пост в придворной академии Ханьлиньюань, а в 982 г. стал цаньчжи чжэнши. Высокие посты при дворе, в том числе министерского ранга, занимал неоднократно: например, был начальником Департамента чинов. По отзывам современников, прекрасно разбирался в людях. Был пожалован титулом Цайго-гуна. СШ: 265.

С у И - ц з я н ь (蘇易簡 958—997) — сунский сановник. В 980 г. первым по списку прошел на экзаменах на степень цзиньши и прославился литературным слогом. На должность сюэши в Ханьлиньюань был назначен в 991 г., также действительно служил цаньчжи чжэнши.

По свидетельству современников, несмотря на все свои таланты, Су был страшный пьяница. Умер в тридцать девять лет, на должности начальника провинциальной области. Посмертно был удостоен должности начальника Департамента церемоний, а также титула Сюйго-гуна. СШ: 266.

(41) Пуе Чжан Ци-сянь был [человек] тучный-могучий, пил и ел гораздо больше прочих, а особенно любил жирное свиное мясо — за раз съедал много цзиней. В буддийском монастыре Тяньшоуюань пилюли *фэнъяо хэйшэньвань* [приготавливали] — обычный человек за один раз принимал не более одной [такой пилюли], а господин [Чжан], как правило, лепил из пяти-семи лянов [этих пилюль] большой ком, заворачивал в хускую лепешку и так съедал без остатка.

В годы Чунь-хуа [Чжан Ци-сянь] получил отставку с поста министра и стал управлять областью Аньчжоу. [Жители областного центра] Аньлу, удаленного горного местечка, никогда еще не встречались с такими высокими сановниками, а уж увидев, что господин в страсти к еде совсем не таков, как простые люди, и вовсе исполнились к нему трепетного уважения.

Однажды, когда [господин] сидел за едой с гостями, повар притащил большую деревянную [отделанную] золотом и [покрытую] лаком бадью, установил сбоку в галерее и, замечая, что ест господин, стал то же самое [и в тех же количествах] кидать в ту бадью. Когда спустился вечер, бадья наполнилась пенящимся вином и едою и уж хлынуло через край — тогда местные жители, вздыхая в полном удивлении, уяснили для себя, что достигший такого богатства и знатности человек уж никак не может быть ровней обычным людям!

А вот покойный господин Янь Юань-сянь — худой как щепка, ел и пил ничтожно мало: бывало, отщипнет половину лепешки, обернет ее вокруг палочки для еды, а затем, палочку вынув, в масле обжарит и съест. Тоже весьма отлично от обычных людей!

Примечания. Чжан Ци-сянь (張齊賢 943—1014) — сунский министр и книжник. Когда Чжану было три года, его семья, спасаясь от военных волнений, переехала в Лоян. Известен тем, что, еще не будучи на службе, остановил проезжавший через Лоян императорский выезд и коленопреклоненно поднес Владыке проект реформ в десяти пунктах. Так Чжан был замечен при дворе: вернувшись в Кайфэн, Тай-цзу рассказал наследнику об этом происшествии и порекомендовал в будущем привлечь Чжана на службу. В 977 г. Чжан Ци-сянь успешно выдержал экзамен на степень цзиньши и был назначен начальником области Хэнчжоу, а в 981 г. стал эмиссаром по налоговым перевозкам на всех землях южнее Янцзы. В 986 г. начальствовал в Дайчжоу, а в 989 г. стал заместителем начальника Шумишэна. Неоднократно занимал посты министерского ранга, в том числе был *пуе*, первым заместителем начальника Шаншушэна (но с последнего поста был удален за грубое нарушение этикета в присутствии августейшей особы: явился на аудиенцию пьяный). Конец жизни провел в Лояне. СШ: 265. Про его страсть к еде известно много историй. В сборнике Лю Фу «Цин со гао и» содержится такой рассказ: «Когда Чжан Ци-сянь, как говорится, ходил еще в простом платье, то уже выделялся как человек незаурядный и великодушный. Одинокий и бедный, скитался Чжан по белу свету без крова над головой и часто ночевал близ дороги. Однажды вдруг видит — на постоялом дворе устроили пир десятка полтора разбойников, а постояльцы все в страхе разбежались. Ци-сянь подошел прямо к ним и, сложа руки в приветствии, сказал: "Я, ничтожный, нищ и убог. Хочу просить вас, господа, накормить и напоить меня. Позволите ли?" "Вы, сюцай, как говорится, сами вырыли себе нору — почему же нельзя? Да только мои товарищи люди грубые, боюсь, вы будете смеяться!" — обрадованно отвечал Чжану главарь, приглашая садиться. "Разбойники могут такое, на что не способны

простые люди, разбойники — герои этого мира! — сказал тогда Ци-сянь. — Я, ваш слуга, тоже великодушный и щедрый муж, но куда мне с вами, господа, равняться!" И тут Ци-сянь взял большую чашу, наполнил вином, осушил одним глотком — и так проделал три раза. Потом ухватил свиную лопатку, руками разорвал ее на несколько кусков и мигом проглотил — точно волк или тигр! Разбойники, увидав это, изумились и вскричали в восхищении: "Ухватки настоящего министра! Иначе откуда бы взяться такому размаху? Когда-нибудь вы непременно будете полновластно управлять Поднебесной — так не забудьте нашу компанию, которая была вынуждена стать разбойной. Мы хотели бы заранее завести с вами дружбу". Разбойники поднесли Ци-сяню в подарок шелк и золото, но Ци-сянь не принял, поскольку ему было бы тяжело все это нести, и ушел» (*Лю Фу*. Цин со гао и. С. 124—125).

П и л ю л и ф э н ъ я о х э й ш э н ь в а н ь 風藥黑神丸 — видимо, некое средство китайской народной медицины, обладающее, как и все подобные снадобья, общеукрепляющим и тонизирующим действием. Было весьма популярно в сунское время и изготавливалось, как правило, на буддийских монастырских подворьях, в этом случае — в буддийском монастыре Тяньшоуюань, располагавшемся неподалеку от восточной сунской столицы и одно время носившем название «Восточный храм Сянгосы».

Г о д ы Ч у н ь - х у а — 990—994.

А н ь ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хубэй.

Я н ь Ю а н ь - с я н ь — сунский поэт, эрудит и чиновник Янь Шу (晏殊 991—1055), посмертное имя которого было Юань-сянь 元獻. Выходец с юга. Уже семи лет от роду умел слагать стихи и в начале годов Цзин-дэ (1004—1007) принял участие в столичных экзаменах для одаренных мальчиков; позднее император Чжэнь-цзун повелел ему участвовать в экзаменах на степень цзиньши, даровал ему эту степень и определил служить по исторической части. В 1022 г. Янь был назначен в Цензорат, потом в Шумиюань, а в 1043 г. возглавил Департамент наказаний. Много сделал для развития частной школы (или академии) в области Интянь (Хэнань) — воспитал множество учеников, с которыми не терял связи в течение всей жизни и которых активно привлекал на службу, когда достиг высоких постов при дворе. Талантливый поэт, при этом проза его, по признанию современников, отличалась особым изяществом и тонкостью стиля. Много служил и был дружен с разными знаменитостями, в том числе с Оуян Сю. СШ: 311.

Данный фрагмент почти дословно (хотя и в сокращенном виде — без конца) позаимствован Лю Фу и в сборнике «Цин со гао и» фигурирует под названием «Чжан Вэнь-дин» 張文定, где Вэнь-дин — посмертное имя Чжан Ци-сяня: «Пуе Чжан Ци-сянь телосложения был дюжего, могучего, пил и ел гораздо больше прочих, а особенно любил жирное свиное мясо — за раз нескольких цзиней как не бывало. В буддийском монастыре Тяньшоуюань [приготавливали] пилюли *фэнъяо хэйшэньвань* — обычный человек за раз принимал не более одной такой пилюли, а господин [Чжан], как правило, лепил из пяти-семи лянов [этих пилюль] большой ком, заворачивал в хускую лепешку и съедал.

В годы Чунь-хуа [Чжан Ци-сянь] получил отставку с поста министра и стал управлять округом Аньлу, что в области Аньчжоу. Высшие окружные чиновники увидели, что господин ест и пьет вовсе не как обычные люди, и весь округ исполнился опасливого восхищения.

Однажды высшие окружные чиновники пригласили господина на пир, и повар притащил [отделанную] золотом и [покрытую] лаком большую бадью. [Он] замечал, что ел господин, и то же самое кидал в нее. Когда спустился вечер, бадья наполнилась пенящимся вином и едою и уж хлынуло через край» (*Лю Фу*. Цин со гао и. С. 125—126).

(42) Покойный господин Сун Сюань-сянь и Ся Ин-гун [по имени] Сун некогда одновременно проходили экзамены для мальчиков на знание канонических книг. Среди кандидатов был один — он учил наизусть «Фа хуа цзин» и всё не выучил. «Сколько лет вы уже трудитесь?» — спросили его [Сун и Ся]. «Уж десять лет», — был ответ. Ся и Сун усмехнулись, хотя и посочувствовали ему — и каждый взял по свитку с «Фа хуа цзин» и стал учить наизусть. Господин Сун [потратил] десять дней, а господин Ся — семь. Ни одного иероглифа не забыли.

Вот сколь велика может быть разница в талантах человеческих.

Примечания. Сун Сюань-сянь — сунский сановник и историк Сун Шоу (宋綬 991—1040), посмертное имя которого было Сюань-сянь 宣獻. В юные годы проявил большие способности. Пользовался большой любовью деда по матери, который открыл перед одаренным мальчиком свою библиотеку. В пятнадцать лет Сун Шоу уже держал первый в своей жизни экзамен. Степень цзиньши Суну без экзаменов даровал императорский двор. Служить Сун Шоу начал рано и занимал при дворе ряд высоких постов, в том числе был цаньчжи чжэнши (1033), сюэши в придворной академии Ханьлиньюань, начальником Шумиюаня, начальником Военного департамента, а также участвовал в составлении хроники правления императора Чжэнь-цзуна и в подготовке династийной истории. Обладал обширной домашней библиотекой, все книги в которой выправил собственноручно по разным спискам. СШ: 291.

Ся Ин-гун. — Имеется в виду Ся Сун (夏竦 985—1051), сунский сановник. За заслуги отца в двадцатилетнем возрасте был пожалован должностью уездного секретаря без прохождения экзаменов. В 1007 г. успешно выдержал специальные экзамены. Служил при дворе по исторической части, был наместником во всех трех сунских столицах. Был чжичжигао (второй раз этот пост он занял в 1025 г.), цаньчжи чжэнши (1029), начальником Шумиюаня (1043 и 1047). Служил и в провинциях — был начальником ряда областей. Двор даровал Ся Суну титул Инго-гуна 英國公, который здесь употреблен в краткой форме. Состоял в дружеских связях с Дин Вэем и Ван Цинь-жо. Несмотря на разнообразные таланты и прекрасное знание прозы древнего стиля, Ся Сун, по свидетельству современников, был человек мелочный и властолюбивый, склонный к клевете, если она помогала ему достичь своих целей. Собрание его сочинений было утеряно, и до нас дошли поздние реконструкции или отдельные произведения в составе генеральных антологий вроде «Цюань сун ши». СШ: 283.

«Фа хуа цзин» (法華經 «Сутра цветка Закона») — то есть «Мяо фа лянь хуа цзин» (妙法蓮華經 «Лотосовая сутра», «Саддхармапундарика-сутра»), одна из самых популярных сутр китайского махаянского буддизма, легшая в основу учения школы Тяньтай. Первый перевод на китайский язык был выполнен в 290 г.

(45) Первоначальное имя Сун Чжэн-гуна (Сяна) было Цзяо 郊, а второе имя Бо-сян 伯庠; вместе с младшим братом [Сун] Ци они, еще когда носили, как говорится, простую одежду, прославились в Поднебесной и их прозвали «два Суна».

[Сун Сян] стал чжичжигао, и Жэнь-цзун довольно скоро исполнился к [нему] глубокого уважения, хотел назначить [его] на высокий пост. Но некто, ненавидя [Сун Сяна] за столь быстрое продвижение, стал на него наговаривать: «Фамилия [Суна] созвучна с названием династии, а имя — с ритуалом жертвоприношений Небу 天郊». Еще так говорил: «[Имя его] Цзяо 郊 — это то же, что и *цзяо* 交 «передавать», а такое *цзяо* означает [намек] на смену династии. [Так что] *сун цзяо* 宋交 звучит дурным предвестием».

И Жэнь-цзун спешно велел [Суну] поменять имя. Господин [Сун] опечалился, но — делать нечего, поменял [имя] на Сян 庠, а вторым именем [взял] Гун-сюй 公序.

Господин прослужил в Двух управлениях более двадцати лет, службу окончил на посту *сыкуна* и покинул мир после долгих лет счастливой жизни, а клеветник его сгинул в безвестии, так и не дождавшись большого назначения.

Мелким людишкам это должно стать уроком.

Примечания. Сун Сян (宋庠 996—1066, второе имя Гун-сюй 公序, посмертное имя Юань-сянь 元憲) — сунский чиновник, поэт и литератор. В 1024 г. успешно выдержал

экзамены на цзиньши. Служил при дворе и в провинциях. Среди назначений: чжичжигао, член придворной академии Ханьлиньюань, цаньчжи чжэнши, правый цензор, шилан в Военном департаменте и многие другие. За верную службу трону был удостоен титула Цзюйго-гун 莒國公. Слыл эрудитом и вместе с младшим братом составил себе литературное имя (современники действительно называли их «эр Сун» 二宋 «два Суна», и одного — Сун Сяна — именовали «старшим», 大宋, а второго — младшим 小宋). В стихосложении Сун Сян ориентировался на танского Ли Шан-иня (李商隱 812—858?), чья поэзия характеризуется тонким лиризмом, и одновременно тяготел к поэтической школе сикунь, приверженцы которой больше следовали красоте формы, нежели подлинной глубине содержания. Сун Сяну принадлежат поэтические строки, весьма ценившиеся современниками; так, Лю Юнь (劉筠 971—1031), отбирая выдающиеся строфы сунских поэтов для «Цзюй ту» (句圖 «Книга строф»), обычно включал туда не более пары строк одного автора, но на долю Сун Сяна и Сун Ци пришлось целых тридцать! Сун Сян был известен также как большой знаток древних текстов и умелый текстолог: из-под его кисти вышел, например, критический текст «Го юй» (國語 «Речи царств»). Собрание его сочинений было утеряно, и ныне мы располагаем поздней реконструкцией в тридцать шесть цзюаней, а также восемнадцатью произведениями из состава «Цюань Сун вэнь» (全宋文 «Вся сунская проза»). СШ: 284.

Но некто, ненавидя [Сун Сяна]... — Судя по тому, что сказано в официальной биографии Сун Сяна в династийной истории, этого человека звали Ли Шу (李淑 X в.), при Жэнь-цзуне он служил на посту сюэши в палате Лунтугэ и был человеком весьма знающим, к мнению которого император прислушивался; назвать его человеком, не получавшим больших (высоких) назначений, было бы некоторым преувеличением. Оуян Сю практически дословно воспроизводит эпизод из династийной истории с наговором на имя Сяна и повелением императора имя переменить.

Ритуал жертвоприношений Небу — один из главных общегосударственных ритуалов, совершаемый лично императором. Восходит к глубокой древности. Проводился под Новый год и в день зимнего солнцестояния. Церемония обычно проходила ночью — перед ее началом император проводил несколько часов в специальном помещении, посвящая себя очищению и сосредоточению и готовясь к ритуалу, затем совершал ритуальные возлияния вина перед табличкой Неба, клал табличке земные поклоны и обращался к Небу с молитвой о ниспослании стране благополучия. В день летнего солнцестояния аналогичные церемонии проводились в честь Земли.

Сыкун — один из так называемых трех гунов 三公, высших государственных сановников, ближайшего окружения императора. Так называемая «поощрительная» должность, в сунское время дававшаяся заслуженным государственным деятелям.

(46) Ухуэй-ван Цао Бинь был прославленный военачальник нынешней династии, подвиги его цвели пышным цветом — никто не мог сравниться с [Цао]. Некогда он сказал: «С тех пор как я стал военачальником, много людей полегло [от моей руки]! Но из-за личных пристрастий никогда не причинил я никому вреда».

Помещения, где он жил, пришли в полную негодность, и домочадцы [однажды] стали уговаривать [Цао] сделать ремонт. «Зима в самом разгаре, — отвечал господин. — В щелях стен, меж черепицей и под камнями зимним сном спят сотни насекомых. Нельзя вредить их жизни». Вот каково было его гуманное сердце и сострадание к живым существам!

[Когда же], умиротворив Цзяннань, [Цао] вернулся [ко двору], то для [высочайшей] аудиенции вошел [во дворец] через боковые ворота, а в докладной записке его говорилось: «Получив рескрипт исполнить государево дело в Цзяннани, по завершении вернулся ко двору». Не выпячивал своих заслуг — вот какова была скромность [Цао].

Примечания. Ухуэй-ван Цао Бинь. — Речь идет о сунском военачальнике Цао Бине (曹彬 931—999), участвовавшем во многих походах основателя династии Тай-цзу

и покрывшем свое имя боевой славой (в 963 г. нанес поражение киданям и присоединил к империи земли Северной Хань, в 964 г. нанес поражение войскам Позднего Шу, в 975 г. одержал победу над Южным Тан). Занимал много разных высоких постов — в частности, был начальником Высшего военного совета страны (Шумиюань), пинчан чжанши и цзедуши. Второй сунский Владыка даровал ему титул Луго-гуна 魯國公, а посмертно Цао Биня сделали ваном, пожаловав ему титул Цзиян-вана 濟陽王; посмертное же его имя было У-хуэй 武惠, оттого в данном фрагменте и родился некий средний вариант, включающий в себя и посмертное имя, и титул — 武惠王. СШ: 258.

У м и р о т в о р и в Ц з я н н а н ь... — Речь идет о завоевании сунской империей одного из владений периода Пяти династий — царства Южное Тан. В 974 г. сунский Тай-цзу пригласил последнего южнотанского Владыку Ли Юя (李煜 937—978) к своему двору, полагая таким мягким способом заставить Ли покориться, но Ли Юй отказался, сославшись на нездоровье. В ответ на это Тай-цзу послал в Южное Тан Цао Биня во главе десятитысячного войска; перейдя Янцзы, Цао Бинь в 975 г. окружил столицу Южного Тан г. Цзиньлин, и Ли Юй сдался, а Южное Тан перестало существовать. На следующий год Цао Бинь доставил Ли Юя в сунскую столицу, ко двору, где он и жил до 978 г., когда был, по слухам, отравлен по приказу второго сунского императора Тай-цзуна.

Б о к о в ы е в о р о т а... — Цао Бинь вернулся ко двору победителем: благодаря ему в состав сунского государства вошли земли Южной Тан; однако же он, подчеркивает Оуян Сю, не вошел в столицу триумфатором как мог бы — через центральные ворота, с музыкой и помпой, но воспользовался непочетными боковыми воротами, да и в записке ничего не написал о том, какую победу одержал, а просто указал, что, де, было мне поручение, я его выполнил и вернулся, о чем и докладываю.

(48) Покойный Цянь Сы родился и вырос в богатстве и знатности, но по натуре был человек бережливый и для трат, что называется, за дверьми в женские покои установил очень суровые правила. Домочадцы его, коли не [укладывались в отпущенное], ни единой монетки не могли взять по своему хотению.

У господина была коралловая подставка для кистей, сокровище, которым [он] всю жизнь весьма дорожил и постоянно держал на столике для письма. И вот среди домочадцев случился некто, кому понадобились деньги, — [тот человек] украл [подставку] и спрятал. Господин сильно опечалился от такой потери и вывесил во дворе [бумагу], обещая десять тысяч монет тому, кто вернет [ему подставку]. Прошел день или два — и [тот человек] из домочадцев, сделав вид, что нашел [драгоценность], принес ее господину, а господин на радостях наградил [его] десятью тысячами монет. В другой раз кому-то снова понадобились деньги, и [подставка] сызнова исчезла. За год [подставка] таким же образом пропадала раз пять-семь, а господин так ничего и не понял.

Когда я служил в Западной столице, то, будучи в подчинении у господина, лично наблюдал такие [случаи]; и каждый раз мы с сослуживцами вздыхали: сколь же доверчив господин [Цянь]!

Примечание. Ц я н ь С ы — сунский сановник и поэт Цянь Вэй-янь (錢惟演 962—1034), посмертное имя которого было Сы 思 (первоначально двор даровал ему имя Вэньмо 文墨, но по просьбе родных изменил его на Сы; родные и этим остались недовольны и вновь подали прошение, тогда посмертное имя было изменено на Вэнь-си 文僖). Был сыном последнего Владыки У-Юэ Цянь Чу (錢俶 929—988), отсюда и «богатство и знатность», упомянутые в данном фрагменте. Человек обширных знаний и литературных талантов. К сунскому двору попал вместе с отцом. Был членом академии Ханьлиньюань, начальником Шумиюаня, чжичжигао, управлял Лояном (западной сунской столицей), где Оуян Сю служил под его началом в 1031—1033 гг. СШ: 317.

(50) Славятся в Поднебесной цветочные свечи из Дэнчжоу — даже в столице таких делать не умеют. Передают, что такой способ [изготовления] свечей [принадлежит] Коу Лай-гуну.

Господин некогда управлял Дэнчжоу — с малолетства [он жил] в богатстве и знатности и масляных ламп не жег, а особенно любил по ночам бражничать-пировать, и даже в спальне [у него] свечи горели до самого утра. Когда [господин] покидал место службы, то его преемники всякий раз на казенной квартире находили на полу в отхожем месте множество холмиков застывшего воска, натекшего со свечей.

А вот Ду Ци-гун был человек чистый и экономный, на службе никогда не жег казенных свечей, а только масляную лампу, да и та мерцала еле-еле, вот-вот погаснет — так [при этой лампе] с гостями и вел, что называется, чистые беседы.

И Ду и Коу были знаменитые царедворцы, однако расточительство и бережливость разнят их. Господин Ду встретил старость, не ведая огорчений, а господин Коу на склоне лет изведал горечь службы на юге, там и скончался, так и не вернувшись [в столицу]. Да, ему не посчастливилось, но это можно счесть и хорошим уроком.

Примечания. Ду Ци-гун — сунский сановник Ду Янь (杜衍 978—1057), которому за заслуги трон пожаловал титул Циго-гуна 祁國公. С молодых лет был усерден в учении и в 1008 г. блестяще сдал экзамен на цзиньши, возглавив список выдержавших. Много служил в провинции — был тунпанем в ряде областей. Потом был призван ко двору и в 1043 г. стал начальником Шумиюаня. Служил вместе с Фу Би (富弼 1004—1083), Хань Ци (韓琦 1008—1075) и Фань Чжун-янем, был сторонником реформ, предлагаемых последним. Карьера его сложилась относительно гладко, всю жизнь Ду Янь равномерно поднимался по служебной лестнице и окончил службу в должности наставника наследника престола. СШ: 310.

Дэнчжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хэнань.

Масляная лампа — использовалась малоимущими слоями населения, поскольку такой осветительный прибор, в сравнении с восковыми свечами, был гораздо дешевле; признак бедности.

Изведал горечь службы на юге. — Южные районы Китая издревле считались (часто несправедливо) пагубной для здоровья весьма отдаленной местностью, изобилующей экзотическими болезнями и населенной к тому же не ведающими истинной культуры варварами. Туда обычно посылали на службу опальных чиновников. Коу Чжунь был выслан в область Лэйчжоу (в совр. пров. Гуандун) в 1020 г., после поражения в борьбе с придворной группировкой, возглавляемой Дин Вэем. Во фрагм. 18 «Гуй тянь лу» сказано: «Когда покойный господин Коу Чжун-минь подвергся опале, то сначала, поскольку положение его было высоко, [он] был отправлен руководить областью Аньчжоу, но потом опала усилилась и [господин] стал заместителем начальника области Хэнчжоу, а потом — еще хуже: *бецзя* в Даочжоу, и в конце концов — *сыху* в Лэйчжоу».

(53) Покойный господин Янь Юань-сянь снискал себе славу литературным талантом, а рос он в богатстве и знатности. [Это был] человек качеств незаурядных, повсюду, [где бы он ни был], тепло привечавший гостей. Многие знаменитые ученые мужи того времени вышли, что называется, из его ворот. Уйдя в отставку с поста *шумифуши*, [Янь] стал люйшоу южной столицы, а лет [ему] тогда было тридцать восемь. Самыми любимыми гостями [в доме Яня] были Ван Ци 王琪 и Чжан Кан 張亢 из числа [его] подчиненных. Кана, человека большой тучности, Ци в глаза звал буйволом, а [самого] Ци, худенького и тщедушного, Кан величал обезьяной — эти двое так вот постоянно подтрунивали друг над другом.

Некогда Ци, желая подшутить над Каном, сказал:
— Чжан Кан стену боднул, получился иероглиф «восемь».
Вторя ему, Кан ответил:
— Ван Ци любовался луной, испустил три стона.
Все слышавшие это громко рассмеялись.

Примечания. Шумифуши — заместитель начальника Шумиюаня, Высшего военного совета страны.

Чжан Кан стену боднул... — Смысл шутки в том, что Ван Ци намекает тем самым на данное им Чжану прозвище Буйвол: иероглиф «восемь» 八 начертанием напоминает рога, которых у буйвола, как известно, два. Чжан Кан же возвращает ему насмешку сторицей, в свою очередь намекая на прозвище Вана — Обезьяна; он имеет в виду многочисленные пейзажные стихотворения китайских авторов с часто употребляемым штампом — образом обезьяны, которая трижды печально прокричала, вселяя в сердце тоску.

(56) Сунь Хэ и Сунь Цзинь в одно время прославились своими литературными способностями. Когда Цзинь был *чжуаньюнем* в Шэньси, он сложил стихотворение «Гора Лишань» в двух частях; во второй говорилось:

Когда сооружали могилу Цинь-ди, восстал Чэнь Шэн.
Когда построили дворцы Мин-хуана, пришел Лу-шань.

А в это время как раз шло строительство дворцов Юйцин чжаоингун, и некий недоброжелатель Цзиня, желая ему навредить, записал эти стихи и поднес Владыке. Чжэнь-цзун прочел первое стихотворение, где говорилось: «Чиновник в красном платье восходит на гору Лишань», и сказал:

— Ну и примитивный же человек этот Цзинь! Ничего особенного! — Отложил и дальше читать не стал.

Так [император] и не узнал о строчке, где речь шла о Чэнь Шэне и Лу-шане. Говорят, что это просто везение.

Примечания. Сунь Цзинь (孫僅 969—1017) — сунский чиновник и литератор, младший брат Сунь Хэ (孫何 961—1004). Смолоду прилежно учился и действительно стал известен как литератор вместе с Сунь Хэ. Экзамены на степень цзиньши сдал в 998 г., службу начал на посту туйгуаня. При дворе был цензором, чжичжигао, сюэши; служил и в провинциях — управлял Кайфэном. Сведений о том, чтобы он служил чжуаньюнем, нет, тогда как его старший брат Сунь Хэ таким чиновником был назначен в 999 г. СШ: 306.

Чжуаньюнь (ши) — чиновник, ведавший финансами в провинциальном масштабе и осуществлявший финансовый контроль в областях и уездах; под его фактической властью находился весь провинциальный чиновничий аппарат.

Лишань — знаменитая гора в пров. Шэньси, примерно в 25 км от Сиани (древн. Чанъань); известна своими прекрасными видами и многочисленными дворцовыми и храмовыми сооружениями. В танское время здесь была, в частности, сооружена на теплых ключах так называемая «купальня гуйфэй» — специально для любимой императорской наложницы.

Цинь-ди. — Имеется в виду циньский император Цинь-ши-хуан (на троне 246—210 до н. э.), основатель первой всекитайской империи Цинь. Похоронен неподалеку от горы Лишань.

Чэнь Шэн (陳勝 ?—208 до н. э.) — предводитель народного восстания, вспыхнувшего в конце правления династии Цинь, в 209 г. до н. э. Был разгромлен и казнен.

Мин-хуан — танский император Сюань-цзун (на троне 712—756). По его приказу на горе Лишань для Ян гуйфэй были выстроены дворцовые покои. Также именно здесь в свое время Ян гуйфэй и Сюань-цзун дали друг другу клятву в вечной любви. Кстати, Ян гуйфэй похоронена неподалеку — в местечке Мавэй, в 60 км от Сиани.

Чиновник в красном платье... — При династии Тан в 630 г. для гражданских чиновников четвертого и пятого классов был установлен красный цвет придворной

одежды. Сунь Цзинь в своем стихотворении имеет в виду, по всей вероятности, высших придворных чиновников. Чжэнь-цзун же, прочитав, видимо, решил по ошибке, что это стихотворение о некоем танском чиновнике, поднимающемся на гору Лишань, и оттого не придал ему значения.

(58) Когда Ян Да-нянь был сюэши, он составил черновик «Ответного письма киданям», где говорилось о «дружеских связях с сопредельными землями». [Черновик письма] был подан трону, и Чжэнь-цзун, изучив его, лично написал на полях: «Гнилая земля, земля мышиных нор, земля, [покрытая] отбросами». Да-нянь тут же исправил [«сопредельные земли»] на «сопредельные рубежи». Утром следующего дня [он] посмотрел танские установления: если сюэши в составленном им документе делает исправления, [он] не может занимать свой пост и должен уйти. И [Да-нянь] со всем упорством стал просить освободить его от должности.

Чжэнь-цзун сказал цзайсяну:

— Ян И — он никаких уговоров не слушает, вот уж настоящий норов!

Примечание. Гнилая земля... — Императору не понравился употребленный Ян И иероглиф *жан* 壤 «земля», «почва», поскольку он входит в такие устойчивые сочетания, как *сюжан* 朽壤 «гниль», «гнилая земля», *шужан* 鼠壤 «земля мышиных нор» и *фэньжан* 糞壤 «нечистоты», «земля, [покрытая] отбросами». Мысль императора вполне очевидна: вряд ли и киданям понравился бы такой ассоциативный ряд.

(61) Когда на троне был Чжэнь-цзун, он из года в год, как говорится, любовался цветами и удил рыбу, а все придворные [в это время стояли в готовности] слагать стихи на высочайшие рифмы.

В один год [Владыка] подошел к пруду и долго [удил], но рыба не клевала на августейшую приманку. Сложенные в то время Дин Вэем «Стихи на высочайшие рифмы» гласят:

Иволги, напуганные фениксовым экипажем, между цветами снуют.
Рыбы, страшась драконова лика, ловиться на крючок мешкают.

Чжэн-цзуну [строки] очень понравились, и все придворные сочли, что никто лучше [Дин Вэя тогда] сложить стихи не сумел.

Примечание. Фениксов экипаж... драконов лик — образно об императорском выезде и самом императоре. То есть Дин Вэй дал вполне достойное объяснение, почему Чжэнь-цзуну так долго ничего не удавалось поймать: природа, и рыбы в частности, замерли в благоговении, забыв о своих прямых обязанностях, то есть, что касается рыб, клевать на приманку и ловиться на крючок.

(67) Когда Коу Лай-гун был в Чжуншу[шэне], то [однажды], желая подшутить над сослуживцами, продекламировал:

— Во глубине воды солнце — то солнце, что на небе.

Никто не мог подобрать парную [строку]. Тут как раз [в Чжуншушэн] явился с докладом Ян Да-нянь — стали просить его подобрать пару, и Да-нянь прочел следующее:

— В глазах стоит человек — тот человек, что пред глазами.

Все сочли это прекрасной парой.

(69) Затворник Линь Бу жил на горе Гушань, что у озера Сиху близ Ханчжоу. Бу отменно владел кистью, рисовал, превосходно писал стихи — такие [строчки, как]:

В грязи средь травы «го-со» [— краб шуршит].
В ветвях средь облаков «гоу-чжоу» [— турач кричит], —

очень ценились среди ученых мужей. Еще [у него] в «Стихах о мэйхуа» говорится:

Резные тени косо легли на чистость-светлость воды.
Потаенный аромат поплыл-всколыхнул желтые сумерки луны.

Люди, в стихах понимающие, говорили о них:

— Раньше очень многие воспевали цветы сливы мэй, но таких строк не было ни у кого!

А ближе к кончине [Линь Бу] написал:

И когда Мао-лин пошлет за оставшимися от меня рукописями,
Я буду только рад, что нет среди них «Фэнь шань шу».

Строки цитировали наизусть.

С тех пор как Бу умер, [Си]ху и [Гу]шань опустели-осиротели. Нет у него продолжателей.

Примечания. Линь Бу (林逋 968—1028) — сунский литератор и поэт, еще в юности пустившийся в странствия и не помышлявший о карьере. В более зрелом возрасте, так и не женившись, поселился уединенно на Гушани, где и прожил безвылазно двадцать лет, выращивая цветы и разводя птиц. Был очень известным и популярным среди современников поэтом, прославившимся стихами, воспевающими природу и уединение. Еще при жизни сам себе устроил могилу. После смерти Жэнь-цзун пожаловал ему прозвание Хэцзин сяньшэн 和靖先生. Линь Бу был мастером скорописи, прекрасным поэтом, оставившим после себя множество афористических строк. СШ: 457.

Сиху — прославленное озеро в пров. Чжэцзян, с трех сторон окруженное горами; расположено к западу от г. Ханчжоу, откуда, начиная с сунского времени, и пошло это название — Западное озеро (другие названия: Улиньху, Цяньтанху, Сицзыху). На озере две дамбы, несколько островов и масса исторических достопримечательностей (в настоящее время внимание туристов привлекают сорок с лишним таких мест). С древности озеро пользовалось особой любовью китайских литераторов: посвященные ему стихи составляют не один том.

«Стихи о мэйхуа». — На самом деле это стихотворение называется «Шань юань сяо мэй» (山園小梅 «Маленькая слива в горном саду»). Стихотворение состоит из восьми строк, Оуян Сю цитирует из них третью и четвертую.

И когда Мао-лин... — Это две последние строки из стихотворения Линь Бу, которое называется «Шу шоу тан би» (書壽堂壁 «Пишу на стене Зала долголетия»). Мао-лин — название погребального комплекса ханьского императора У-ди (на троне 141—876 до н. э.); собственно, здесь и имеется в виду именно У-ди, а также история о том, как император сразу после смерти царедворца и поэта Сыма Сян-жу (司馬相如 179—117 до н. э.), отправил к нему домой посланца, чтобы изъять все рукописи, в том числе и сочинение поэта, посвященное ритуалам благодарственных молитвенных обращений к Земле и Небу (это подразумевается под «Фэнь шань шу», где *фэнь* — молитвенное обращение императора к Небу, происходившее на горе Тайшань, а *шань* — обращение к Земле). Однако посланцам не удалось найти никаких рукописей Сыма Сян-жу. Линь Бу намекает на то, что, в отличие от высокопоставленного сановника Сыма Сян-жу, состоявшего с У-ди в дружеских отношениях и тем не менее сразу после смерти подвергшегося такому вот обыску, его рукописи вряд ли кому-то понадобятся, а уж тем паче — лицам высоким; да и нет среди этих рукописей ничего, подобного по значению описанию обрядов поклонения Земле и Небу.

(70) Поговорка гласит: «Чжао старого за лампой послали — пошел да не вернулся назад». Не знаю, о чем тут речь, но люди из высших слоев общества часто повторяли ее.

В годы Тянь-шэн был некий служащий Шаншу[шэна] по имени Чжао Ши-чан, человек вечно язвительный, надменный. Состарившись, [Чжао] стал проситься цензором в аппарат наместника бывшей Западной столицы, и некий молодой повеса послал ему стихи, где говорилось: «Как за лампой посланный — так же не вернетесь». Ши-чан страшно разозлился, но, как говорится, поднять ответную чарку не сумел, а оттого на сердце его было неспокойно. В конце концов он действительно умер в бывшей столице.

Примечания. Годы Тянь-шэн — 1023—1031.

Чжао Ши-чан (趙世長 кон. IX—перв. пол. X в.). — История донесла до нас сведения лишь об одном Чжао Ши-чане, который в годы правления императора Чжэнь-цзуна (на троне 998—1022) был начальником Далисы (Судебной палаты) и одним из начальников дворцовой гвардии, но тот ли это Чжао, уверенности нет.

Как за лампой посланный... — Игра слов. То, что я в данном случае перевожу как «лампа» 燈台, *дэнтай*, созвучно «бывшей столице» 留台, *лютай*, как называли города (в данном случае Лоян), во времена правления предыдущих династий выступавшие в роли главных столиц государства. К тому же и фамилии у героев были одинаковые — и у Чжао из поговорки с неясной Оуян Сю этимологией, и у Чжао Ши-чана.

Поднять ответную чарку не сумел — то есть не смог сочинить достойный стихотворный ответ.

(71) Установления для чиновников давно уж находятся в небрежении. Ныне многие называют [должности] с ошибками, даже люди из высших слоев общества — и те следуют просторечным [заблуждениям], не находя в том ничего странного. Дочерей императора титулуют *гунчжу*, а их мужьям непременно жалуют должность *фума дувэй*, оттого и зовут их *фума*. [Когда же] дочерей членов правящего рода титулуют *цзюньчжу*, то мужей их называют *цзюньма*, [а когда] — *сяньчжу*, то [мужей] называют *сяньма*. Не пойму, где тут смысл.

Примечание. Гунчжу (公主 «принцесса») — титул дочерей императора, к которому еще прибавлялось название земельного пожалования (например, Циян гунчжу и т. д.). Появление термина восходит к периоду Чжаньго (475—221 до н. э.). Сестры же императора носили титул *чангунчжу* 長公主 «старшая принцесса», а тетушки — *дачан гунчжу* 大長公主 «великая старшая принцесса». В 1126 г. разнообразные титулы для дочерей, сестер и тетушек императорского дома были заменены единым *дицзи* 帝姬. Мужья гунчжу согласно обычаю назначались на должность *фума дувэй* (управляющего пристяжными императорского выезда), позволявшую входить в императорскую свиту, но реальной власти не дававшую. Титулы *цзюньчжу* 郡主 и *сяньчжу* 縣主 («владычица такого-то округа» и «владычица такого-то уезда») давались дочерям представителей императорского рода ближних кругов родства (например, дядьев и братьев). Недоумение же Оуян Сю связано, вероятно, с тем, что если *фума* все же есть сокращение от *фума дувэй*, вполне понятной должности, то *цзюньма* (郡馬 букв.: «областная лошадь») или *сяньма* (縣馬 «уездная лошадь») суть продукт бессмысленной аналогии, даже не сокращения.

(74) Самые дорогие сорта чая — *лун*[*туань*] и *фэн*[*бин*]. Их называют *туаньча*. Восемь плиток весят один *цзинь*.

Когда в годы Цин-ли Цай Цзюнь-мо был назначен на должность чжуаньюньши в Фуцзянь, [он] первым начал изготовлять маленькие пластиночки *лунча* для поставок [двору], качества исключительного, они на-

зывались *сяотуань* («маленькие плитки») и на один *цзинь* приходилось двадцать [таких] пластинок, а цена достигала двух *лянов* золотом.

Но этот чай не достать, даже если есть золото, и каждый год, во время жертвоприношений в южном предместье, император жалует чиновникам из Чжуншу и Шумиюаня по одной плитке этого чая на четверых, а дворцовые женщины даже расшивают футляры для него золотыми цветами! Вот как он ценится.

Примечания. Л у н т у а н ь и ф э н б и н — отборные сорта чая, производство которых началось при сунской династии. Считались самыми лучшими в тогдашнем Китае. На пластинке лунтуань оттискивалось изображение дракона (*лун*), а на пластинке фэнбин — феникса (*фэн*), отсюда и происходят названия этих сортов чая. В отношении же того, кто первым стал изготавливать эти отборные сорта, мнения расходятся: так, Оуян Сю утверждает (см. выше), что это был Цай Сян (蔡襄 1012—1067), а в первой цзюани «Хуа мань лу» (畫墁錄 «Каракули под слоем краски»), бицзи Чжан Шунь-миня (張舜民 1034—1110?), говорится, что производство лунтуань и фэнбин наладил в Фуцзяни Дин Вэй; причем в его время такого чая отбирали всего по сорок плиток и поставляли строго императорскому двору.

Ц з и н ь — мера веса, ок. 0,5 кг.

В Китае чай появился в III—VI вв., а в повседневный обиход вошел в VII—XIII вв., при Сун его стали включать в число основных товаров первой необходимости; в 780 г. в правящих кругах серьезно обсуждалась перспектива введения налога на чай и с середины IX в. была учреждена государственная чайная монополия. Ли Гоу (李構 1009—1059) писал: «Из всех товаров в Поднебесной чай появился позднее других... В древности чая не знали. Он появился в районе к югу от Янцзы, распространился по всей Поднебесной и в последнее время овладел ею. Нет ни благородного, ни простолюдина, который не пристрастился бы к чаю; его употребляют все — богатые, знатные, бедные и низкие» (цит. по: *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В*. Китайский этнос в средние века. С. 147). Торговля чаем с северными кочевыми племенами в это время стала существенной статьей бюджета страны. При этом надо принять во внимание, что и сам чай, и способ его приготовления в сунское время существенно отличались от известных нам теперь: листья сушили, растирали в порошок и уже из него приготавливали брикеты (*бинча*) или плитки (*туаньча*), в которые часто добавляли различные ароматические присадки вроде имбиря или душистого перца); потом, по мере необходимости, брикеты растирали, но не заваривали кипятком, а варили как суп и разливали из котла в чашки. Существует достаточное количество письменных памятников, прямо посвященных чаю, например, широко известный «Ча цзин» (茶經 «Трактат о чае») танского Лу Юя (陸羽 733—804), «Ча лу» (茶錄 «Записи о чае») упомянутого здесь Цай Сяна (см. ниже), «Да гуань ча лунь» (大觀茶論 «Рассуждения о чае годов Да-гуань») сунского императора Хуэй-цзуна, и др., а также и современных специальных научных работ (см., например: *Шэнь Дун-мэй*. Сундайдэ чаинь цзишу; *Хуан Тунь-цзюэ*. Лунь Сундай чафадэ дицю чаи, и др.).

Г о д ы Ц и н - л и — 1041—1048.

Ц а й Ц з ю н ь - м о — сунский сановник, литератор и чаевед Цай Сян (蔡襄 1012—1067), второе имя которого было Цзюнь-мо 君謨. Экзамены на степень цзиньши сдал в 1030 г. В 1043 г. был поставлен заведовать Цензоратом. Служил сюэши в палате Лунтугэ, управлял Кайфэном (1052), был членом придворной академии Ханьлиньюань (1060). В 1044 г. был послан служить чжуаньюньши (чиновник, ведавший финансами в провинциальном масштабе, осуществлявший финансовый контроль в областях и уездах, а также заведовавший закупкой продовольствия для столицы) в пров. Фуцзянь. Вернулся ко двору только в 1052 г. Пользовался большим уважением современников, в Фуцзяни активно занимался ирригацией, строительством мостов (под его руководством был выстроен мост Ваньаньцяо, одно из самых замечательных сооружений подобного типа в китайской истории) и организацией местной системы образования. Был отменный каллиграф и искусный поэт. СШ: 320.

Л я н — мера веса, ок. 37 г.

Ж е р т в о п р и н о ш е н и я в ю ж н о м п р е д м е с т ь е. — Имеются в виду ежегодные зимние императорские жертвоприношения Небу, проходившие в южном предместье столицы.

(76) Супругой *фушу* Ван Чоу была дочь Мэй Дин-чэня.

Когда Цзин-и только назначили на пост *шуми фуши*, госпожа Мэй явилась с благодарностью в Цышоугун и императрица спросила:

— Вы, госпожа, из какой семьи?

— Я дочь Мэй Дин-чэня, — отвечала [госпожа].

— А, из семьи Мэй Шэн-юя! — с улыбкой сказала императрица.

В то время имя Шэнь-юя только-только начало становиться известным в запретных покоях.

Когда Шэн-юй еще был в здравии, жил он крайне бедно. Но вот некогда я пришел к нему в дом; стали пить вино — отменнейшее, редко у кого подобное встретишь, и я спросил [Шэн-юя], где он добыл такое.

— Среди императорской родни есть некто, кто любит стихи. Вот и прислал мне с оказией, — сказал [Шэн-юй].

А еще я слышал, что один императорский родственник купил у Шэн-юя за несколько тысяч монет одно его стихотворение. Вот как было весомо его имя!

Примечания. В а н Ч о у (王疇 1007—1065) — сунский сановник. Второе имя Цзин-и 景彝. Экзамен на цзиньши выдержал, пройдя по списку первым. Был членом придворной академии Ханьлиньюань, а также заместителем начальника Шумиюаня (*ш у м и ф у ш и*, сокращенно — *ф у ш у*), служил в Департаменте церемоний. СШ: 291.

М э й Д и н - ч э н ь (梅鼎臣 X в.) — двоюродный брат (по отцу) Мэй Яо-чэня (Шэн-юя). Сдал экзамен на степень цзиньши. Есть сведения, что он был членом Ханьлиньюань. Императрица, поскольку имена Мэй Яо-чэня и Мэй Дин-чэня разнятся всего на один иероглиф, видимо, по ошибке решила, что перед ней дочь Мэй Яо-чэня.

(77) Хотя покойный господин Цянь Сы родился и вырос в богатстве и знатности, сильных пристрастий у него было очень мало. Однажды в Сило, разговаривая с [нами], своими подчиненными, [он] сказал так:

— Всегда единственной моей страстью было чтение книг. Сидя я читаю каноны и историков, лежа читаю сяошо, а придя в уборную, читаю короткие куплеты. Кажется, не было еще такого времени, чтобы я не читал!

А вот что рассказывал Се Си-шэнь:

— Когда мы с Сун Гун-чуем служили в Исторической палате, он каждый раз, когда направлялся в уборную, брал с собой книгу и читал ее там громко и отчетливо — всюду было очень хорошо слышно. Вот как прилежно он предавался науке!

Я заметил Се Си-шэню:

— И я чаще всего пишу свои произведения в трех местах — верхом на коне, лежа на изголовье и сидя в уборной. Ведь только в этих местах рождаются наилучшие замыслы!

Примечания. С и л о — г. Лоян, западная столица сунской империи.

С я о ш о ... — Цянь, таким образом, на первое место ставит канонические и исторические сочинения, которые пристало читать, сидя в кабинете, потом у него идет сяошо, а уж на самом низком уровне располагаются куплеты (*сяо лин*).

С у н Г у н - ч у й — сунский чиновник и литератор Сун Шоу (宋綬 991—1040), второе имя которого было Гун-чуй 公垂.

(80) Когда покойный господин Цянь Сы готовился занять министерский пост, [его] чиновничий ранг, класс и титул — все были первыми.

— Но не смог я составить себе имя на литературном поприще — вот чего всю жизнь мне не хватало! — так говорил [господин]. Печалился каждый раз, [думая] об этом.

(84) Министр Сун Сян — в юные годы он безупречностью своих литературных творений снискал у современников великую славу, а будучи в возрасте, до тонкости постиг историю письма. Некогда он собственноручно выправил [список], все три части, «Пэй си» Го Чжун-шу — очень дорожил [этой книгой], наслаждался ею.

Когда [Сун Сян] служил в Чжуншу[шэне], некий письмоводитель в конце одной казенной бумаги написал *сун* 宋 в вульгарной форме — 宋. Господин заметил это и не пожелал подписывать.

— Хотя я человек и бесталанный, однако же могу еще разобрать [свою] фамилию и написать [свое] имя — и это фамилия не моя! — укорил он письмоводителя.

Охваченный испугом письмоводитель исправил [иероглиф], и тогда [господин] соизволил подписаться.

Примечание. «Пэй си» (佩觿 «Костяное шило») — сочинение раннесунского каллиграфа Го Чжун-шу 郭忠恕, посвященное истории письма и иероглифике; содержит многочисленные примеры правильного и вульгарного написания иероглифов.

(88) Цай Цзюнь-мо для меня, чтобы вырезать в камне, [каллиграфически] исполнил «Предисловие» к [моему] «Каталогу собрания древних записей» — иероглифы [написаны] превосходнейшим образом, все ценят [эту пропись]. И я, в благодарность за то, что [Цай], как говорится, напитал тушью кисть, послал [ему] писчие кисти из усов крысы, подставку для кистей из ярь-медянки, малые и большие плитки чая лун[туань], хуэйшаньского вина. Цзюнь-мо, [получив все это], очень развеселился, сочтя [мои подарки] в высшей степени изысканными, незаурядными. А через месяц с небольшим некто прислал мне короб душистых брикетов из Цинцюани. Цзюнь-мо, узнав об этом, вздохнул огорченно:

— Поздно душистые брикеты доставили! Среди даров за увлажнение кисти не хватало только этой вот изысканной вещи...

Тоже поистине смешно.

Цинцюань — это название местности, а душистые лепешки — это уголь, его используют как благовоние; одного брикета достаточно, чтобы весь день тлел, не потухая.

Примечания. «Собрание древних записей» 集古錄 — сочинение Оуян Сю, от которого до наших дней дошло десять цзюаней; включает в себя более четырех сотен собранных автором надписей на древних стелах, утвари, стенах заброшенных храмов и др. Предисловие к этому сочинению было написано Оуян Сю в 1062 г. и говорится там в основном о том, как неравнодушен автор к древности и с каким упорством и трудом собирал он все это для потомков.

Цинцюань — местность к югу от нынешнего Пекина.

Тоже поистине смешно — потому что Цай, испытывая страсть к изысканному (в тексте его мнение по поводу даров Оуян Сю выражено через сочетание *тай цин* 太清, что я перевел как «в высшей степени изысканный»), подумал, что и душистые брикеты из Цинцюани 清泉香餅, должно быть, тоже вещь из разряда антикварного рода диковинок — вроде писчих кистей из крысиных усов и т. п., а это всего лишь ароматический уголь.

Кстати, «душистые брикеты» были в употреблении в Китае, по крайней мере, с династии Хань (206 до н. э.—220), о чем свидетельствуют археологические находки: в 1975 г. близ г. Чжэнчжоу были обнаружены такие брикеты ханьского времени — круглой формы, 18—19 см в окружности и 7—8 см толщиной (*У Сянь-юй*. Цун Оуян Сюдэ жуньби сянъмэйбин ци).

(89) Мэй Шэн-юй снискал славу благодаря стихам, но до тридцати годов так и не получил должности [ни в одной из палат]. На склоне лет [он] принял участие в работе над «Историей [династии] Тан», но и по окончании работы с книгой так и не удостоился рескрипта [о назначении] и — умер. Люди из высших слоев общества все скорбели о его [судьбе].

Своей жене, госпоже Дяо, [он], еще только получив повеление работать над «Историей [династии] Тан», сказал:

— Взявшись за этот труд, я уподобился обезьяне, угодившей в холщовый мешок!

— Ну а на чиновничьей службе вы, господин, сильно ли отличались от попавшегося на бамбуковое удилище сома? — отвечала госпожа Дяо.

Все слышавшие об этом сочли, что [она] дала превосходный ответ.

Примечания. Н и в о д н о й и з п а л а т. — Оуян Сю имеет в виду, что Мэй Шэн-юй по уровню своих талантов и знаний вполне был бы достоин назначения в одно из придворных учреждений, служащие которых занимались работой с документами, книгами и составлением исторических хроник, — в Историческую палату, палату Чжаовэньгуань или в Цзисяньюань (в сунское время эти три учреждения носили общее название *сань гуань*, то есть Три палаты).

У п о д о б и л с я о б е з ь я н е... — Мэй Шэн-юй намекает на то, что, согласившись участвовать в работе над «Синь тан шу» (а именно об этом идет речь в данном фрагменте), он потерял тем самым свободу, которой дорожил, — между тем таланты Мэй Шэн-юя таковы, что он явно достоин большего, однако возможности проявить себя на службе как следует он так и не получил; жена же возражает ему в том духе, что и те мелкие назначения, которые он до того имел, ставили его, в сущности, в то же самое унизительное положение, не дающее проявить себя истинным государственным мужем.

(90) Жэнь-цзун, едва взойдя на трон, тут же возжелал объявить о наследнике трона — послал в Чжуншу[шэн] приказ вызвать сюэши для составления черновика рескрипта. На дежурстве был сюэши Ван Гуй. Получив распоряжение из Чжуншу, [он] вник в суть и, сказав:

— Это великое дело! Мне непременно нужно видеть личный совершенномудрый указ! — попросил дать на это ответ.

На другой день таковой указ воспоследовал, и тогда [Ван] составил черновик рескрипта.

Все сановники сочли, что Ван поступил как истинный сюэши.

Примечание. В а н Г у й (王珪 1019—1085) — сунский сановник, историограф и литератор. В 1042 г., сдав экзамен на степень цзиньши, начал службу тунпанем в провинции, но вскоре был призван ко двору и назначен в палату Цзисяньюань и на пост чжичжигао, а затем стал и членом придворной академии Ханьлиньюань. При Шэнь-цзуне был главой Сюэшиюаня. В 1070 г. был назначен на должность цаньчжи чжэнши, в 1082 г. стал заместителем начальника Шаншушэна. В общей сложности более восемнадцати лет провел на должностях министерского ранга, и именно его рукой было написано множество высочайших рескриптов. СШ: 312.

(93) Покойный господин Люй Вэнь-му, Мэн-чжэн, стал первым министром благодаря своим великодушию и щедрости, и Тай-цзун весьма ценил его [мнение].

Некий придворный, у которого дома хранилось старинное зеркало — он говорил, что это зеркало способно отражать все за две сотни ли, — решил преподнести его господину [Люю] через его младшего брата, дабы снискать его расположение. Младший брат, улучив момент, повел разговор об этом. Господин рассмеялся:

— Да мое лицо — оно не больше некрупной тарелки, к чему же мне отражение за две сотни ли?

И младший брат его уж больше заговаривать [о зеркале] не осмеливался.

Узнавшие [об этом случае] были восхищены, сочтя, что [господин] в мудрости своей оставил далеко позади Ли Вэй-гуна! И то правда: имеющие мало пристрастий и не соблазняющиеся вещами — таких и в древности найти было нелегко.

Примечания. Л ю й В э н ь - м у — сунский сановник Люй Мэн-чжэн, посмертное имя которого было Вэнь-му 文穆.

Л и В э й - г у н — танский министр и царедворец Ли Дэ-юй.

(94) За сто с лишним лет правления нынешней династии не было девиза правления, перевалившего за девять лет. На девятый год Кай-бао [девиз] был изменен на Тай-пин син-го. На девятый год Тай-пин син-го [девиз] был изменен на Юн-си. На девятый год Да-чжун сян-фу [девиз] был изменен на Тянь-си. На девятый год Цин-ли [девиз] был изменен на Хуан-ю. На девятый год Цзя-ю [девиз] был изменен на Чжи-пин. И лишь девиз правления Тянь-шэн продлился полных девять лет, но на десятый был сменен на Мин-дао.

Примечание. Наблюдения Оуян Сю справедливы. Действительно, из всех четырнадцати сунских девизов правления до начала Мин-дао (то есть до 1032 г.) ни один не продолжался дольше девяти лет: три года Цзянь-лун (960—962), пять лет Цянь-дэ (963—967), восемь лет Кай-бао (968—975), восемь лет Тай-пин син-го (976—983), четыре года Юн-си (984—987), два года Дуань-гун (988—989), пять лет Чунь-хуа (990—994), три года Чжи-дао (995—997), шесть лет Сянь-пин (998—1003), четыре года Цзин-дэ (1004—1007), девять лет Да-чжун сян-фу (1008—1016), пять лет Тянь-си (1017—1021), один год Цянь-син (1022) и девять лет Тянь-шэн (1023—1031). Непонятно только, отчего в качестве примера девиза правления, который продолжался девять полных лет, Оуян Сю привел лишь один пример, хотя на деле таких девизов было два — Да-чжун сян-фу и Тянь-шэн. Вообще же стоит иметь в виду динамику смены девизов правления при оценке ситуации в стране: в годы процветания династии Тан только под девизом правления Кай-юань государство прожило целых двадцать девять лет; внутренняя же и внешняя нестабильность при одновременном резком экономическом и культурном подъеме в начале правления Сун, видимо, приводила в том числе и к частым сменам девизов правления.

(96) Янь-ван Юань-янь — младший сын Тай-цзуна. У Тай-цзуна было восемь сыновей, и во время царствования Чжэнь-цзуна шестеро из них уже почили, а когда на трон вступил Жэнь-цзун, среди живущих оставался лишь Янь-ван — поскольку он был родней со стороны августейшего дядюшки, к нему относились с особым почтением. Да и кидане боялись его имени. Когда [Янь-ван] серьезно занедужил, Жэнь-цзун осчастливил посещением его покои и собственноручно смешивал ему лекарства.

[Янь-ван] в жизни никогда не обсуждал дела правления, сохранилось одно-два его высказывания, исключительно сообразного свойства. Когда я

служил чжичжигао, то подробно ознакомился со всеми обстоятельствами: действительно, так и было.

Примечание. Янь-ван Юань-янь — то есть Чжао Юань-янь (趙元儼，燕王 985—1044), восьмой сын императора Тай-цзуна. Чжао Юань-янь пользовался особой любовью отца, который считал, что, пока тот маленький, покидать пределы дворцов ему не следует. В результате Чжао Юань-янь безвылазно прожил в Запретном городе до двадцати лет. При Жэнь-цзуне был удостоен должности цзедуши (в сунское время — почетная должность). Носил также титул Цзин-вана 荊王. Янь-ван отличался особой сыновней почтительностью, а по характеру был человек весьма умеренный; единственной настоящей его страстью всю жизнь оставались книги и литературное творчество. Способный каллиграф. СШ: 245.

(97) У Хуаюаньцзюнь-вана Юнь-ляна, сына Янь-вана, было в обычае спать днем: лишь начнет светлеть, как он в опочивальню, а когда стемнеет — тогда проснется, умоется, причешется, облачится в платье и шапку, выйдет [к свите] и при свете восковых свечей начнет заниматься домашними делами, пить, есть, веселиться. А с рассветом всё утихает — [Юнь-лян] снова идет спать и — до заката. Каждый день у него было так. Потому и все свитские его днем спали, а к ночи пробуждались.

[Нет,] Юнь-лян вовсе не был любителем чего-то особенного, да и своевольно-распущенным его тоже назвать нельзя — единственно, что ночь он превращал в день, была такая особенность в его натуре, при прежних династиях невиданная.

А гуанчаши Лю Цун-гуан, зять Янь-вана, однажды мне рассказал следующее:

— Янь-ван любил сидеть верхом на деревянной лошади. Как сядет — так уж [и не думает] слезать. Если проголодается, то ему наверх подают, [на лошади и] ест и пьет. Частенько [он], вот так сидя верхом, принимал доклады подчиненных или пил молодое вино дни напролет.

Тоже удивительная особенность натуры!

Примечания. Хуаюаньцзюнь-ван Юнь-лян — Чжао Юнь-лян (趙允良 1013—1067), сын Чжао Юань-яня. Носил титул Хуаюаньцзюнь-вана 華原郡王. В 1020 г. был назначен одним из предводителей дворцовой гвардии. Почти все его должности — почетные (цзедуши, начальник области и т. п.). Посмертно был удостоен также титула Дин-вана 定王. СШ: 245.

Лю Цун-гуан (劉從廣 XI в.) — сын Лю Мэя (劉美 962—1021), старшего брата супруги императора Чжэнь-цзуна, в силу чего уже в юные годы был вхож в дворцовые палаты. Входил в свиту Жэнь-цзуна. Служил на посту гуаньчаши в области Сюаньчжоу. СШ: 463.

(100) Ночью восемнадцатого дня первой луны восьмого года Цин-ли несущие в зале Чунчжэндян вечерний караул гвардейцы затеяли бунтовать прямо перед залом. Зарубили четверых, а потом приставили к стене приготовленную на случай пожара длинную лестницу и вторглись в пределы запретных покоев. Наскочили на придворного: «В каких палатах почивает [император]?» Придворный не сказал — и его зарубили. А когда, прознав о бунте, дежурный предводитель стражи повел охрану схватить [разбойников], те уж обратно перелезли и сбежали.

Через три дня у угловой северо-западной башни внутреннего города изловили одного и казнили. А ведь старший дворцовый евнух Ян Хуай-

минь 楊懷敏 отдал приказ — «схватить разбойников, но не убивать». Но в неразберихе солдаты все же зарубили [злодея]. Потому и не смогли дознаться [сути] этого дела.

Примечание. Восьмой год... Цин-ли — 1048.

(102) Когда нынешняя династия присоединила земли к югу от озера, в [тамошние] области стали назначать тунпаней — не в качестве помощников [начальников областей] и не как подчиненных [им] чиновников. Потому у [тунпаней] с начальниками областей и возникло соперничество за власть. [Тунпань] обычно говорил [начальнику области]: «Я инспектор округов, императорский двор послал меня проверять и тебя!» [Работа начальников областей] часто вступала в противоречие с уложениями для [тунпаней].

Узнав об этом, Тай-цзу обеспокоился и издал указ, ограничивающий своеволие [тунпаней], дабы они с высшими [местными] чиновниками мирно распределили [между собой] обязанности; что же касается официальных бумаг, то [было определено] не принимать к исполнению те из них, что не подписаны и высшим [местным] начальником, и тунпанем. Лишь после этого [тунпани] мало-помалу вошли во вразумление.

Но и ныне в областях и округах нет-нет да и возникают разногласия с тунпанями. Некогда был один — звался шаоцин Цянь Кунь, семья его из поколения в поколение жила в Юйхане. Тамошние жители обожают есть крабов, и Кунь стал просить назначить его на вакантную [должность] куда-нибудь в другое место, а когда его спросили, в какую область он хочет, отвечал: «Да в любую — только чтобы крабы в достатке были и тунпаней не было!» И поныне ученые мужи считают, что [эти его] слова — суть свидетельство времени.

Примечания. Земли к югу от озера... — то есть от озера Дунтинху; имеются в виду земли одного из государственных образований периода Пяти династий — царства Чу, располагавшегося на территории нынешней пров. Хунань. В 951 г. эти земли вошли в состав царства Южное Тан, а в 975 — были присоединены к Сун.

Шаоцин Цянь Кунь (錢昆 X в.) — сын Владыки царства У-Юэ Цянь Цзуна (錢倧 929?—973), толком не успевшего поцарствовать (был на троне всего семь месяцев). Признав власть Сун, в 991 г. успешно выдержал экзамен на степень цзиньши и начал службу с должности уездного секретаря. При Жэнь-цзуне был начальником ряда областей, а наивысшим постом, которого он достиг, был пост цензора. Служил также *мишу шаоцином*, то есть помощником помощником начальника одного из придворных ведомств, в данном случае — Мишушэна, Императорского книгохранилища. Был мастер скорописи и неплохой поэт. СШ: 317.

Юйхан — военный округ, располагавшийся на территории совр. пров. Чжэцзян. Также — иное название совр. города Ханчжоу. Земли царства У-Юэ.

(105) Чжан Яо-фэн — он был цзиньши из южной столицы.

[Чжан] несколько раз сдавал экзамены — и все безуспешно. В доме его царила страшная бедность.

Некий весьма искусный физиогномист сказал ему:

— Судя по [вашему] облику, дальше мелкого провинциального чина [вам] не продвинуться. Однако у вас, господин, есть, как говорится, знатная косточка — [вы] непременно удостоитесь титула вана!

Никто тогда не понял смысла этого предсказания.

Впоследствии Яо-фэн действительно выдержал экзамены, стал цзиньши и до конца дней прослужил в провинциальной управе. Но он был отцом императрицы Вэнь-чэн — так что потом [сделался] знатен: [посмертно] Яо-фэну были пожалованы посты тайши, начальника Чжуншу[шэна], Шаншу[шэна] и титул Цинхэцзюнь-вана.

Лишь тогда и стал ясен смысл предсказания.

Примечание. Чжан Яо-фэн (張堯封 X в.) — отец любимой наложницы императора Жэнь-цзуна, императрицы Вэнь-чэн (溫成皇后 1024—1054). Прилежно учился и действительно совершил несколько неудачных попыток, прежде чем сдал наконец экзамен на цзиньши. Умер на посту провинциального чиновника, когда его дочь была еще маленькой, и ее триумфа не застал. Зато посмертно, как отец императрицы, был пожалован всеми указанными в данном фрагменте должностями и титулом. Сведения о Чжан Яо-фэне есть в 436-й цзюани сунской династийной истории. Дочь же его вместе с матерью в юные годы попала во дворцы, а когда выросла, то пришлась по сердцу императору — по отзывам современников, она была весьма смышлена и образованна, — и ей был дарован сначала титул *мэйжэнь* (один из титулов придворной наложницы), а в 1049 г. и титул *гуйфэй*. Однако через пять лет после этого девушка скончалась — в возрасте тридцати одного года. Жэнь-цзун очень переживал ее смерть и издал указ о даровании своей любимице титула *хуанхоу*, то есть императрицы, и посмертного имени Вэнь-чэн. СШ: 242.

(107) У Чжан Дэ-сяна (Сюнь-гуна) и цзычжэна Ши Чжун-ли были прекрасные дружеские отношения. А Ши был большой любитель пошутить, и однажды, забавляясь, он сказал Чжану:

— Вот среди известных картин былых времен — быки Дай Суна, лошади Хань Ганя, а нынче — Чжан Дэ-сян!

В мире распространено мнение, что жители Мянь в большинстве своем невысоки и некрупны, и лишь кто [из них] выйдет ростом и фигурой, так непременно станет знатным. Сюнь-гун же не только ростом и фигурой вышел, но и голосом колоколоподобен — уж куда как необычный человек рядом со своими земляками! Став министром, он управлял великодушно и основательно, чиня препоны погоне за дешевой славой, — современники славили его [как человека] добропорядочного и беспристрастного.

Примечания. Чжан Дэ-сян (章得象 978—1048) — сунский сановник и эрудит. Родом из области Цюаньчжоу (располагалась на территории совр. пров. Фуцзянь; именно те места названы ниже в тексте фрагмента Минь). Экзамен на степень цзиньши успешно сдал в 1002 г. Двенадцать лет подряд прослужил на должности сюэши в придворной академии Ханьлиньюань. За заслуги перед троном был удостоен титула Сюнго-гуна 郇國公, здесь данного в сокращении. СШ: 311.

Дай Сун (戴嵩, у Оуян Сю ошибочно написано 松, VIII в.) — прославленный танский художник-пейзажист и анималист, ученик известного мастера Хань Хуана (韓滉 723—787), знаменитый своими изображениями буйволов и быков. Очень часто его имя употребляют в паре с именем другого выдающегося танского художника — пейзажиста, портретиста и анималиста, друга танского же поэта и художника Ван Вэя (王維 701—761), Хань Ганя (韓幹 VIII в.), особенно прославившегося своими изображениями лошадей — про них говорили «Дай ню Хань ма», «быки Дай [Суна] и лошади Хань [Ганя]». Суть шутки Ши Чжун-ли состоит, видимо, в игре слов и противопоставлении: быки Дай Суна 戴嵩牛, лошади Хань Ганя 韓干馬 и после этого — Чжан Дэ-сян 張得象, последний иероглиф имени которого *сян* 象 имеет также значение «портрет», «изображение».

(108) [Плоды] *цзиньцзюй* растут к западу от Реки, и поскольку это далеко и доставлять [цзиньцзюй] трудно, столичные жители раньше [этих

плодов] не знали. Лишь в годы Мин-дао и в начале годов Цзин-ю [цзиньцзюй] стали завозить в столицу вместе с побегами бамбука. Побеги бамбука на вкус кислые, их не очень-то любят, потому позднее и перестали возить, а вот цзиньцзюй — и аромата чистого, и вкуса изысканного, положишь их среди, что называется, чаш для вина и блюд для мяса, и они сверкают-переливаются подобно золотым шарикам, [размером с те, какими] арбалет [заряжают], — поистине драгоценные фрукты! Столичные жители поначалу не слишком ценили [цзиньцзюй], но после того как императрице Вэнь-чэн они особо полюбились, цена на [цзиньцзюй] в столице возросла. Поколения моих предков жили к западу от Реки, и [я] видел, как жители области Цзичжоу берегут эти фрукты — те, кто хотят, чтобы они сохранились подольше, держат [цзиньцзюй] вместе с фасолью: проходит время, а [цзиньцзюй] хоть бы что; «[цзинь]цзюй по природе своей жарок, а фасоль — холодна, оттого-то и хранятся [цзиньцзюй] долго», — так объясняют.

Примечания. Цзиньцзюй 金橘 — мелкоплодный цитрус (Citrus microcarpa Bge.).
Годы Мин-дао и... Цзин-ю — 1032—1037.
Среди... чаш для вина и блюд для мяса — то есть на пиру.
Цзичжоу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Цзянси.

(110) Ши Мань-цин — [человек] удивительных талантов, горами громоздящихся, в мире прославленный, обликом внушительно-выдающийся, а вино пил больше обычных людей. А был некто Лю Цянь, тоже ученый муж великих помыслов, и они с Мань-цином постоянно соперничали в том, [кто больше выпьет] вина. Прослышав о том, что столичный житель по фамилии Ван открыл новый винный терем, — [они] отправились туда, устроили пир и пили вино наперебой до заката, ни единым словом не обменялись. Ван же, подивившись, сколько они пьют — гораздо больше, чем в силах человеческих, — счел [их] людьми необычайными, выставил отборные яства и фрукты, велел принести наилучшего вина и потчевал [их] с особой почтительностью. А эти двое лишь непринужденно пили и ели, на хозяина и не взглянули ни разу — спустился вечер, а на [их] лицах и следа опьянения не было. Лишь тогда [они] распрощались и ушли.

На другой день в столице стали поговаривать, будто в винном тереме Вана побывали два бессмертных и там выпивали. И лишь спустя долгое время [выяснилось], что говорят-то про Лю и Ши!

Примечания. Ши Мань-цин — сунский поэт и каллиграф Ши Янь-нянь (石延年 994—1041), второе имя которого было Мань-цин 曼卿. Несколько раз безуспешно пытался сдать экзамены на цзиньши. Тем не менее был назначен на пост *санбань фэнчжи* (должность чиновника дворцовой гвардии с жалованьем, но без реальной власти), потом служил в Палате наказаний и в Управлении дел наследника престола. Ши был известен свободолюбием и пристрастием к вину. Весьма ценивший Ши Мань-цина Оуян Сю писал о нем: «С юных лет Ши Мань-цин находил удовольствие в вольном стремлении к стихам и вину. Ши обладал весьма величественной внешностью, а в стихах его встречается необычный размер. Еще Ши был искусный каллиграф. Манера писать у него была энергичная, а сам стиль схож со стилем Яня и Лю. Написанное его рукой ценится в свете наравне с драгоценностями. Однажды я достал бумагу, изготовленную в зале Дэнсиньтан южнотанского Хоу-чжу, и Мань-цин по моей просьбе написал на ней свое стихотворение "Почтовая станция в Чоуби". Всю жизнь Мань-цин отдал стихам, и я храню это произведение поныне. Называю его — "третье непревзойденное". Настоящее сокровище моего дома» (Шихуа Отшельника Лю-и. Фраг. 25). А вот

свидетельство Шэнь Ко (沈括 1029—1093) о Ши Мань-цине и упоминаемом в этом фрагменте его друге Лю Цяне: «...Когда поздно ночью у них кончалось вино, они возвращались на лодку, где стоял жбан в доу с лишним — с винным уксусом, наклоняли его и вычерпывали до дна. Наутро все, [даже уксус], было выпито подчистую. И каждый раз [Мань-цин] и его гость без удержу пьянствовали — с распущенными волосами, босые, сидели они, будто закованные в колодки; это называлось "пить по-арестантски". Пили они вино на верхушке дерева, и это называли "пить в гнезде". Обвязывали тело сухой соломой, выставляли голову, опустошали чашу и вновь втягивали голову. Это называлось "пить по-черепашьи". Выставляли вино среди ночи, под открытым небом; это называлось "пить в дороге"...» (*Шэнь Ко*. Мэн си би тань. С. 113). СШ: 442.

Л ю Ц я н ь (劉潛 XI в.) — сунский книжник и поэт. Смолоду лелеял надежды занять крупный государственный пост, прилежно учился, особое внимание уделяя прозе старого стиля (*гувэнь*). Сдав экзамены на цзиньши, стал служить — был уездным начальником, потом областным; в один из приездов в столицу подружился с Ши Янь-нянем. Узнав о болезни матери, спешно помчался на родину, но мать уже не застал. Умер от горя. СШ: 442.

(113) Среди бытующих в мире и передаваемых в народе ошибок — большинство связаны с названиями храмов и кумирен.

Вот буддийский храм Сяньшэнсы, что в квартале Чунхуафан в западной части нынешнего столичного города, его настоящее название — Пучисы; когда же в годы правления рода Чжоу под девизом Сянь-дэ его расширили, то и название поменяли на Сяньшэн[сы], но в просторечии [храм] все равно постоянно называли старым именем, а теперь получилось, что [называют] — Путисы!

К югу от реки есть горы Дагушань и Сяогушань — одиноко возвышаются они средь водного потока, но народная молва переделала *гу* 孤 («сирота») в *гу* 姑 («сестра»), а прибрежную скалу с названием Пэнланцзи (澎浪磯 «Скала рокочущих волн») переиначили в Пэнланцзи (彭郎磯 «Скала Пэн-лана») и говорят: «Пэн-лан — это зять Сяо-гу». Я был некогда на Сяогушани, и в [тамошней] кумирне действительно есть статуя женщины, да и на доске над воротами августейшей [рукой писано]: «Кумирня совершенномудрой матушки» — тут уж не только простонародья ошибка!

Горы Лунмэньшань у Западной столицы — в теснине вод Иншуя, и если смотреть с городских ворот, то издали они напоминают две привратные вышки, оттого и зовут их «привратных вышек крепостью». А у входа в ущелье есть кумирня, [которая] называется Цюэкоумяо (闕口廟 Кумирня прохода к привратным вышкам), и я был там некогда, видел в той кумирне статую — очень воинственная, с мечом в руках, очень острым, сидит, преклонив колени. [Я] спросил, [кто это], и мне ответили: «Это Хокоу даван (豁口大王 Великий князь [горного] пролома)».

Только и остается, что посмеяться.

Примечания. Г о д ы п р а в л е н и я р о д а Ч ж о у п о д д е в и з о м С я н ь - д э. — Имеется в виду девиз правления позднечжоуского императора Ши-цзуна (954—960). Именно в годы его правления был сооружен кайфэнский храм Сяньшэнсы.

Л у н м э н ь ш а н ь. — Имеется в виду местечко Лунмэнь, расположенное неподалеку от Лояна (западной сунской столицы) на реке Иньшуй, текущей между отвесными скалистыми берегами. Тамошние места отличаются своеобразной красотой, привлекавшей поэтов разных эпох (например Бо Цзюй-и); кроме того, по обоим берегам на протяжении километра с лишним тянется череда скальных пещер (более двух тысяч), начало устройства которых относится к 494 г. Пещеры содержат многочисленные произведения буддийского искусства

(барельефы, изваяния, наскальную живопись) и вместе с юньганскими пещерами в Датуне и могаоскими пещерами в Дуньхуане являются тремя крупнейшими историческими памятниками такого рода в Китае.

(115) В денежном обращении повелось, что, начиная с Пяти династий, когда семьдесят семь монет считали за сотню, — [такую сотню] называли «сотня сокращенная». А ныне при торговле на рынках еще пять монет [от сотни] отнимают и называют это «мириться с изъятием».

На пятый год Сянь-пин Чэнь Шу был главным экзаменатором и отобранные ученые мужи были наилучшими, и всего экзамены прошли семьдесят два человека, а Ван Цзэн (И-гун) числился [среди них] первым. На августейших экзаменах половина провалились, и выдержавших стало тридцать восемь человек, а И-гун снова числился [среди них] первым. Потому в столице и говорили: «На экзаменационном дворе прошла "мирящаяся с изъятием" сотня, а вот перед дворцовыми палатами не оплошала половина из "сотни сокращенной"».

В том году хотя отобранных [на экзаменах] и было мало, но зато обретенных [двором] ученых мужей — особенно много: три первых министра, все тот же И-гун, покойные господа Ван Суй и Чжан Дэ-сян; один цаньчжи чжэнши, господин Хань И; один *шиду сюэши*, Ли Чжун-жун; один *юйши чжунчэн*, Ван Чжэнь; один чжичжигао, Чэнь Чжи-вэй. А вот Ван Байцин 汪白青 и Ян Цзе 陽楷 — они хотя и не удостоились [пройти на экзаменах], но изящной прозой своей и знаниями составили себе славное имя.

Примечания. Пятый год Сянь-пин — 1002.

Сотня сокращенная (*шэнмо* 省陌). — В старом Китае медные монеты с квадратным отверстием в середине нанизывались на шелковую нить по сто или по тысяче штук, и единицей счета, а также денежных расчетов часто выступала такая связка. Количество монет в связке могло быть уменьшено: случалось, что связку по тем или иным причинам развязывали, дабы отделить определенное, но в сравнении с общим числом незначительное, количество монет, или же выходило официальное распоряжение считать, что в связке на сто монет реальное их количество меньше задекларированного, однако же такую связку при расчетах все равно следует учитывать как сотню монет (что напоминает неоднократно имевшие в китайской истории место случаи добавления государством в монеты металлов худшего качества при принудительном сохранении изначальной стоимости); после такой операции связка не утрачивала своей платежеспособности, однако же получала статус неполновесной, то есть, как в данном эпизоде, «сокращенной сотни», в которой на самом деле не сто, а семьдесят семь монет. В случае, описываемом в данном фрагменте, в обиходной торговой практике сложился обычай уменьшать количество монет в сотенной связке еще на пять — *ичу* 依除. Полновесная же сотня монет называлась *цзумо* 足陌. Что до приведенной здесь параллели с экзаменами, то семьдесят два человека, выдержавших экзамены, как раз и составляют «мирящуюся с изъятием» сотню; а число прошедших через дворцовые испытания (38) почти равно половине от «сотни сокращенной» (38,5).

Чэнь Шу (陳恕 кон. X—нач. XI в.) — сунский сановник. Службу начал в раннем возрасте мелким уездным чиновником, экзамены на цзиньши сдал в 977 г. Его весьма ценил император Тай-цзун, во время царствования Чжэнь-цзуна Чэнь Шу служил шиланом в Управлении чинов и именно тогда, будучи главным экзаменатором, высоко оценил таланты Ван Цзэна. После трехлетнего траура по матери Чэнь вернулся ко двору и был назначен первым заместителем начальника Шаншушэна. Ушел с поста по болезни, и его сменил Коу Чжунь. СШ: 267.

Ван Суй (王隨 XI в.) — сунский сановник. Блестяще сдав экзамены на степень цзиньши, быстро сделал карьеру, служил в Мэньсяшэне, Чжуншушэне, занимал посты министерского ранга. Весьма симпатизировал буддизму. СШ: 311.

Хань И (韓億 972—1044) — сунский сановник. Экзамен на цзиньши действительно сдал в 1002 г. и был назначен в Палату наказаний (ее начальником он стал в 1005 г.). Занимал множество придворных должностей: в 1026 г. был назначен в придворную палату Лунтугэ, в 1032 г. стал начальником Цензората, а в 1034 — цаньчжи чжэнши. Был также заместителем начальника Шаншушэна (1041), наставником наследника трона (1042). Много служил и в провинциях. СШ: 315.

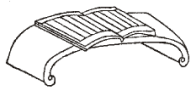
Ли Чжун-жун (李仲容 XI в.) — сунский придворный. Экзамен на степень цзиньши выдержал в 1002 г., при Чжэнь-цзуне был чжичжигао и цзишичжуном, а также *шиду сюэши* в придворной академии Ханьлиньюань. Умер на посту шилана Департамента налогов и податей. Славился умением пить вино. СШ: 262.

Шиду сюэши («придворный чтец») — чин в сунской академии Ханьлиньюань, по рангу ниже сюэши, «ученого мужа». В обязанности шиду входило чтение императору исторических сочинений, толкование смысла канонов, а также ответы на высочайшие вопросы, касающиеся книжной премудрости. Должность шиду была и в свите наследника трона, а с 979 г. ее учредили также в Управлении императорских родственников. В 1117 г. должность была переименована в *чжицзян*.

Ван Чжэнь (王臻 XI в.) — сунский чиновник. Сдав экзамены на степень цзиньши, служил при дворе и в провинциях: был начальником области, гуаньчаши. Отличался удивительной проницательностью. При Жэнь-цзуне был ланчжуном в Департаменте работ. Умер, будучи на посту *юйши чжунчэна* (старшего цензора, фактически начальника Цензората). СШ: 302.

Чэнь Чжи-вэй (陳知微 969—1018) — сунский сановник и литератор. Выдержав экзамены в 1002 г., служил на крупных провинциальных должностях, многое сделав по части ирригации. Ездил послом к киданям. Действительно был чжичжигао, а также начальником столичных тюремных учреждений. Умер в пятидесятилетнем возрасте. Собрание его сочинений утеряно. СШ: 307.

(116) У танского Ли Чжао в предисловии к «Го ши бу» говорится: «Речи о загробном воздаянии, повествования о душах умерших и духах, свидетельства снов и гаданий, истории о любви — все это [я] отбросил; записи же о действительных событиях, погружение в суть вещей, выправление ошибок и заблуждений, собрание [описаний] нравов и обычаев, истории, вызывающие улыбку, — из этого-то [я] и составил книгу, разделив ее на три цзюани». Мои же записи — они по большей части сделаны по образцу Чжао, а небольшое отличие в том, что я не писал о людских злодействах. Таковы, по мне, помыслы благородного мужа, даже если он и не служит по исторической части, — не выпячивать дурное, а превозносить прекрасное. А кто будет просматривать [эти записки], убедится в том подробно.

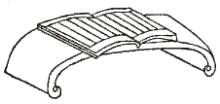


«Гуй тянь лу»: индекс имен

Абаоцзи 阿保機【64】
Бао Дин 包鼎【66】
Ван Бай-цин 汪白青【**115**】
Ван Гуй 王珪【**90**, 103】
Ван Гун-чэнь 王拱辰【14】
Ван Пу 王溥【78】

Ван Пу 王朴【49, 59】
Ван Суй 王隨【**115**】
Ван Цзэн 王曾【**20**, 82】
Ван Ци 王琪【**53**】
Ван Цинь-жо 王欽若【**36**】
Ван Чжу 王洙【49】
Ван Чжэнь 王臻【**115**】
Ван Чоу 王疇【**76**】
Ван Юй-чэн 王禹偁【**33**】
Вэнь-чэн 溫成皇后, сунская【**105**, **108**】
Вэнь Янь-бо 文彦博【32】
Гао Жо-на 高若訥【13】
Го Цзинь 郭進【**10**】
Го Чжун-шу 郭忠恕【**84**】
Го Чун-тао 郭崇韜【87】
Дай Сун 戴嵩【**107**】
Дин Ду 丁度【**5**, 35, 52, 91】
Дин Вэй 丁謂【13, 18, 26, 27, **61**】
Доу Чжэн-гу 竇正固【91】
Доу Юань-бинь 竇元賓【91】
Ду Янь 杜衍【**50**】
Дэн Бао-цзи 鄧保吉【109】
Дяо 刁氏, жена Мэй Яо-чэня【**89**】
Жэнь-цзун 仁宗, сунский【**4**, 17, **25**, 29, 30, 44, **45**, 59, **90**, **96**】
Инь Чжу 尹洙【**20**】
Коу Чжунь 寇準【18, 27, **36**, **50**, **67**, 111】
Ли Дэ-юй 李德裕【**93**】
Ли Тан-цин 李唐卿【29】
Ли Фан 李昉【51】
Ли Хан 李沆【21】
Ли Хань-цзы 李憨子【75】
Ли Хань-чао 李漢超【28】
Ли Хэ 李賀【101】
Ли Цзи-цянь 李繼遷【**33**】
Ли Ци 李琪【64】
Ли Чжао 李肇【**116**】
Ли Чжао 李照【49, 59】
Ли Чжи 李至【**38**】
Ли Чжун-жун 李仲容【**115**】
Ли Чэн 李成【66】
Ли Шу-цзи 李庶幾【**5**】
Линь Бу 林逋【**69**】
Лу Цзун-дао 魯宗道【**4**, 11】
Лю Цзи-юань 劉繼元【**10**】
Лю Цзы-и 劉子儀【39】
Лю Цун-гуан 劉從廣【**97**】
Лю Цянь 劉潛【**110**】
Лю Юэ 劉岳【112】
Люй Мэн-чжэн 呂蒙正【**38**, **93**】
Мин Гао 明鎬【23】
Моцзан Эман 沒藏訛哦【62】
Мэй Гун-и 梅公儀【103】
Мэй Дин-чэнь 梅鼎臣【**76**】
Мэй Сюнь 梅詢【91】
Мэй Яо-чэнь 梅堯臣【**76**, **89**, 103, 109】
Мэн Цзяо 孟郊【103】
Нинлиншоу 佞令受【62】
Пан Цзи 龐籍【13】
Пи Чжун-жун 皮仲容【37】
Се Цзян 謝絳【**9**, **77**, **80**】
Су И-цзянь 蘇易簡【**38**】
Сун Бо 宋白【**38**】
Сун Сян 宋庠【**45**, **84**】
Сун Ци 宋祁【**12**】
Сун Шоу 宋綬【**42**, **77**】
Сунь Хэ 孫何【**5**, **56**】
Сунь Цзинь 孫僅【**56**】
Сунь Ши 孫奭【**12**】
Сюань-цзун 玄宗, танский【**56**】
Сюй Ши 徐奭【47】
Сюэ Куй 薛奎【23】
Ся Сун 夏竦【**42**, 55】
Тай-цзу 太祖, сунский【**1**, **10**, **16**, **22**, 28, 49, 51, **102**】
Тай-цзун 太宗【**5**, **38**, 51, 75, **96**】
Тао Гу 陶穀【**16**, **22**】
Тянь Куан 田況【13, 73】
У-ди 武帝, ханьский【**69**】
У Куй 吳奎【86】
У Цай-луань 吳彩鸞【101】
Фань Чжэнь 范鎮【103】
Фу Би 富弼【32, 78】
Фэн Дао 馮道【8】
Фэн Чжэн 馮拯【18】
Хань Гань 韓幹【**107**】
Хань И 韓億【**115**】
Хань Цзян 韓絳【103】
Хань Юй 韓愈【103】
Ху Су 胡宿【86】

Ху Юань 胡瑗【59】
Хэ Нин 何凝【**8**】
Хэ Сянь 和峴【49】
Цай Сян 蔡襄【**74**, **88**】
Цай Ци 蔡齊【47】
Цао Бинь 曹彬【**46**】
Цао Жуй 曹芮【43】
Цао Ли-юн 曹利用【43, 44】
Цзань-нин 贊寧【**1**】
Цзюй Жань 巨然【66】
Цзэн Лян 曾亮【86】
Цзя Ань 賈黯【98】
Цзя И 賈誼【**7**】
Цзя Сюань 賈玄【75】
Цзя Хуан-чжун 賈黃中【**38**】
Цзя Чан-чао 賈昌朝【**25**】
Цинь Ши-хуан 秦始皇【**56**】
Цянь Вэй-янь 錢惟演【**48**, **77**】
Цянь Жо-шуй 錢若水【**9**】
Цянь Кунь 錢昆【**102**】
Чао Цзун-цюэ 晁宗懿【**6**】
Чжан-сянь мин-су 章獻明肅, сунская【**4**, 11, 17, 43, 44】
Чжан Дэ-сян 章得象【101, **107**】
Чжан Кан 張亢【**53**】
Чжан Ци-сянь 張齊賢【**41**】
Чжан Чжи-бо 張知白【11】
Чжан Яо-фэн 張堯封【**105**】
Чжао Гай 趙概【86】
Чжао Лян-цзо 趙諒祚【62】
Чжао Чан 趙昌【66】
Чжао Чжи-чжун 趙志忠【64】
Чжао Ши-чан 趙世長【**70**】
Чжао Юань-лян 趙允良, Хуаюань-цзюнь-ван 華原郡王【**97**】
Чжао Юань-хао 趙元昊【17, 62, 92】
Чжао Юань-янь 趙元儼, Янь-ван 燕王【**96**】
Чжуан-цзун 庄宗, позднетанский【87】
Чжун Цзянь 仲簡【**9**】
Чжэн Цзянь 鄭戩【54, 101】
Чжэнь-цзун 真宗, сунский【**4**, 13, **19**, **36**, 47, **56**, **58**, **61**, 65, 91, 109】
Чэн Ду 盛度【26, 27, 52, 91】
Чэнь Чжи-вэй 陳知微【**115**】
Чэнь Чжи-чжун 陳執中【13, 32】
Чэнь Шу 陳恕【**115**】
Чэнь Шэн 陳勝【**56**】
Чэнь Яо-цзо 陳堯佐【**3**】
Чэнь Яо-цзы 陳堯咨【**31**】
Ши Чжун-ли 石中立【**7**, **107**】
Ши Янь-нянь 石延年【**110**】
Юй Хао 預浩【**2**】
Ян-ди 煬帝, суйский【35】
Ян И 楊億【**3**, **7**, **19**, 27, 54, 57, **58**, **67**】
Ян Хуай-минь 楊懷敏【44, **100**】
Ян Цзе 陽楷【**115**】
Янь Су 燕肅【111】
Янь Шу 晏殊【**41**, **53**, 63】



Приложение
Оуян Сю
ШИХУА ОТШЕЛЬНИКА ЛЮ-И

Традиционные жанры литератур стран Дальнего Востока, и в частности Китая, пока еще изучены недостаточно и о многих из них в научных работах сказано слишком мало. К числу таких малоизученных предметов относится и жанр *шихуа*.

Шихуа многое сближает с бицзи — эти произведения также состоят из разрозненных, но внутренне вполне законченных фрагментов, подобранных автором в соответствии с его личными пристрастиями или же из задачами конкретного шихуа в целом (если такие задачи автор перед собой ставил); шихуа полностью посвящены поэзии и в этом смысле тематически очерчены более четко, нежели бицзи, — их можно назвать бицзи о поэзии; кроме того, в составе некоторых бицзи содержатся свои внутренние, маленькие шихуа, а иногда даже несколько [1]. Все это дает нам право рассматривать подобные произведения практически в одном ряду со сборниками бицзи, и именно поэтому разговор об одном таком произведении пойдет ниже.

Термин «шихуа» в своем составе содержит два слога: *ши* 詩 («классические стихи») и *хуа* 話, смысл которого современный китайский исследователь Чжоу Чжэнь-фу (周振甫 1911—2000) справедливо объясняет через слово *гуши* 故事, то есть истории, записи о некоем происшествии, анекдот [2]. Весь термин следует переводить как «рассуждения о стихах» (такой перевод предлагает Е. А. Серебряков [3], и именно этим вариантом перевода пользуюсь и я).

Истоки шихуа (как и бицзи) следует в первую очередь искать в китайской сюжетной прозе *сяошо* 小說, восходящей к жизнеописаниям в династийных историях; уже в ранних сборниках сяошо встречается достаточное число рассказов, посвященных поэтам, поэзии и даже отдельным стихотворениям. Например, в широко известном сборнике Лю И-цина «Ши шо синь юй» есть несколько рассказов такого рода, в том числе «Цзо Сы сочиняет "Оду трем столицам"» или «Юй Чан сочиняет "Оду славной столице"» [4], описывающих показавшиеся Лю И-цину примечательными случаи, связанные с этими одами. В сюжетной прозе более позднего времени эпизодов, даже целых рассказов, связанных с историей создания стихов

---

[1] Например, в сборнике Лю Фу «Цин со гао и» таких шихуа два, но без «родовых иероглифов» в названии (*Лю Фу.* Цин со гао и. С. 87—94). Вообще в бицзи поэтический материал привлекается достаточно часто.

[2] Чжунго лидай шихуа сюань. Т. 1. Предисловие. Там же Чжоу Чжэнь-фу пишет и о том, что употребление слова *хуа* в смысле *гуши* (истории) существовало уже при династии Тан. О возникновении шихуа при Сун см. также: *Чжан Бо-вэй.* Сундай шихуа чаньшэн бэйцзиндэ каоча.

[3] *Серебряков Е. А.* Китайская поэзия. С. 213. Однако следует признать и право на существование перевода Джеймса Т. Лю — «talks on poets, poems and poetry», развернутость которого ученый объясняет тем, что в этом жанре объединены самые разные вещи, от анекдотов о поэтах или о связанных со стихами происшествиях до элементов литературной критики (*Liu J. T.* Ou-Yang Hsiu. V. 2. P. 812). Не правда ли, очень похоже на сборники бицзи?

[4] В выполненном В. Сухоруковым русском переводе эти рассказы см.: Пурпурная яшма. С. 282.

или же с толкованием популярных стихотворных строчек, значительно больше: так, известная танская новелла чуаньци «Записки о путешествии в Чжоу и Цзинь» повествует о том, как автор слагал стихи с небожительницами; а сунская чуаньци «Записки о красном листе» Чжан Ши может рассматриваться как своеобразный комментарий к нескольким стихотворениям того времени — собственно, стихи становятся неотъемлемой частью новелл чуаньци, а в новелле Ню Сэн-жу они занимают даже больше места, чем прозаический текст. Однако в сюжетной прозе сяошо речь идет, как правило, о стихах вымышленных героев или лиц, чья историческая достоверность сомнительна, а то и вовсе не подтверждается.

С другой стороны, на формирование жанра шихуа прямое влияние оказала бессюжетная проза — предисловия к различным собраниям стихотворений, поэтическим антологиям (начиная с «Ши цзина»), а также трактаты и эссе (нередко написанные стихами), посвященные выяснению назначения поэзии и места поэзии в миросозерцании человека, анализу ее форм, категорий и законов стихосложения. Одним из первых произведений такого рода принято считать «Ши пинь» (詩品 «Категории стихотворений») лянского Чжун Жуна (鐘嶸 ок. 469—518), где рассмотрены пятисловные стихи ста двадцати двух авторов со времен правления династии Хань (то есть со II в. до н. э.) по VI в.; стихи сгруппированы по трем категориям — соответственно таланту, влиянию на поэтов последующих поколений и популярности (разумеется, с точки зрения Чжун Жуна). Академик В. М. Алексеев так охарактеризовал это произведение: «Предшественник Сыкун Ту занимался исключительно критикою стихотворений по их достоинствам, перечисляя авторов поименно и давая их творчеству сжатые и меткие характеристики» [1]. А вот «Эр ши сы ши пинь» (二十四詩品 «Двадцать четыре категории стихотворений») Сыкун Ту уже списков поэтов и оценок их стихов не содержит, а является скорее трактатом по теории поэтического вдохновения: название классической работы В. М. Алексеева «Китайская Поэма о Поэте», всесторонне исследовавшего данное сочинение и давшего русский перевод текста, весьма точно отражает содержание этого любопытнейшего произведения, где под поэтом имеется в виду не сам Сыкун Ту, но — Поэт вообще. Кроме того, «Эр ши сы ши пинь» написано стихами и представляет собой скорее исповедь о тайнах вдохновения и поэтического «ремесла», чем простое собрание сведений.

Таким образом, к сунскому времени в китайской книжной традиции существовали сюжетные произведения, так или иначе затрагивающие тему поэзии, и бессюжетные, в которых обыкновенно собирались и подвергались некоему критическому анализу сведения о стихах и самих поэтах или которые представляли собой теоретические трактаты о поэтическом мастерстве. Все это и создало почву для возникновения нового жанра — шихуа [2].

Первенство создания произведения в этом жанре принадлежит именно Оуян Сю. «Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник из праздной болтовни составил сборник» — так сказано в первых строках его шихуа [3]. Речь идет о

---

[1] *Алексеев В. М.* Китайская Поэма о Поэте. С. 5. См. также второе издание этого труда В. М. Алексеева, вышедшее в 2008 г. и содержащее в приложении многочисленные дополнительные материалы (рецензии, исследовательские статьи, библиографию современных исследований текста Сыкун Ту).

[2] Интересно сравнить раннесунские шихуа с японскими *ута-моногатари* эпохи Хэйан (794—1192), «т. е. повествованиями о том, как, кем и при каких обстоятельствах была сложена та или иная танка (ута)» (*Ермакова Л. Е.* Ямато-моногатари как литературный памятник. С. 11), повествованиями, состоящими из законченных и независимых отрывков, включающих поэтическую и подчиненную ей прозаическую части.

[3] Приведенную фразу китайские исследователи традиционно считают предисловием, хотя нет никаких формальных признаков, подтверждающих это.

последних годах жизни великого литератора, когда, выйдя наконец в отставку, Оуян Сю поселился в усадьбе, три года назад выстроенной по его распоряжению на берегу реки Жухэ в Инчжоу. Здесь в 1071 г. и появилось на свет «Шихуа отшельника Лю-и» [1] — произведение небольшое, но сыгравшее существенную роль в развитии китайской словесности [2].

В составе «Шихуа» всего одна цзюань, и в ней двадцать девять сравнительно небольших по объему фрагментов [3], в которых прозаические пассажи сочетаются с поэтическими строками (их, как правило, две [4]), и именно последние выступают центральным фрагментообразующим элементом — все прочее написано ради них, вокруг них разворачивается и к ним сводится логическая нить авторского повествования. Но при таком небольшом объеме содержание шихуа Оуян Сю очень разнообразно — здесь говорится и о технике стихосложения, и о том, как были утеряны или сохранены те или иные произведения, о стилистических различиях поэтических направлений, даются сведения и о самих поэтах. Материал распадается на несколько более или менее устойчивых тематических групп.

1) Фрагменты, представляющие собой своеобразные комментарии к поэтическим строкам, взятым из стихотворений выражениям или к отдельным словам. Характерным примером может служить фрагмент 4, где комментируются четыре строки из двух стихотворений, посвященных особенностям жизни столичного чиновничества. А во фрагменте 2 Оуян Сю показывает, что в строчку стихотворения Ли Фана вкралась ошибка, и приводит доказательства. Следует обратить внимание также на то, что Оуян Сю в лучших традициях классической китайской историографии включает в свое шихуа и те стихотворные строки, которые, по его мнению, выдающимися достоинствами не отличаются, однако же соответствуют исторической правде — «Хотя сложены эти строки и грубовато, речь в них идет о том, что действительно было в двух столицах» (фрагм. 4).

2) Фрагменты, в которых автор дает оценку тем или иным поэтическим строкам или их авторам. Чаще встречаются оценки хвалебные (например, фрагм. 12, 15), однако они могут быть и вполне уничижительными (фрагм. 11). Такие фрагменты напоминают «Категории...» Чжун Жуна.

3) Фрагменты, представляющие собой записи коротких, примечательных, с точки зрения Оуян Сю, случаев с поэтами, анекдоты о поэтах. Это могут быть и

---

[1] Письменные памятники последующего времени зафиксировали разные названия этого сочинения: «Шихуа Лю-и» 六一詩話, «Шихуа господина Оу» 區公詩話, «Шихуа господина Оуян Юн-шу» 歐陽永叔詩話, «Шихуа господина Оуян Вэнь-чжуна» 歐陽文忠詩話 — в этих названиях используются и литературный псевдоним, и второе имя, и посмертное имя Оуян Сю. У Мэн-фу пишет, что первоначально сочинение называлось просто «Ши хуа» (*У Мэн-фу*. Тан Сун гувэнь бацзя гайшу. С. 75), того же мнения придерживается и Го Шао-юй (*Го Шао-юй*. Сун шихуа као. С. 2).

[2] Здесь, как и в случае с Сун Ци и его сборником «Сун цзин вэнь гун би цзи», главная заслуга Оуян Сю состоит в том, что именно он употребил в названии своего сочинения иероглифы *ши хуа*, сведя таким образом вместе нарождающийся жанр и его «родовые знаки», впоследствии ставшие таким же общеупотребительным жанровым наименованием, как чуаньци и сяошо. Оуян Сю, если так можно выразиться, поставил финальную точку в процессе формирования шихуа как жанра, закрепил и до определенной степени составил формулу шихуа, которые, появившись и широко распространившись, лишь спустя некоторое время — как и положено в литературном процессе что в Китае, что в других странах мира — были осмыслены и осознаны китайскими книжниками как отдельный, отличный от других, жанр.

[3] В последних изданиях эти фрагменты, как правило, пронумерованы современными текстологами; в оригинале такой нумерации они не имели. То же и в «Шихуа отшельника Лю-и».

[4] Кроме фрагмента 8, где стихотворных строк нет вовсе, но говорится там, разумеется, о стихах; во фрагментах 14 и 24 помещены (для памяти) целые стихотворения в 24 и в 16 строк, соответственно.

сообщения об интересных фактах — например, о поэтическом состязании между девятью буддийскими монахами и Сюй Дуном (фрагм. 10); и просто записи информационного характера, содержащие сведения о прославленных (и не очень) поэтах: Чжао Ши-мине (фрагм. 27), Сун Ци (фрагм. 29) и т. д. Фрагменты этой группы особенно близки к сюжетной прозе сяошо.

4) Фрагменты, содержащие некоторые элементы размышлений о поэзии самого Оуян Сю (или его друга Мэй Яо-чэня, перед чьими суждениями о поэзии он преклонялся). Фрагменты этой группы по своему духу близки к поэтическому трактату Сыкун Ту.

Появление «Шихуа отшельника Лю-и» оказалось настолько своевременным и закономерным, что произведения в этом жанре в самое короткое время широко распространились — так, после 1071 г. появились «Продолжение шихуа» 續詩話 Сыма Гуана (司馬光 1019—1086), «Шихуа Чжун-шаня» 中山詩話 Лю Биня (劉攽 1022—1088), «Шихуа Хоу-шаня» 後山詩話 Чэнь Ши-дао (陳師道 1053—1101) и многие, многие другие. Шихуа стали входить на правах составных элементов в более крупные собрания (например в бицзи), ибо решали сходные задачи: сохранить знания о поэзии, зафиксировать их для будущих поколений, уточнить неточное и исправить неверное [1] — то есть все то, к чему испокон века были столь неравнодушны китайские книжники, всегда придававшие большое значение поэзии как источнику достоверных сведений. И для исследователя традиционной китайской культуры и поэзии произведения в жанре шихуа представляют несомненную ценность в первую очередь именно тем, что в них подчас заключены уникальные сведения и материалы, а также оценочные мнения современников (часто — целые подборки таких мнений) по поводу какого-либо стихотворения, поэта, литературного направления, что позволяет сегодня получить представление о восприятии современниками того или иного поэтического произведения, а это иногда даже более любопытно, чем само произведение.

Жанр «шихуа» можно и нужно рассматривать как один из истоков китайской литературной поэтической критики, а Оуян Сю — как одного из ее родоначальников. С течением времени шихуа значительно возросли в объеме, да и содержание самого понятия «рассуждение о стихах» было подвергнуто переосмыслению: уже в «Шихуа Цан-лана» 滄浪詩話 южносунского Янь Юя 嚴羽, написанном в тридцатых годах XIII в., дается деление шихуа как целого на пять составляющих (*ши бянь* «признаки стихов *ши*»; *ши ти* «поэтические стили»; *ши фа* «стихосложение»; *ши пинь* «категории стихов»; *ши чжэн* «выправление поэтических [текстов]»), охватывающих главным образом разные аспекты теории стихосложения или литературной критики, а места для истории о поэтах (и *хуа* в смысле *гуши*) уже почти не остается [2]. В этом смысле «Шихуа отшельника Лю-и» можно рас-

[1] Так делает уже Оуян Сю: в своем шихуа он записывает выражения из стихов, смысла которых не понимает, однако обстоятельно указывает все то, что ему об этом известно, в надежде, что потом кто-нибудь разберется лучше него (фрагм. 18, 26). Его ожидания оправдал уже Сыма Гуан, уточнив в своем шихуа сведения о девяти монахах-поэтах: «У господина Оуяна сказано: собрание стихов девяти монахов утеряно. Но я, будучи весной первого года Юань-фэн (1078) в храме Юйцюаньсы, что на горе Ваньаньшань, и заночевав там у цзиньши Минь Жу-цзяо, нашел эту книгу!» (Лидай шихуа. Т. 1. С. 180). Стоит добавить, что сведения о монахах дошли до нас лишь благодаря Оуян Сю и Сыма Гуану.

[2] Современный китайский исследователь Гэ Чжао-гуан 葛兆光 в сунских шихуа выделяет три основные группы: собрания, включающие в себя рассуждения о стихах различных авторов, то есть своеобразные компендиумы, энциклопедии шихуа, как, например, «Ши хуа цзун гуй» (詩話總龜 «Генеральный свод шихуа») Жуань Юэ (阮閱 кон. XI—перв. пол. XII в.); собрания фрагментов, посвященных событиям, связанным со стихами, когда вокруг того или иного

сматривать как сборник, в котором признаки жанра не оформились еще в полной мере и который, несомненно, ближе к бицзи, нежели последующие «рассуждения о стихах»; данное обстоятельство является дополнительным аргументом для включения перевода «Шихуа отшельника Лю-и» в настоящий том.

***

(1) Уединенно поселившись на южном берегу Жу, отшельник из праздной болтовни составил сборник.

Примечание. О т ш е л ь н и к. — Оуян Сю взял псевдоним Отшельник Лю-и в 1070 г. «Некий гость спросил: "А что значит Лю-и (六一 Шесть "один")?" Отшельник отвечал: "В моем доме хранится один *вань* (萬 десять тысяч) цзюаней книг, мною собрана одна тысяча цзюаней записей на камне и бронзе, начиная с трех династий древности (XXI—II вв. до н. э., Ся, Инь и Чжоу. — *И. А.*), есть один цинь, одни шахматы, и на стол я всегда выставляю один чайник вина". Гость: "Да, но тут получается всего У-и (五一 пять "один")!" Отшельник отвечал: "А со мной, стариком, встретившим преклонные годы среди этих вещей, разве не будет шесть?"» (*Оуян Сю*. Вэньсюань. С. 315).

(2) Покойный господин Ли Вэнь-чжэн преподнес [двору] стихи «Погребальная песня в Юнчанлине», и там говорилось:

При пяти правлениях с нефритом в руках к небесам обращался двор.
Три раза в императорском чертоге изъявляли покорность князья.

В то время все придворные подносили стихи, но это стихотворение было признано наилучшим. Упомянутые три князя — это Лю Чан из Гуаннани, Мэн Чан из Западного Шу и Ли Хоу-чжу из Цзяннани. Что же до пяти правлений, то здесь ошибка.

Когда подошел к концу четвертый год Цзянь-лун, в начале следующего года Тай-цзу принес жертвы [Небу] в предместье и изменил девиз правления на Гань-дэ. На шестой год [под этим же девизом] снова принес жертвы в предместье и изменил девиз на Кай-бао. На пятый год Кай-бао снова приносились жертвы, но девиз менять не стали. На девятый год была усмирена Цзяннань, в четвертую луну было большое моление о ниспослании дождя, [а потом Тай-цзу] отрекся от престола и удалился в Западную столицу. Так что молений Небу, как говорится, с нефритом в руках на самом деле было четыре. Господин Ли сам жил в то время и никогда не стал бы обманывать, так что здесь ошибка передававших [эти строки].

Примечания. Л и В э н ь - ч ж э н — сунский вельможа Ли Фан (李昉 924—996), посмертное имя которого было Вэнь-чжэн 文正. Чиновничью карьеру начал при Пяти династиях: выдержал экзамен на степень цзиньши при Поздней Хань, при Поздней Чжоу был членом придворной академии Ханьлиньюань, служил по исторической части. При Сун занимал разные высокие должности при дворе, в 962 г. был выслан служить в провинцию, в

поэтического произведения раскручиваются история его создания или же иные исторические обстоятельства, имеющие отношение к данным строкам, в качестве примера здесь можно назвать «Ши линь гуан цзи» (詩林廣記 «Обширные записки о лесе поэзии») Цай Чжэн-суня (蔡正孫 XIV в.), своего рода памятник поэзии ушедшей сунской эпохи; наконец, собрания, основным содержанием которых является собственно теория поэзии и стихосложения, как упоминавшееся выше «Шихуа Цан-лана» 滄浪詩話 (см.: *Гэ Чжао-гуан*. Сундай шихуа маньтань. С. 114).

969 г. был призван обратно и получил назначение в императорский секретариат; должности министерского ранга занимал два раза — в 983 и в 991 гг. В 70—80-х гг. X в. был главой императорской коллегии по составлению фундаментальных, важнейших для китайской культуры собраний письменных текстов — «Тай пин юй лань» и «Тай пин гуан цзи», составил «Тай цзу ши лу» (太祖實錄 «Правдивые записки о Тай-цзу»), хронику царствования первого сунского императора. Образованнейший человек и эрудит. СШ: 256.

Юнчанлин. — Имеется в виду место погребения первого сунского императора Тай-цзу.

Лю Чан (劉鋹 943—980) — последний правитель династии Южная Хань (917—971) эпохи Пяти династий и Десяти царств, владения которой располагались на территории Гуаннани (совр. пров. Гуанси и Гуандун). Правил с 958 по 971 г., до тех пор, пока объединявшая раздробленную страну сунская династия не завоевала Гуаннань и не присоединила ее земли. При правлении Лю Чана роскошь дворцовых ханьских покоев достигла особого размаха: по свидетельству современников, драгоценности и золотые изделия громоздились там кучами, а сам правитель проводил дни в непрерывных увеселениях со своими приближенными. Число же дворцовой челяди превышало двадцать тысяч человек.

Мэн Чан (孟昶 919—965) — последний правитель династии Поздняя Шу (933—965), подчинившей себе земли совр. пров. Сычуань, юга Шэньси, юго-востока Ганьсу и запада Хубэя. Правил с 934 по 965 г., когда сдался сунским войскам, вошедшим в Чэнду, после чего был перевезен в Кайфэн, удостоен титула Циньго-гуна, но на седьмой день скончался при загадочных обстоятельствах. Остался в истории как правитель искусный и хитроумный, а также как большой любитель роскоши — известно, что даже его ночной горшок был отделан жемчугом и драгоценными камнями. Любопытно, что, согласно китайским народным поверьям, имя Мэн Чана связывается с культом Чжан Сяня (святого Чжана): считается, что Мэн Чан — посмертное его воплощение. Вместе с плененным Мэн Чаном в Кайфэне, в числе обитательниц покоев первого сунского Владыки, оказалась и любимая его наложница Хуа-жуй. Именно ей приписывают создание первого изображения Мэн Чана — стреляющим из лука (арбалета) в небесную собаку, и с ней связывают начало его культа: после смерти Мэн Чана Хуа-жуй повесила это изображение в своих покоях и возносила ему молитвы. В один прекрасный день к наложнице вошел Чжао Куан-инь и, увидев картину, спросил, кто изображен на ней. Наложница, слукавив, отвечала, что это — святой Чжан (Чжан Сянь), которому молятся на ее родине, в Сычуани, о ниспослании сыновей. Так, согласно легенде, возник культ Чжан Сяня. Дальнейшее развитие культа Чжан Сяня (Мэн Чана) связано с именем сунского императора Жэнь-цзуна (仁宗, на троне 1022—1063), долгое время не имевшего наследников и увидевшего во сне прекрасного отрока, который сообщил императору, что все дело в небесной собаке; необходимо прогнать ее, тогда и будет наследник престола. Отрок назвался Чжан Сянем и сказал, что прогнать собаку может его изображение, которого она единственно и боится. Проснувшись, Жэнь-цзун немедленно велел нарисовать Чжан Сяня, стреляющего из лука по небесной собаке, и повесить это изображение в своих покоях. К сожалению, это не помогло, у императора сын так и не родился; наследником трона был провозглашен внучатый племянник Чжао Куан-иня. Вскоре культ Чжан Сяня, выйдя за пределы императорского дворца, распространился довольно широко и среди простого народа. Описания явившегося во сне Чжан Сяня довольно часты в письменных памятниках. Имя этого святого легенды связывают с появлением на свет разного рода исторических личностей: например, Чжан Сянь явился во сне Су Сюню (蘇洵 1009—1066), отцу известных литераторов Су Ши и Су Чэ, непосредственно перед их рождением; в руке у него было два заряда для арбалета. Су Сюнь даже сложил по этому поводу хвалебную оду. К этому же времени относится и появление первых кумирен, специально посвященных Чжан Сяню, где стали появляться и глиняные изображения Чжан Сяня и его супруги — Хуа-жуй фужэнь.

Ли Хоу-чжу. — Имеется в виду Ли Юй (李煜、後主 937—978), последний правитель династии Южная Тан, контролировавшей земли Цзяннани (то есть совр. пров. Цзянсу, Аньхой, Фуцзянь, Хунань и восток Хубэя). Великий поэт, каллиграф и художник.

Четвертый год Цзянь-лун — 963.

Девиз... Гань-дэ — 963—967.

Девиз... Кай-бао — 968—975.

З а п а д н а я с т о л и ц а — в сунское время так называли г. Лоян (в совр. пров. Хэнань), бывший столицей при нескольких династиях. Стоит на реке Лошуй.

...С н е ф р и т о м в р у к а х. — Речь идет о ритуальных скипетрах из нефрита, которые высшим сановникам полагалось держать в руках как символ власти во время приемов при дворе, а также при проведении обряда дворцовых жертвоприношений и других ритуальных действ.

(3) Во время правления Жэнь-цзуна несколько именитых сановников прославились своими стихами. Поскольку [все они] преклонялись перед «стилем Бо Лэ-тяня», то и в выражениях стремились к простоте. К примеру, такие строчки:

Если жалованье есть, нежь супругу и детей.
Если же не повезло — как простые люди будь.

Некий насмешник заметил: «Вчера я на улице повстречал кибитку, нагруженную так тяжело, что вол с великим трудом вез ее! Не это ли как раз будет "нежь супругу и детей"?» Слышавшие передавали это как забавную шутку.

Примечание. «С т и л ь Б о Л э - т я н я». — Имеется в виду великий танский поэт Бо Цзюй-и, второе имя которого было Лэ-тянь 樂天. Говоря о «стиле Бо Цзюй-и», обычно имеют в виду настойчивое обращение поэта к социально-политической тематике, когда стихи должны отражать действительность, а не быть отстраненно-прекрасными, а также вытекающие отсюда внятность повествования и простоту языка, необычные для современников; согласно широко распространенной легенде, Бо Цзюй-и каждое свое сочинение прежде всего читал вслух своей няне, проверяя таким образом на ней доступность изложения, и считал стихотворение законченным лишь в том случае, если няня его одобряла. Все это не помешало Бо Цзюй-и оставить после себя и значительное число лирических миниатюр удивительной красоты, выдержанных в лучших традициях классической китайской поэзии.

(4) В окрестностях императорской столицы великое множество красивых мест, но чиновный люд так загружен делами службы, что с трудом выкраивает в погожий день время, чтобы насладиться пиром или прогулкой среди прелестных пейзажей. Даже в стихах есть такие строчки:

Торговец с цветами на коромыслах любуется на персики и сливы.
Торговец вином жадно ловит звуки музыки, несущиеся с башни.

В чаньской обители Интяньчаньюань, что в Западной столице, есть императорский зал поклонения духам предков — как раз на северном берегу реки, в десяти с чем-то ли от Хэнаньфу. Каждый год все чиновники — и знатные, именитые, и простые служащие — вынуждены являться сюда на утреннюю службу страшно рано, а когда служба кончается, казенное вино обходит всех три раза, и чиновники, не перебросившись и словом, возвращаются назад. Вот почему сложены такие строки:

Будто во сне глубоком десять ли прошел.
Ни слова не промолвив, три чаши осушил.

Хотя и грубовато сложены эти строки, речь в них идет о том, что действительно было в двух столицах.

Примечания. Т о р г о в е ц ц в е т а м и... — То есть человек не имеет полной возможности насладиться даже тем, что совсем рядом с ним и, казалось бы, вполне доступно.

Хэнаньфу — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хэнань, такое название получила в 713 г.; здесь имеется в виду областной центр, то есть Лоян.

Две столицы — Западная, то есть Лоян, и Восточная — Кайфэн.

(5) Мэй Шэн-юй однажды на пиру у Фань Си-вэня сложил стихотворение «Рыба-иглобрюх», и там были такие строчки:

Весной на отмели появляются ростки тростника,
весной с берега летит тополиный пух.
И в это время рыба-иглобрюх
дороже ценится, чем все другие рыбы.

Рыбы-иглобрюхи постоянно появляются весной на закате, целыми стаями плавают они у поверхности воды, едят пух и жиреют. Южане часто варят суп из этой рыбы и ростков тростника и говорят, что он самый вкусный. Оттого-то люди, понимающие толк в стихах, и говорят, что уже эти две строчки раскрыли тему стихотворения и что уже в них сполна отражены достоинства иглобрюхов.

Всю свою жизнь Шэн-юй терпел из-за стихов, вкладывая в них великую и отвлеченную простоту древности, вот стихи у него и выходили такие печальные. А это — родилось среди шумного застолья, когда великое воодушевление водило кистью Шэн-юя. Стихи возникли мгновенно и были признаны верхом совершенства.

Примечания. Фань Си-вэнь 范希文 — второе имя крупного политического деятеля, чиновника и поэта Фань Чжун-яня (范仲淹 989—1052).

Рыба-иглобрюх — рыба фугу, она же рыба-собака (Fugu rubripes), морская тепловодная рыба, достигающая 80 см в длину; нерестится весной, молодь обитает в бухтах, но по мере взросления уходит из прибрежных вод. Лишенное чешуи тело покрыто мелкими шипами. При раздражении рыба раздувается в шар и шипы становятся торчком, перпендикулярно телу. Опасна для применения в пищу, наиболее ядовиты гонады и печень, но мясо также содержит очень сильный яд тетродотоксин. Тем не менее весьма ценится гурманами Японии, где существует множество специализированных ресторанов, повара которых сертифицированы как мастера приготовления этой ядовитой рыбы.

(6) Сюэши Су Цзы-чжань был родом из Шу. Однажды в воеводстве Юйцзинь ему посчастливилось достать мягкий футляр для лука, сделанный из маньской материи, — такие продают юго-западные варвары. На футляре было вышито стихотворение Мэй Шэн-юя «Весенний снег» — оно есть в «Собрании Шэн-юя», но не особенно знаменито. Да, видно, известность Шэн-юя так широко распространилась по Поднебесной и, стихотворение за стихотворением, докатилась даже до варварских земель, что и там, в далеких окраинах, его стихи столь высоко ценятся!

Цзы-чжань, зная, как близки были мы с Шэн-юем, заполучив футляр, передал его мне на память [об ушедшем друге].

В моей семье издавна хранится цинь — его изготовил еще Лэй Хуэй в третий год Бао-ли, с тех пор минуло уже две с половиной сотни лет! Звуки этого циня так чисты, словно ударяешь о драгоценный камень. И вот я вложил цинь в тот футляр. Эти две вещи стали истинными сокровищами моего дома.

Примеч. Су Цзы-чжань — великий сунский поэт Су Ши (蘇軾 1036—1101), второе имя которого было Цзы-чжань 子瞻. Оуян Сю, назначенный главным экзаменатором, когда Су Ши сдавал экзамен на степень цзиньши, отметил его.

Шу — старое название совр. пров. Сычуань. Су Ши был родом из Мэйшани.

Юйцзинь — воеводство, располагавшееся на территории совр. уезда Чаннинсянь в пров. Сычуань. В 1075 г. было переименовано в Чаннин. Здесь в сунское время находился один из центров соледобычи.

Маньская материя... — Мань — общее название, употреблявшееся в старом Китае для обозначения целого ряда некитайских племен, так называемых варваров, населявших юг современного Китая, провинции Гуандун и Гуанси. Далее они же названы юго-западными варварами. Кстати, Е. А. Серебряков, ссылаясь на сунскую династийную историю, пишет о халате с такой же, как и на футляре для лука, вышивкой, сделанном в тех же местах (*Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X—XI веков. С. 171).

Лэй Хуэй 雷會. — Имеется в виду один из представителей танской семьи Лэй из Сычуани, из поколения в поколение изготавливавшей цини (семиструнные щипковые музыкальные инструменты). Самый известный из этой семьи — Лэй Вэй 雷維/威, цини его производства особенно ценились в сунское время, их называли *лэйшицинь* 雷氏琴, *лэйгунцинь* 雷公琴 или просто *лэйцинь* 雷琴. Несколько его циней ныне хранятся в пекинском Гугуне. Также из семейства Лэй довольно известен Лэй Янь 雷儼, предок Лэй Вэя, удостоившийся даже чиновничьего поста при дворе императора Сюань-цзуна.

Третий год Бао-ли — 826.

(7) Буддийский монах из У по имени Цзань-нин в начале правления [нынешней] династии был назначен главой [ведомства] Сэнлусы. Цзань-нин прочитал множество конфуцианских сочинений, он обладал обширнейшими познаниями и превосходной памятью, да к тому же был наделен способностью к сочинительству, а в искусстве спора никто с ним тягаться не мог.

В то время жил некий Ань Хун-цзянь, писавший весьма отменно и прозу, и стихи цы. Но еще лучше Хун-цзянь умел вышучивать людей в стихах. И вот как-то на улице он повстречал Цзань-нина, который шел в сопровождении нескольких монахов. Указав на Цзань-нина пальцем, Хун-цзянь продекламировал:

«Нелюбимые спутники» *дугуаня* Чжэна часто ходят гуськом! —

на что Цзань-нин незамедлительно ответил:

Те, кого Цинь Ши-хуан не успел закопать, часто сбиваются в толпы!

Присутствовавшие все как один сочли, что Цзань-нин дал достойный ответ. А намекал Хун-цзянь на стихотворение Чжэн Гу, где сказано: «Любишь ли, нет ли монаха в пурпурной рясе».

Примечания. У — старое название совр. пров. Цзянсу.

Стихи цы — характеризуются нерегулярной длиной строки, системой чередования тонов, а также определенной мелодией, на которую первоначально писались. Жанр возник в конце правления династии Суй (581—618) и получил при Сун широкое распространение.

Ань Хун-цзянь (安鴻漸 X в.) — сунский литератор, живший в начале правления династии Сун и в свое время весьма славившийся своими сочинениями среди жителей Лояна.

Те, кого Цинь Ши-хуан не успел закопать. — Цзань-нин намекает на то, что император Цинь Ши-хуан-ди (秦始皇帝, на троне 241—209 до н. э.) в свое время распорядился изъять и сжечь все книги — за исключением циньских анналов, медицинских и гадательных сочинений, а также казнить книжников (их живьем закапывали в землю).

Чжэн Гу (鄭固 ум. 897?) — танский чиновник и поэт. Проявил таланты в раннем детстве — известно, что уже в семь лет он умел писать стихи. В 838 г. был высоко оценен

поэтом Сыкун Ту, служившим вместе с его отцом. В 897 г. Чжэн Гу действительно был назначен на должность *дугуаня* (секретаря императора по военным и судебным делам).

(8) Чжэн Гу своими стихами широко прославился в конце Тан, и из них был составлен сборник «Облачная терраса», но поскольку молва передавала, что он был чиновник, [сборник] называли «Стихи дугуаня Чжэна».

Его стихи — очень интересны, много метких строк, а вот следование правилам [стихосложения] не всегда на высоте. По стихам Чжэна, из-за их простоты и ясности, во многих семьях обучали детишек, и я, когда был маленький, тоже знал их и тоже превосходно декламировал. Ныне же собрания стихов Чжэн Гу уж не сыщешь на свете!

Мэй Шэн-юй на склоне лет тоже занял пост дугуаня, и вот однажды, когда мы вместе пили вино у меня дома, Лю Юань-фу шутливо заметил: «Уж до большей должности Шэн-юю не дослужиться!» Все гости испугались, а Юань-фу продолжал: «Ведь раньше был дугуань Чжэн, а теперь — дугуань Мэй!» Однако Шэн-юй нахмурился еще больше. А вскоре после этого заболел и умер.

Я написал предисловие к его стихам, а сборник назвал «Собрание Ваньлин» — ныне эту книгу называют «Стихи дугуаня Мэя». Вот как одно лишь шутливое слово оказалось сущей правдой. Ну не печально ли!

Примечания. Л ю Ю а н ь - ф у — сунский сановник, историк и поэт Лю Чан (劉敞 1019—1068), второе имя которого было Юань-фу 原父. Литературный псевдоним Гун-ши сяньшэн 公是先生. Экзамен на степень цзиньши выдержал в 1046 г. Служил в Цензорате, был чжичжигао, ездил посольством к киданям. Был очень образованный и эрудированный человек, знаток «Чунь цю» (из-под его кисти вышло общим счетом сорок цзюаней сочинений, посвященных этому памятнику); известно, что Оуян Сю, сталкиваясь с вызывавшим у него затруднение вопросом, частенько писал к Лю Чану и всегда получал исчерпывающий ответ. СШ: 319.

В а н ь л и н. — Литературный псевдоним Мэй Яо-чэня был Ваньлин сяньшэн 宛陵先生, Господин из Ваньлина, где Ваньлин — старое название сунского уезда Сюаньчэн в области Сюаньчжоу (совр. пров. Аньхой), родины поэта. Оуян Сю написал предисловие к собранию стихотворений Мэй Яо-чэня в 1061 г. в Кайфэне, через год после смерти поэта. Пожалуй, наилучшим образом оценка Оуян Сю Мэй Яо-чэня — его литературных талантов и допущенной в отношении этого в высшей степени способного человека несправедливости — звучит именно в этом предисловии: «Мой друг Мэй Шэн-юй был с раннего возраста, в силу отцовских заслуг, причислен куда-то в ничтожных чинах. Но вот он добрался до звания цзиньши, или кандидата на службу большую. Однако — сейчас же задавлен остался властями, что стали ему на дороге, служил в захолустных каких-то уездах, и так продолжалось лет десять и боле. Ему уж, пожалуй, лет под пятьдесят, а он все по найму да по приглашению помощником служит кому-то всегда. Он копит да копит в себе да в себе, а случая нет это выразить в деле, явить это в службе прямой. <…> Однако его до сих пор никто и не думал продвинуть повыше, представив и аттестовав. А было ведь так, что покойный граф Ван [по смерти известный как Просвещенный и Мощный] (то есть сунский сановник Ван Шу 王曙, 963—1034, при императоре Жэнь-цзуне занимавший пост цзайсяна. — *И. А.*), увидев стихи его, был поражен и со вздохом сказал: "Таких вещей уж лет двести как в поэзии не было!" Но, даже зная его так, со всею должной глубиной, он тоже не пошел на то, чтобы представить Мэя к чину. А если бы, представьте себе, он, когда бы это удалось, нашел себе признание при дворе и сочинял бы там торжественные гимны и славословия древнейших образцов... то разве было б это все не колоссально и велико? Зачем, скажите, дать ему состариться неудовлетворенным? Все сочинять стихи в убожестве живущих и загнанных умов? Зачем ему все говорить лишь на мотивы о жуках, различных рыбах и подобном, о жизнью связанных людях, тоске, порыве, воздыханиях? У нас все любят его ловкость, с какою пишет он стихи, и никому нет дела до того, что он в убожестве живет уже давно и

стал уж стар. Как я могу не пожалеть?» (пер. В. М. Алексеева в кн.: Шедевры китайской классической прозы. Т. 2. С. 270—271).

(9) В то время, когда расцвело пышным цветом изящное слово, один *шэжэнь* Чэнь Цун-и славился как погруженный в древние канонические книги ученый, а большинство его стихов написано в духе Бо Лэ-тяня. После Яна и Лю, которые обменивались стихами, и распространения в свете «Собрания Сикунь» те, кто готовились к экзаменам, наперебой стали использовать эти [новые] стихи. Представления об изящном в одночасье изменились, и все заговорили о «стиле сикунь». Оттого собрания стихов танских мудрецов были преданы забвению и не распространялись более.

И вот во времена господина Чэня вдруг обнаружили старый список собрания стихов Ду [Фу] — текст изобиловал пропусками и ошибками, а в строке «Он, легок как птица...» из стихотворения «Посылаю дувэю Цаю» не хватало одного последнего иероглифа, и господин Чэнь с несколькими гостями взялись его подбирать. Кто предлагал «быстр», кто — «упал», кто — «взлетает», кто — «бросается вниз», но угадать так и не смогли. Позднее был найден еще один список — в превосходном состоянии, и там говорилось: «Он, легок как птица, пронесся». Господин Чэнь вздыхал в восхищении: ведь всего один иероглиф, а сколько достойных мужей не сумели подобрать!

Примечания. Чэнь Цун-и (陳從易 ?—1031) — сунский сановник и поэт. Экзамены на степень цзиньши успешно выдержал в 989 г. и был назначен на мелкий областной пост. После продвинулся по службе — был вызван ко двору и при императоре Жэнь-цзуне уже занимал высокие посты, в том числе был *чжуншушэжэнь* (чиновник Чжуншушэна, Государственной канцелярии), здесь сокращенно названный *шэжэнь*. В то время, когда среди литераторов установилась общая мода на стиль сикунь, Чэнь был один из немногих, кто этой моде не последовал, отдавая должное конфуцианской учености, а в стихосложении предпочитая стиль Бо Цзюй-и. Сочинений Чэнь Цун-и сохранилось ничтожно мало — три стихотворения в составе «Цюань сун ши» и два прозаических текста. СШ: 300.

Ян и Лю, «Собрание Сикунь». — Речь идет о составленном Ян И поэтическом сборнике «Си кунь чоу чан цзи», куда он включил 248 произведений, среди них были и его собственные, а также произведения знакомых и друзей, в том числе и Лю Юня (劉筠 971—1031), которого упоминает Оуян Сю, — всего 17 авторов. «Семнадцать поэтов, представленные в сборнике, занимали крупные посты в столице, были причастны к составлению и редактированию императорских указов и посланий. Они общались с небольшим кругом знати, проводили время в беседах с друзьями и в обсуждении стихотворений, воспринимавшихся как знак избранности. Ян И, Лю Юнь, Цянь Вэй-янь (錢惟演 962—1034), Ли Цзун-э (李宗諤 964—1012) и другие образовали поэтическое направление сикунь, для которого характерны увлечение стихотворной техникой и невнимание к содержанию произведений. В их стихах воспевалась жизнь двора и знати, передавалось чувство восхищения красотой дворцов, богатством праздничных увеселений» (*Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X—XI веков. С. 17). Тем не менее «Собрание Сикунь» быстро вошло в моду, распространилось, вызвало волну подражаний и стало одним из господствующих в поэзии того времени. Потому Оуян Сю и пишет, что «представления об изящном в одночасье изменились». Сам он резко выступал против формализма в поэзии (подробнее см., например: *Чжу Да-ган*. Ду «Лю-и шихуа» пин сикунь ши).

«Посылаю дувэю Цаю». — Имеется в виду стихотворение великого танского поэта Ду Фу (杜甫 712—770), в котором воспеваются достоинства военачальника Цай Силу 蔡希魯 и перечисляются его боевые качества, которые Цай не раз демонстрировал в бою, в том числе — отменное владение приемами рукопашного боя, о чем и идет речь в процитированной строке.

(10) Среди последователей учения Будды при нынешней династии девять человек снискали себе славу стихами, в то время был известен сборник под названием «Стихи девяти монахов», но теперь его уже не достанешь. В юные годы я от многих слышал похвальные слова тем стихам. Одного монаха звали Хуэй-чун, а имен других я не помню. Когда-то я для себя переписал его стихи, и там было сказано:

Кони носятся табунами внизу, на земле.
Орлы вьются-дерутся за облаками, в небе.

И еще:

Весна родится за хребтом Гуйлинь.
А я живу на запад от Хаймэнь.

Много у [Хуэй-чуна] было и других выдающихся строчек. Но ныне сборник стихов [тех монахов] утерян, и многие сейчас вовсе не знают, кого называли «девятью монахами». Как жаль!

В те времена жил *цзиньши* по имени Сюй Дун. Это был незаурядный ученый муж, автор прекрасных стихов цы. Встретившись с прославленными монахами [для поэтического состязания], Дун вынул лист бумаги и написал условие: «Не посмею использовать ни одного иероглифа из...» — и указал такие знаки: *шань* (山 «гора»), *шуй* (水 «вода»), *фэн* (風 «ветер»), *юнь* (雲 «облако»), *чжу* (竹 «бамбук»), *ши* (石 «камень»), *хуа* (華 «цветы»), *цао* (草 «травы»), *сюэ* (雪 «снег»), *сянь* (霰 «иней»), *син* (星 «звезда»), *юэ* (月 «луна»), *цинь* (禽 «птицы») и некоторые другие в том же духе. Прочитав, монахи отложили кисти.

Сюй Дун выдержал экзамен на степень цзиньши в третьем году Сяньпин. Некий современник сказал: «Чжан Кан путает все с лошадьми, Сюй Дун за наряды дерется с женой» — так это про него.

Примечания. Девять монахов — буддийские тяньтайские монахи Си-хуа 希晝, Бао-сянь 保暹, Вэнь-чжао 文兆, Син-чжао 行肇, Цзянь-чан 簡長, Вэй-фэн 惟鳳, Юй-чжао 宇昭, Хуай-гу 懷古 и Хуэй-чун 惠崇. «Но знаменит был только Хуэй-чун. Его хвалил и Оуян Сю», — отмечал Чжэн Чжэнь-до (*Чжэн Чжэнь-до.* Чатубэнь чжунго вэньсюэ ши. Т. 2. С. 463). Образовав поэтическое сообщество, монахи эти постоянно обменивались стихами, главными темами которых были, в противовес школе сикунь, повседневные дела и обыденные события, и выработали в результате собственный поэтический стиль, оказавший определенное влияние на последующие поэтические школы и направления. А столь выделяемый Оуян Сю монах Хуэй-чун был, по свидетельствам современников, еще и отменным художником. Составленный из стихов этих монахов сборник «Цзю сэн ши» (九僧詩 «Стихи девяти монахов»), датированный 1004 г., содержит немногим более ста их избранных стихотворений.

Гуйлинь — горный хребет на северо-востоке уезда Хэсянь южной провинции Гуандун.

Хаймэнь — уезд в пров. Цзянсу, на морском побережье.

Сюй Дун (許洞 976?—1017?) — сунский эрудит, стратег, чиновник, поэт. Второе имя его было Юань-фу 淵夫, другое — Дун-тянь 洞天. Предки его отца Сюй Чжун-жуна 許仲容 были жителями столицы, но потом переехали в уезд Усянь, что близ Сучжоу, где и родился Сюй Дун. В юности Сюй Дун много занимался стрельбой из лука и фехтованием, потом, сосредоточив усилия на учении, выдержал экзамен на степень цзиньши (в третий год Сянь-пин: 1000) и стал служить, но вскоре оставил службу (будучи человеком прямым и несдержанным, высказался пренебрежительно о своем начальнике, которого

счел необразованным невеждой, в результате был им обвинен в халатности и растрате и уволен) и поселился на покое. Когда в 1011 г. император Чжэнь-цзун отправился совершать моления, Дун сложил по этому случаю оду и поднес ее трону. Его вызвали ко двору и после императорских экзаменов назначили уездным секретарем в Уцзян. Умер Дун в возрасте сорока двух лет. После него осталось довольно большое количество сочинений — собрание более чем в сто цзюаней. Особенно славился Сюй Дун знанием «Цзо чжуань», а также написанным им в 1005 г. трактатом по военному делу. О Сюй Дуне см. также с. 671—672 настоящего тома; по поводу последнего трактата см.: *Школяр С. А.* Сюй Дун и его «Трактат для военачальников».

Не посмею использовать... — то есть Сюй Дун дал обязательство не использовать часто употреблявшихся именно в стихах и легко рифмующихся иероглифов, что усложняло задачу. Монахи поняли, что имеют дело с большим мастером, сознательно себя ограничивающим, и признали свое поражение, так и не начав состязания.

Чжан Кан 張康 — упоминается как цзиньши, рекомендованный в экзаменаторы министром Хань Цзяном (韓絳 1012—1088).

(11) Мэн Цзяо и Цзя Дао страсть к стихам привела к смерти в нищете. А они, однако же, высшую радость всю жизнь находили в строках о бедности и страданиях. У Мэна есть стихотворение «Переезжаю», где сказано:

Нанял повозку, скарб домашний сложил.
Вещей так мало — место еще осталось!

Речь здесь о том, что у Мэна вообще ничего нет.

А в стихотворении «Благодарю человека, подарившего мне уголь», есть такая строка:

Скрюченное тело мое в тепле снова станет прямым.

Кто-то заметил, что если бы Мэна [действительно] так скрючило, то он просто не смог бы написать об этом.

А вот у Цзя:

Хоть на висках моих еще волосы есть,
Но чтоб соткать для зимы одежду, не хватит их!

А если бы он и приказал соткать — сколько бы [тех волос] надергали? В его же стихотворении «Голодаю на заре» есть такие строки:

Сижу и слышу: рядом кто-то на цине играет.
От холода лопнули две или три струны.

Некто заметил, что уж если с голодом Цзя не мог совладать, то как мог [он] вытерпеть еще и холод вдобавок?

Примечания. Мэн Цзяо (孟郊 751—814) — известный танский поэт. Исключительные способности проявил уже в семилетнем возрасте. В юные годы удалился на гору Суншань и поселился там в уединении. К 774 г. относится его знакомство с Лу Юем и другими поэтами в Хучжоу — они устраивали совместные поэтические пирушки. В 791 г. Мэн Цзяо выдержал областные экзамены в Хучжоу и был рекомендован для столичных экзаменов, но, несмотря на поддержку известных людей, испытания в столице не прошел. Он ездил в Чанъань еще два раза, в 793 и 795 гг., но лишь с третьей попытки, в 796 г., получил все же степень цзиньши — ему было тогда уже сорок пять лет. В столице поэт свел знакомство с Хань Юем и другими знаменитостями. Мэн Цзяо не сделал большой карьеры — в основном служил в провинции. Он умер в пути к новому месту назначения, проезжая через Лоян. Самые тесные поэтические связи у Мэн Цзяо были с Хань Юем, современники счита-

ли их стили весьма схожими и оттого причисляли их к одному поэтическому направлению. Однако же в стихах Мэн Цзяо действительно превалирует тема бедствий и страданий; Юань Хао-вэнь даже называл его *ши цю* — «стихотворный сиделец». До наших дней дошло собрание стихотворений Мэн Цзяо в 10 цзюанях.

Цзя Дао (賈島 779—843) — тоже известный танский поэт. Вырос в бедности. В юные годы постригся в буддийские монахи, приняв имя У-бэнь 無本 (по другой версии он постригся в буддийские монахи после неудачи на экзаменах), однако потом вернулся в мир, в 810 г. прибыл в Лоян, где свел знакомство со многими знаменитостями, в том числе с Хань Юем. После этого Цзя Дао наезжал в Лоян и Чанъань неоднократно; не раз пытался сдать экзамены на цзиньши, например в 822 г.; в 837 г. наконец получил должность уездного секретаря и в связи с этим отбросил мысли о степени цзиньши — эта степень была пожалована ему посмертно, в 900 г., по представлению поэта Вэй Чжуана (韋庄 836?—910). Испытал весьма сильное влияние поэтического стиля Хань Юя и Мэн Цзяо, особенно последнего, потому их обычно объединяют, называя «Мэн-Цзя». И он, и Мэн Цзяо не достигли в жизни исполнения желаний, потому в их стихах и господствует тема страданий, лишений и неудовлетворенности жизнью; личные жизненные невзгоды, сострадание бедам близких и друзей — вот характерные темы стихов этого поэта. До наших дней дошло собрание его сочинений в 10 цзюанях.

(12) На закате правления танской династии поэты уже не обращались к вольному, раскованному стилю Ли и Ду, хотя дух их стихов был все еще высок. Произведения Чжоу Пу, например, отличаются особой грустью, и в каждом есть достойное место. Стихи его были так искусно отшлифованы, что современники превозносили их. Говорили: «Месяцами ковал, годами отделывал, но собрания составить не успел, и [стихи] передавались изустно». Велика была слава Пу в то время, а ныне его стихи вовсе неизвестны. В юности я держал в руках сборник его произведений. Помню оттуда такие прекрасные строки:

Ветер теплый птиц щебетанье несет.
Солнце высокое под цветы глубокую тень бросает.

И еще:

Рассвет пришел — в горах загомонили птицы.
Дождь прошел — цветы абрикоса раскрылись.

Примечания. Ли и Ду — великие танские поэты Ли Бо и Ду Фу.

Чжоу Пу (周朴 ?—878/879) — танский поэт. Вырос в бедности. Не имел склонности к службе, и когда высокопоставленные друзья-поэты предлагали ему должность, с благодарностью такие предложения отвергал. Как и Мэн Цзяо, жил в уединении на Суншани, где тесно общался с местными буддийскими монахами и обменивался с ними стихами. Расположение к монахам Чжоу сохранил и позднее — часто делал щедрые пожертвования буддийским монастырям. Когда Хуан Чао пригласил Чжоу на службу, тот отвечал, что не может служить мятежнику. В гневе Хуан Чао велел его казнить. В поэзии его преобладают грустные и трагические мотивы. Многие его строки передавались современниками изустно. Стихотворения Чжоу Пу дошли до нас в составе крупных поэтических антологий (например, в «Цюань тан ши» есть цзюань его стихов).

Собрания составить не успел. — Чжоу Пу действительно не успел свести свои стихи в сборник, и за него уже после его смерти это сделал поэт Линь Сун (林崧 IX в.), который, собрав более ста его стихотворений, составил из них сборник в две цзюани.

(13) Шэн-юй однажды сказал мне:

— Хоть в поэзии и очень важен смысл, но и слова подобрать — очень трудно. Коли мысль свежа, владение словом отменно и пишешь о

том, чего у предшественников еще не было, — это прекрасно. Нужно уметь так передать трудный для описания пейзаж, чтобы он словно стоял перед глазами, а не исчерпанные до конца мысли — стояли за пределами смысла слов. Только так достигнешь совершенства. Вот у Цзя Дао есть такие строчки:

В бамбуковую корзину горные фрукты собрал.
Глиняную бутыль наполнил водой ключевою.

У Яо Хэ:

Лошадь вослед горным оленям умчалась.
Курица обрела приют среди диких птиц.

Это — стихи о горных захолустных местах, и в них выражено тоскливое смятение чиновника. Но их нельзя сравнить [со строками]:

Уезд старинный, корни тополя видны из-под земли.
Чиновник благородный, ребра у коня торчат.

Я сказал:

— Искусство владения словом действительно таково. Но какое стихотворение будет из тех, что описывает трудный пейзаж, и из тех, где мысль не исчерпана словом?

— Поэт пишет сердцем, а читатель должен уметь понять смысл, ибо прямо высказать словами бывает так трудно! Но можно упомянуть о чем-то похожем. Вот у Янь Вэя:

Дамба в ивах, медлительны вешние воды.
Долина в цветах, спускается вечером солнце.

Четыре времени года, день и ночь, гармонично сменяющие друг друга: разве не встает все это перед глазами? А строки Вэнь Тин-юня:

Петух кричит, над тростниковой хижиной луна.
Следы людей, на досках моста иней.

Или строки Цзя Дао:

Странная птица криком оглашает степь пустую.
Заходящее солнце в путников испуг вселяет.

Тут речь о дорожных трудностях, о тоскливых думах путника. Но разве это не за пределом смысла слов?

Примечания. Яо Хэ (姚合 775—854?) — танский поэт, отличавшийся особым пристрастием к пейзажным стихам. Стал цзиньши в 816 г., службу начинал с поста уездного секретаря. В 820 г. был назначен в аппарат цзедуши Вэйбо. Занимал много разных провинциальных должностей, самой высокой из которых была должность начальника области. Служил и при дворе: был ланчжуном в Департаменте наказаний, занимал должность в Цензорате (836). После 839 г. отказался от службы. Обменивался стихами с Бо Цзюй-и, Чжан Цзи (張繼 725?—780), Лю Юй-си, был дружен с Цзя Дао; его стихотворения по стилю напоминают творения Цзя Дао, поэтому в китайской традиции принято об этих двух поэтах говорить вместе — «Яо и Цзя». Строки Яо Хэ получили известность, когда он служил уездным секретарем в Угуне, оттого-то его еще и называют «угунский Яо» 姚武功. До наших дней дошло собрание его стихотворений в 10 цзюанях.

У е з д с т а р и н н ы й... — Эти строки принадлежат Ду Фу. В старом Китае перед зданием уездного Управления имели обыкновение сажать несколько тополей, и торчащие из-под земли корни говорят о том, что тополям этим уже много лет, а прискорбное состояние чиновничьей лошади — о стесненном материальном положении ее хозяина, не думающего о личном достатке, но обеспокоенного лишь исполнением долга, и потому «благородного».

Я н ь В э й (嚴維 ?—780/781?) — не слишком знаменитый танский поэт, пожалуй, наиболее известны именно эти его строки. Цзиньши стал в 757 г., но, поскольку был беден и не мог покинуть старых родителей, до средних лет проходил на мелких провинциальных должностях. Лишь в 777 г. ему удалось занять должность в аппарате управителя Хэнани, а последней должностью Янь Вэя стал пост *мишулана* (императорского библиотекаря). Стихи его пользовались определенной популярностью среди современников, одно время Янь Вэй считался даже одним из самых известных поэтов в землях, расположенных к югу от Янцзы. До наших дней дошло собрание его стихов в двух цзюанях.

(14) Шэн-юй и Цзы-мэй стали одинаково знамениты в одно и то же время, а стиль их стихов совершенно различен. Цзы-мэй писал энергично, мощно, поражая небывалой свободой; Шэн-юй писал утонченно, долго обдумывая, вкладывая вкус праздной отвлеченной простоты. Оба они достигли наивысшего мастерства, так что самые искусные спорщики не могли доказать, кто из них лучше, а кто — хуже.

Однажды я написал про них стихотворение «Ночью еду через Шуйгу»:

Решителен духом Цзы-мэй.
Он — словно вихрь из пор земли.
Как в винной лавке волю чувствам даст —
Тушь винная тогда течет рекою.
Сродни тысячеверстому он скакуну —
Коль вырвался, уже не остановишь.
Его стихи — все драгоценный жемчуг,
И трудно что-то больше предпочесть.
Мэй-вэн в делах суров и чист —
Как ледяной поток, струящийся с камней.
Он тридцать лет слагал стихи —
Когда еще я юношею был.
Его стихи свежи, тонки́,
Он пишет мудростию сердца.
И рядом с девою прелестною из Шао,
Немолодой, он держится достойно.
Его четверостишья к древности стремятся,
Исполнены страданья и тоски.
Совсем как будто ешь оливки:
Уж проглотил, а аромат не исчезает долго.
Су отличался рвущимся на волю духом,
Поклонников в смятенье приводящим.
Души глубины Мэя знал лишь я один:
Товар то древний, ныне и не сыщешь.

Выражения тут далеки от совершенства, и я, что называется, грубыми сравнениями пытался передать суть. Но определить, кто из них лучше, а кто — хуже, конечно, тоже не смог.

Примечания. Ц з ы - м э й — известный сунский поэт Су Шунь-цинь (蘇舜欽 1008—1048), второе имя которого было Цзы-мэй 子美. Родился в Кайфэне, хотя род его происходил из Сычуани. Первый свой пост получил без экзаменов, пользуясь правом «тени» за заслуги отца, однако же в 1035 г. выдержал экзамены на степень цзиньши и, несколько лет

послужив начальником уездов, в 1040 г. был назначен на должность в столичном Управлении наказаний. В 1044 г. за серьезную провинность был лишен всех постов и привилегий и вплоть до 1048 г. жил на положении простого человека. Получив же в 1048 г. должность начальника области, так и не успел в нее вступить: умер сорока лет от роду. «Су Шунь-цинь был убежден в высоком назначении литературы передавать настроения народа и выражать душевное состояние автора, его нравственные черты и идеалы» (*Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X—XI веков. С. 142), он отвергал модное поэтическое направление *сикунь*, черпая вдохновение в творчестве авторов золотой китайской древности. Ниже в стихах Су Шунь-цинь назван Мэй-вэном 美翁. Оуян Сю в предисловии к собранию его сочинений писал, что, когда он сдавал экзамен на цзиньши, среди однокашников его лишь Су Шунь-цинь и его старший брат Су Шунь-юань (蘇舜元 1006—1054) ориентировались на строгую прозу прошлого, а не на современное им бездумное начетничество, за что и подвергались постоянным насмешкам окружающих, оставаясь, однако же, верны избранному пути; Оуян Сю брал с Су Шунь-циня пример. СШ: 442.

«Ночью еду через Шуйгу». — Полное название стихотворения — «Ночью, проезжая через Шуйгу, посылаю Цзы-мэю и Шэн-юю» 水谷夜行奇聖俞子美. Оуян Сю написал его в 1044 г., когда, будучи послан служить в Хэдун, по пути проезжал через Шуйгукоу (в северо-западной части совр. уезда Ваньсянь в Хэбэе). В настоящем фрагменте приведены последние две трети данного стихотворения.

Вихрь из пор земли — намек на следующий пассаж из Чжуан-цзы (369—286 до н. э.): «То, что выдыхает земля, — именуется ветром, и ветер этот враз, с пугающим завыванием, вырывается из бесчисленных пор земли» (Чжуан-цзы ши и. Т. 1. С. 23). То есть Оуян Сю сравнивает характер Су Шунь-циня с мощным вихрем.

Тушь винная... — То есть среди дружеского застолья, разгоряченный вином и задушевной беседой, Су требует себе бумагу и кисть, в порыве вдохновения начинает писать стихи и готов продолжать и продолжать.

Тысячеверстый скакун — легендарный конь, способный пробежать без устали расстояние в тысячу ли (то есть около 500 км). По преданию, подобный конь внешне ничем не отличался от прочих, и распознать его мог лишь великий знаток лошадей Бо-лэ (см.: Чжуан-цзы ши и. Гл. «Конское копыто»). В поэзии «тысячеверстый скакун» часто использовался как символ рвущейся на свободу безудержной энергии и силы.

Шао — местность на территории совр. пров. Гуандун, славившаяся своими красавицами.

(15) В то время, когда покойный господин Люй Вэнь-му еще не сдал экзамены, однажды он проезжал через уезд, в который как раз тогда же прибыл Ху Дань вместе с отцом, назначенным туда начальником. Повстречав Люя, Ху [приветствовал его] очень холодно. Какой-то прохожий стал хвалить Люя, говоря: «Господин Люй превосходный поэт, вам следует быть [с ним] более вежливым!» Тогда Ху попросил его привести в пример какую-нибудь строку [из стихов Люя], и прохожий продекламировал: «До предела поднял фитиль у лампы, сон не идет». «Ну и любитель же поспать этот парень!» — стал смеяться Ху. Услышав это, Люй страшно обиделся и поспешил прочь.

На следующий год он возглавил список выдержавших экзамен и послал человека к Ху с такими словами: «Любитель поспать стал чжуанъюанем». Ху велел ответить: «Погодите, сударь, в будущем году я сдам экзамен вторым и заглажу поражение!» И действительно, на следующий год в списке выдержавших экзамены имя Ху было в числе первых.

Примечания. Люй Вэнь-му — сунский вельможа Люй Мэн-чжэн (呂蒙正 946—1011), второе имя которого было Шэн-гун 聖功, а посмертное имя — Вэнь-му 文穆. Экзамен на степень цзиньши сдал в 977 г.

Ху Дань (胡旦 втор. пол. X—нач. XI в.) — сунский чиновник и литератор, славившийся обширными познаниями и изяществом литературного слога. В 978 г. действи-

тельно блестяще выдержал экзамен, в списке был первым и удостоился звания чжуанъюаня. Службу начинал в провинциях, был тунпанем, потом получил назначение в придворную Историческую палату, где должен был заниматься подготовкой хроник царствований. Несмотря на таланты, неоднократно подвергался опале — за слишком смелые, радикальные и бескомпромиссные доклады трону, вызывавшие гнев двора. Последней должностью Ху Даня стал пост императорского секретаря. Умер он восьмидесяти лет от роду. СШ: 432.

(16) Шэн-юй однажды заметил: «Хотя смысл стихотворной строки и очевиден, но беда, коли найдутся люди, которые назовут стиль вульгарным или смешным. Вот, к примеру, в стихотворении "Преподношу рыбаку" говорится:

Не видишь больше суетных придворных дел,
А слышишь только ветра вой и плеск воды.

А кто-то сказал: "Написано так, будто болят почки или печень!" Или в стихотворении "Декламирую стихи" сказано:

Целый день искал и не нашел,
Как вдруг — сама назад вернулась!

Трудно найти другие столь же удачные строки, но ведь говорят: "Да это стихи какого-то ребенка, потерявшего кошку!" И все смеются!»

(17) У Ван Цзяня в «Дворцовых стихах» — всего их сто — многие строки часто [говорят] о том, что было в Запретном городе и записей о чем нет ни в исторических сочинениях, ни в сяошо. Например:

Во дворцах уже несколько дней царит тишина.
Это просто достали картину Тэн-вана «Бабочки».

Тэн-вана звали Юань-ин, это сын Гао-цзу. В обеих танских историях о его способностях не сказано ни слова, и лишь в «Записях о прославленных картинах» мельком упоминается о том, что [Тэн-ван] был прекрасный рисовальщик, но и в них не говорится о его умении изображать бабочек. И только в «Обрывках картин» записано: «Искусен в рисовании бабочек». А еще — в стихотворении Цзяня. Больше нигде. Еще говорят, что и поныне в некоторых домах хранятся его картины.

О живших при Тан людях, отменно владевших каким-то искусством, — например, о Гунсунь Да-нян, танцевавшей с мечом, о Цао Гане, игравшем на пипа, о том, как пела Ми Цзя-жун, — мы узнаем из строк танских мудрецов. Благодаря им слава об этих людях дошла до последующих поколений. В то время благородные мужи цзюньцзы скрывали свою добродетель от мира в горах и полях, и современники мало знали о них. А место их заняли недобросовестные, не овладевшие еще мастерством люди, примазавшиеся к их славе. Да, у каждого своя судьба!

Примечания. В а н Ц з я н ь (王建 766?—?) — танский поэт. Его юность прошла неподалеку от танской столицы, г. Чанъани. Известно, что до 783 г. он учился в Синчжоу (в совр. пров. Хэбэй), где свел знакомство с поэтом Чжан Цзи, оказавшим на Ван Цзяня большое влияние — в частности, в сложении так называемых «народных песен» *юэфу*. По окончании обучения Ван Цзянь направился в Чанъань в поисках славы, однако же тогда успеха не снискал и, огорченный неудачей, поселился в уединении в горах. Распространенное мнение о том, что в 775 г. Ван Цзянь успешно сдал экзамены на степень цзиньши, судя по все-

му, является ошибочным — на службу он впервые поступил около 800 г., служил на мелкой должности в аппарате цзедуши Ючжоу; после 803 г. Ван Цзянь служил у цзедуши Вэйбо, а в 814 г. благодаря протекции друзей получил придворную должность седьмого класса. Видимо, именно к этому времени и следует относить первые написанные Ваном *гуншии* (宮詩 «дворцовые стихи», хотя сам Ван писал в жанре *цы*), впоследствии положившие начало целому поэтическому стилю с таким же названием. С 817 г. Ван Цзянь стал служить при дворе — был мишуланом, *тайфусычэном* (помощником начальника Высочайших кладовых), *тайчансычэном* (помощником начальника Управления императорских жертвоприношений). В 828 г. Ван был выслан служить в провинцию, где и умер. Ему принадлежит упоминаемый сборник «Дворцовые стихи» (宮詞 «Гун цы»), куда вошло сто стихотворений в жанре цы.

Гао-цзу — танский император Ли Юань (李淵 566—635), храмовое имя Гао-цзу 高祖, на троне с 618 по 628 г. У него было двадцать два сына, в том числе и Юань-ин 元嬰, носивший титул Тэн-вана 滕王. Подробнее о Тэн-ване см.: Синь Тан шу. Т. 11. С. 35—60.

Обе танские истории. — Речь идет о «Цзю Тан шу», составленной в 940—945 гг., и «Синь Тан шу», работой над которой руководил Оуян Сю.

«Записи о прославленных картинах» 名畫記 — сочинение танского автора Чжан Янь-юаня 張彥遠, представляющее собой что-то вроде аннотированного каталога картин с глубокой древности и по годы под девизом правления Хуэй-чан (841—846).

Гунсунь Да-нян... Цао Ган... Ми Цзя-жун... — Оуян Сю говорит о стихотворении Ду Фу «Наблюдаю, как ученица Гунсунь Да-нян исполняет танец с мечами» 觀公孫大娘弟子舞劍器行 и стихотворении Бо Цзюй-и «Слушаю, как Цао Ган играет на лютне пипа» 聞曹剛彈琵琶. Про Гунсунь Да-нян 公孫大娘 известно, что это была певичка, жившая при Тан, в годы под девизом правления Кай-юань (713—741), а Цао Ган 曹剛(鋼) был представитель танского рода Цао, славившегося превосходной игрой на пипа (другие: Цао Бао 曹保, жил при Дэ-цзуне, что был на троне в 780—804 гг., и его сын Цао Шань-цай 曹善才; Цао Ган же был внук Цао Бао). Ми Цзя-жун 米嘉榮— певичка, жившая при Тан, в годы под девизом правления Чан-цин (821—824), о ней упоминается в стихах танского поэта Лю Юй-си.

Пипа

Лютня пипа — традиционный китайский музыкальный инструмент, четырехструнный, щипковый, разновидность гитары (в отечественной переводческой традиции за пипа закрепилось определение «лютня»). Имеет грушевидный вытянутый корпус без резонаторных отверстий, струны, как правило, шелковые. Играют на пипа с помощью плектра (медиатор, надеваемый на палец, как правило, костяной) или ногтя, которому для этого придается специальная форма. Исходно данный инструмент — некитайского (тюркского? согдийского?) происхождения, он был завезен в Китай еще при Хань (по крайней мере первое письменное свидетельство по пипа, записанное иероглифами как 批把, *пиба*, относится именно к этому времени) и очень быстро получил широкое распространение и признание. Первоначально на пипа играли, держа инструмент горизонтально, но с течением времени стали держать вертикально. Мастера игры на пипа издавна пользовались в Китае широкой популярностью, в честь их искусства слагались стихи.

(18) У Ли Бо в стихотворении «Подшучиваю над Ду Фу» говорится:

Я спросил: что после разлуки нашей вас до такого истощения довело?
Это все — от мучений, которые сложенье стихов причиняет?

«Тай шоу шэн» 太瘦生, «такой истощенный» — это выражение танского времени. Но и сейчас еще используют это *шэн* как вспомогательную часть слова, вроде *цзо ма шэн* 作麼生, «каким образом?», *хэ сы шэн* 何似生, «на что похоже?»

Шаншу Тао Гу принадлежат такие строки:

В шляпе с острым верхом — самый последний из простолюдинов.
В сапогах с голенищем коротким — *моцзюэ* среди солдат.

Моцзюэ 末厥 — тоже выражение танского времени. Эту строку я слышал в годы под девизами правления Тянь-шэн и Цзин-ю, и хотя со дня кончины господина Гу минуло не так много лет, никто не мог объяснить, в чем смысл этого выражения. Даже Ван Юань-шу, человек обширнейших познаний и глубочайшей эрудиции, пользующийся громкой славой и особо отличающийся знанием речений предшественников, — и тот сказал, что не знает значения этого выражения. И я записал его, ведь наверняка найдется тот, кто поймет.

Примечания. «Подшучиваю над Ду Фу». — В переводе Александра Гитовича (1909—1966) это стихотворение Ли Бо звучит так:

На вершине горы,
Где зеленые высятся ели,
В знойный солнечный полдень
Случайно я встретил Ду Фу.
Разрешите спросить:
— Почему вы, мой друг, похудели —
Неужели так трудно
Слагать за строкою строку?
(Поэзия эпохи Тан. С. 130)

Тао Гу (陶穀 903—970) в свое время занимал пост начальника Департамента налогов, отчего здесь сокращенно назван *шаншу*).

Моцзюэ 末厥. — Интересно, что это выражение дошло до нас только благодаря Оуян Сю, который записал его, надеясь, что «наверняка найдется тот, кто поймет». Словарь «Цы юань» предлагает три варианта толкования этого выражения: 1) низкий, в смысле худородный, поскольку в сунское время облезлых собак называли *могоу* 末狗. Отсюда презрительное *мо* распространилось и на простолюдинов, носящих короткое платье; 2) строптивый. В просторечии тогда уже существовало выражение *мумо* 木末, где *му* — дерево: несгибаемый, упрямый, как дерево; 3) наконец, просто короткий. Таким образом, по аналогии с первой строкой, где сказано о последнем из простолюдинов, можно предположить, что и *моцзюэ* следует понимать в таком же уничижительном смысле и переводить все словосочетание как, например, «наираспоследнейший из солдат».

Годы Тянь-шэн и Цзин-ю — 1023—1037.

Ван Юань-шу — сунский сановник, историк и эрудит Ван Чжу (王洙 997—1057), второе имя которого было Юань-шу 原叔. Острый ум и превосходящие сверстников способности проявил в очень раннем возрасте. Экзамен на степень цзиньши сдал сравнительно рано, в 1024 г., и стал служить — сначала в провинциях, а потом был замечен и представлен ко двору; получил должность преподавателя в одном из столичных учебных заведений, но вскоре попал в опалу и несколько лет провел на должности начальника разных областей. Вернувшись ко двору, стал чжичжигао, а в 1054 г. — и членом придворной академии Ханьлиньюань, но через три года умер. Славился широчайшим кругозором и обширнейшими знаниями, был сведущ буквально во всем — от истории и каллиграфии до математики и астрономии. Отредактировал многие исторические сочинения, особенно хорошо знал «И цзин». СШ: 294.

(19) Бывает, что поэты, стремясь сложить удачную строку, пренебрегают смыслом слов — тоже, как говорится, болезнь языка. Вот, к примеру:

Вы с рассветом ушли, с черновиком увещеваний в рукаве,
А с пира вернулись с цветком дворцовым на шапке!

Нельзя не признать изящества строк, но когда на аудиенции императору, что называется, указывают на ошибки, то непременно подается доклад, а «черновик увещевания» подавать не принято.

Или у танского поэта:

В полночь до путника в лодке звук колокола долетел,
Что бьет в храме Ханьшаньсы за стеною Гусу.

Про такое говорят: да, красивая строка, да только в третью стражу в колокол не бьют.

А у Цзя Дао в стихотворении «Оплакиваю монаха» сказано:

Остался лишь образ [служителя Будды].
Сожгли предающееся созерцанию тело!

Совсем смешно: будто в то время буддийских монахов сжигали заживо!

Но вот:

Шагаю вослед за тенью синих гор.
Упражняюсь в созерцании у руин белой пагоды.

Или:

Одиноко гуляю в глубокой тени у пруда.
Немного передохнул у дерева на берегу.

И это все стихи Цзя. Ну и как тут развести грубое и тонкое?

Примечания. «Вы с рассветом ушли...» — строки из стихотворения сунского поэта Ван Цао (王操 XI в.) «Преподношу министру Ли Фану» 贈相國李昉. Речь здесь идет о блестяще сделанном докладе государю, за который чиновник пожалован дарами и повышением по службе. Автор из-за стремления к соблюдению параллелизма пренебрег смыслом и вставил «черновик увещевания» (諫草 *цзянь цао*) в пару к «дворцовому цветку на шапке» (宮華 *гун хуа*), что и отметил Оуян Сю.

«В полночь до путника...» — из стихотворения «К мосту Фэнцяо ночью причалил» 楓橋夜泊 танского поэта Чжан Цзи (張繼 725?—780), написанного в лодке, где поэт заночевал, проезжая мимо города Гусу (совр. Сучжоу), на северо-западе от которого расположен монастырь Ханьшаньсы, связанный с именем знаменитого поэта, танского буддийского монаха-отшельника Ханьшань-цзы, в свое время жившего здесь. Монастырь был основан при Лян (502—557) и неоднократно горел в ходе различных войн; нынешний Ханьшаньсы представляет собой капитальную цинскую реконструкцию, продолжавшуюся с 1896 по 1911 г. Упоминаемый Чжан Цзи монастырский колокол не сохранился, нынешний — также цинского времени.

В переводе Л. Н. Меньшикова стихотворение Чжан Цзи называется «Ночью причалил у моста кленов» и звучит так:

Месяц заходит, вороны кричат, в инее небо седое.
Грустен ночлег мой; огни рыбаков, клен над рекой предо мною.
В колокол бьют за стенами Гусу, там, где обитель Ханьшаня, —
Слышу и я в одиноком челне звон полуночной порою.
(Чистый поток. С. 144).

Интересно, что, по наблюдениям современного китайского исследователя Гань Цзюшэна 甘久生, уже Е Мэн-дэ (葉夢得 1077—1148) в своем шихуа «Ши линь ши хуа» (石林詩話 «Шихуа Ши-линя») заметил: «Господин [Оуян], верно, никогда не был в У, ведь ныне в уских буддийских горных храмах на самом-то деле в полночь бьют в колокол»; до нас дошли свидетельства и других китайских источников о том, что, действительно, именно в монастыре Ханьшаньсы в Гусу издавна отбивали в колокол не только полночь, но и все пять ночных страж (*Гань Цзю-шэн.* Цун Оуян Сюдэ шиу таньци. С. 147).

«Остался лишь образ...» — Стихотворение это называется «Оплакиваю буддийского монаха Бо-яня» 哭柏岩和尚, и речь в нем идет о том, что после смерти Бо-яня остались лишь изображающие его рисунки, тогда как само тело монаха было сожжено. Однако Цзя Дао выразился так, что можно понять, будто Бо-яня сожгли живьем, когда он сидел, предаваясь созерцанию.

(20) На Сунцзяне возвели новый мост — строение великолепное, исполненное прелести! Подобного ему раньше никогда не было. Су Цзы-мэй про этот мост в стихотворении «Новый мост при луне» написал так:

Из-за края облаков у струящихся вод показался круг золотой.
Над гладью реки крепким сном разноцветная радуга спит.

Говорили, что этот мост вовсе не столь уж прекрасен, как в этих стихах, и такой похвалы недостоин.

У Шунь-юаня, второе имя которого Цай-вэн, старшего брата Цзы-мэя, тоже много удачных строк в стихах, но в свете они распространены так мало! Парные строки, которые он и Цзы-мэй сложили в храме Цзыгэсы, вполне достойны Ханя и Мэна. Как жаль, что нет возможности достать все стихи [Шунь-юаня]!

Примечания. С у н ц з я н — старое название р. Усунцзян в пров. Цзянсу.

Ш у н ь - ю а н ь — Су Шунь-юань (蘇舜元 1006—1054), старший брат Су Шуньциня. Помимо стихов был известен как каллиграф (он был мастером скорописи), но в славе с братом, конечно, сравниться не мог. СШ: 442, в приложении к биографии младшего брата.

Ц з ы г э с ы. — Возможно, имеется в виду некий буддийский храм в горах Цзыгэшань (пров. Шэньси).

Х а н ь и Мэн — великие танские поэты Хань Юй и Мэн Хао-жань (孟浩然 687—740).

(21) Сочинения покойного господина Янь Юань-сяня были первейшими в Поднебесной, но искуснее всего Янь был в сложении стихов, и молодые люди обильно цитировали их, а известные ученые-современники часто посещали дом Яня. Шэн-юй за свою жизнь написал великое множество стихов, но господин Янь любил только четыре его строки:

Замерзшие рыбы жмутся ко дну.
Белый сокол давно уж прочь улетел.

И:

В теплой воде мелководных рыбок так много.
В каплях росы свет лиловый лотоса ярче.

Однажды дома у Шэн-юя мне довелось видеть написанное собственноручно господином Янем письмо, где он трижды воздавал хвалу именно этим строчкам. Я удивился и спросил Шэн-юя, [в чем тут дело]. «Да это вовсе не самое большое мое достижение, — отвечал Шэн-юй. — Видно, господин Янь нашел тут какой-то собственный смысл». Можно ли найти литератора — начиная с глубокой древности и доныне, — который не обладал бы своим личным восприятием? И понять человека тоже трудно.

(22) Ян Да-нянь, Цянь, Лю и еще несколько господ обменивались стихами, а когда появилось «Собрание Сикунь», современники стали наперебой использовать его, так что стихотворный стиль в одночасье переменился. Наставники старшего поколения очень переживали, что многие из использованных в этих стихах историй трудно понять из-за редких иероглифов. На самом деле причина — в недостатке учености.

Вот у Цзы-и в «Молодой цикаде» сказано:

Ветер примчался к стрехе из нефрита, птицы кружатся.
Выпала на стебли роса золотая, еще спит журавль.

Хотя тут и подразумевается одна история, но разве это нанесло вред прелести строк?

Или еще:

Ивы у моста — как наполненные ветром паруса средь волн крутых.
Ударами в барабан напуганные, взлетели с берега морского чайки.

Здесь никакого сюжета нет, но разве не изящно? Ведь если стихи талантливы, ученость обширна, а в кисти, что называется, силы даже с избытком, то нет такого, о чем нельзя было бы написать. Это не те, кого раньше называли поэтами, — усердствовавшие в писании о ветрах, тучах, травах и древесах, кого ставил в тупик Сюй Дун!

Примечания. Я н ь Д а - н я н ь, Ц я н ь, Л ю. — Имеются в виду Ян И, Лю Юнь и Цянь Вэй-янь, чьи стихи вошли в «Собрание Сикунь»; см. примеч. к фрагм. 9.

Ц з ы - и 子儀 — второе имя сунского поэта Ли Юня.

(23) Много в стихах говорится о древней столице Сило — о ее запущенных террасах, заброшенных прудах, по-прежнему хранящих следы далекого прошлого. Самыми выдающимися следует считать строки покойного господина Цянь Вэнь-си:

На фоне солнца — древние могилы. Колышется туман бескрайний.
Возвращается весна в сады пустые. Вода журчит-журчит.

Зал Люйетан, принадлежавший покойному господину Пэй Цзинь-гуну, находится к югу от моста Уцяо. В свое время этот зал стал собственностью семьи пуе Чжан Ци-сяня, и когда он ушел в отставку с поста министра, то проводил здесь с гостями время за стихами и вином. Лучше всего об этом сказано в стихах гунбу Чжэн Вэнь-бао:

В теплой воде кряквы и чайки снуют, кормят своих птенцов.
В глубокой тени от персиков и слив у ручья дремлют цветы.

Говорили, что эти строки достойны Ван Вэя и Ду Фу. И хотя в стихах Цяня много удачных строк, никто в то время не мог написать ничего подобного сложенному Чжэном, да и в собрании стихов самого Чжэна мало найдется мест, идущих в сравнение с этим.

Примечания. С и л о — старое название древней столицы г. Лоян.

Ц я н ь В э н ь - с и — посмертное имя сунского чиновника и поэта Цянь Вэй-яня (錢惟演 962—1034), второе имя которого — Вэнь-си 文僖.

З а л Л ю й е т а н. — Речь идет об обширном загородном поместье Уцяочжуан, принадлежавшем Пэй Ду (см. ниже). Поместье находилось недалеко от танской столицы г. Лояна (в южной части совр. уезда Лоянсянь, Хэнань), и на его территории был зал Люйетан. Здесь Пэй Ду поселился затворником, когда был вынужден покинуть службу из-за козней придворных евнухов, здесь же он устраивал регулярные поэтические пирушки со знаменитыми современниками и поэтами.

П э й Ц з и н ь - г у н — танский сановник Пэй Ду (裴度 765—839), занимавший крупные посты при дворе и в провинции (например, был *цзедуши* — генерал-губернатором). Был пожалован титулом Цзиньго-гуна 晉國公.

Ч ж э н В э н ь - б а о (鄭文寶 953—1013) — сунский поэт, первую свою должность получивший по праву наследования «тени» (то есть заслуг) отца при дворе Южной Тан. Когда страна была объединена под властью дома Сун, стал студентом столичного училища и в 983 г. успешно сдал экзамены на степень цзиньши. Служил в основном на провинциаль-

ных постах и здесь сделал успешную карьеру (дошел до должности чжуаньюньши провинции). В 1008 г. был назначен в Военный департамент (*юаньвайланом*, то есть внештатным сотрудником без должности, но с жалованьем) и вскоре ушел в отставку, остаток дней проведя на покое. Автор многих ставших популярными среди современников поэтических строк, прекрасный каллиграф (почерк *чжуань*), музыкант (играл на цине). СШ: 277.

(24) В Минь жил некто Се Бо-чу, второе имя Цзин-шань. В годы под девизами правления Тянь-шэн и Цзин-ю он снискал себе славу стихами. Когда меня перевели в Илин, Цзин-шань служил на посту *фацао* в Сюй-чжоу. Он прислал мне стихи, изобиловавшие изящными выражениями. Например:

Халат чиновника большого зелен, как речная волна.
Литературный талант ученого мужа — узорная парча из Шу.

Я ответил:

Весенние думы полководца все перепутались, как облака.
Взяв темой стихов седые волосы, грустит об уходящей весне, —

ведь у Цзин-шаня была такая строчка:

Много пережито. Не стар я еще, но голова бела.
Весна приходит, в мыслях хаос — как перепутанные облака, —

вот я и подшутил над ним.

Цзин-шань написал много стихов, и такие строки, как:

Сам посадил я желтые цветы, украсил ими степь.
Пересадил бамбук высокий и слышу в листьях шорох осени —

или:

Деревья в саду распускают листы, слива мэй открывает бутоны.
У озерного павильона, где нет никого, ласточки учатся летать, —

не уступают и танским мудрецам!

А вот на службе Се не повезло, всю жизнь он терпел лишения, так и умер. Ныне его стихи уже не встретишь в свете, да и род его исчез неизвестно где. Тридцать пять лет назад прислал он мне стихи, но я до сих пор помню их наизусть. Цзин-шаню не посчастливилось — можно посочувствовать, и жаль, что стихи его в забвении. Поэтому я записываю их здесь:

Река пряма как стрела — словно в ущелье Цюйтан.
В теснинах гор обезьяны кричат, наполняя сердце тоской.
Возможно разве в такую даль чиновника посылать!
Хоть годы пройдут, все вернется назад, но иней покроет виски.
Халат чиновника большого зелен, как речная волна.
Литературный талант ученого мужа — узорная парча из Шу.
Далекой окраине вкус к тонкой красоте вы привили,
Ищут с вами знакомства наперебой все жители этого края!
Талант ваш — подобен Мэн-дэ, все хлопоты из-за него.
А чувства — как у Ань-жэня, что писал о скорби по жене.
Но трудно на окраине сей смирить гостя Золотых коней.
И новые ваши стихи сборщицы бамбука передают.
Знаток канонов, стихов, составили вы исторический труд.
Черновики докладов трону — и те в собрание должно включить.

Кто знает, может, завтра уже другое назначение будет
И в водах Цанлана омоете ноги вы и кисти чиновничьей шапки!

Примечания. М и н ь — старое название совр. пров. Фуцзянь.

С е Б о - ч у (謝伯初 XI в.) — сунский ученый и поэт, второе имя Цзин-шань 景山, в 1025 г. выдержал экзамен на степень цзиньши и действительно служил на должности *ф а ц а о* (судейского чиновника в областном управлении). Поддерживал дружеские отношения с Оуян Сю и, когда тот был в ссылке в Илине, регулярно посылал ему туда стихи. Оуян Сю, в свою очередь, написал предисловие к сборнику его стихотворений (оно вошло в собрание сочинений Оуян Сю). В поэзии Се Бо-чу в форме ориентировался на Ду Фу, а в содержании — на Хань Юя. До наших дней дошло всего два стихотворения Се.

И л и н — уезд и уездный город в совр. пров. Хубэй. Оуян Сю был послан управлять этим уездом в наказание за то, что поддерживал министра Фань Чжун-яня и способствовал проведению в жизнь задуманных им реформ. Фань Чжун-янь был отстранен от дел, а его единомышленников сослали служить в далекую провинцию.

С ю й ч ж о у — область, располагавшаяся на территории совр. пров. Хэнань.

Ц ю й т а н — ущелье, в котором течет Янцзыцзян, в восточной части уезда Фэнцзесянь в Сычуани.

Х а л а т ч и н о в н и к а б о л ь ш о г о з е л е н... — Незадолго до этого Оуян Сю был пожалован должностью седьмого ранга, а таким чиновникам полагалось при дворе носить платье зеленого цвета.

М э н - д э 夢得 — второе имя танского поэта Лю Юй-си (劉禹錫 772—842). Карьера Мэн-дэ знала падения и взлеты, его неоднократно посылали служить в провинцию, причиной чему часто становились его бескомпромиссная прямота и стремление к справедливости. Тема изгнанника, отвергнутого двором и незаслуженно пострадавшего, стала одной из центральных в творчестве Лю Юй-си. Се Бо-чу намекает, по-видимому, на то, что и Оуян Сю пострадал из-за своей прямоты, попав в опалу, что соответствует действительности: достаточно вспомнить осуждающее письмо, которое Оуян Сю направил на имя цензора Гао Жо-на, послужившее формальным поводом для перевода литератора в Илин.

А н ь - ж э н ь 安仁 — второе имя поэта Пань Юэ (潘岳 247—300). С юности отличался острым умом. Особой популярностью пользуется написанный им цикл из трех стихов «Скорблю об умершей жене». Се Бо-чу, с одной стороны, хочет сказать, что по своему восприятию мира Оуян Сю был близок к Пань Юэ, отличавшемуся утонченностью чувств, а с другой — возможно, намекает на горе, постигшее Оуян Сю в 1035 г., когда умерла его вторая жена, дочь Ян Да-я (楊大雅 965—1033).

З о л о т ы е к о н и. — Иносказательно об императорском дворце. Выражение возникло во времена правления ханьского императора У-ди (на троне 140—89 до н. э.), установившего у ворот своего дворца золотую статую любимого коня.

И н о в ы е в а ш и с т и х и... — Намек на стихотворный цикл «Бамбуковая ветвь», принадлежащий кисти Лю Юй-си и написанный им в изгнании. Эти стихи были сложены в подражание народным песням.

И с т о р и ч е с к и й т р у д. — Имеется в виду «Новая история [династии] Тан».

В с о б р а н и е д о л ж н о в к л ю ч и т ь... — Речь о собрании сочинений Оуян Сю.

Ц а н л а н — старое название р. Ханьшуй (приток Янцзы, впадающий в нее около г. Ухань). Намек на строку Цюй Юаня (屈原 340?—289? до н. э.) «Отец-рыбак», где сказано: «Если воды Цанлана будут чисты, я омою в них кисти от шапки. Если воды Цанлана будут мутны, я омою в них ноги».

(25) С юных лет Ши Мань-цин находил удовольствие в вольном стремлении к стихам и вину. Ши обладал весьма величественной внешностью, а в стихах его встречается необычный размер. Еще Ши был искусный каллиграф. Манера писать у него была энергичная, а сам стиль схож со стилем Яня и Лю. Написанное его рукой ценится в свете наравне с драгоценностями.

Однажды я достал бумагу, изготовленную в зале Дэнсиньтан южнотанского Хоу-чжу, и Мань-цин по моей просьбе написал на ней свое стихотворение «Почтовая станция в Чоуби». Всю жизнь Мань-цин отдал стихам, и я храню это произведение поныне. Называю его — «третье непревзойденное». Настоящее сокровище моего дома.

После того как Мань-цин умер, один его земляк рассказывал, что видел Ши во сне, и тот сказал, будто сделался святым, управляет городом Фужунчэн. [Во сне] Мань-цин звал земляка с собой, но тот не согласился, тогда рассерженный Мань-цин вскочил на мула и умчался как вихрь. Потом еще говорили, что Мань-цин появился в доме некоего кандидата на провинциальные экзамены и тоже звал его с собой. Кандидат не пошел, и тогда Мань-цин оставил ему стихотворение. Я приведу здесь две строки:

Не смолкает иволги крик, уходит весенний блеск.
Вслед за солнцем растет тень от цветов, ползет по земле.

Удивительные дела святых знать не дано, но это стихотворение в точности такое же, как писал Мань-цин при жизни. Кандидат же ничего не понял.

Примечания. Я н ь и Л ю — два прославленных каллиграфа танского времени Янь Чжэнь-цин (顏真卿 709—785) и Лю Гун-цюань (劉公權 778—865). Янь был известный вельможа, военачальник и эрудит, особенно преуспевший в архаических почерках. Лю также занимал ряд высоких постов, в том числе был наставником наследника престола. Начав с подражаний Янь Чжэнь-цину, он постепенно выработал собственный каллиграфический стиль. Современники почитали за честь просить Яня и Лю сделать мемориальную запись на стеле, устанавливаемой на могиле родителей. Оба оказали большое влияние на развитие каллиграфии как в Китае, так и за его пределами.

Х о у - ч ж у — Ли Юй, южнотанский император.

Ф у ж у н ч э н — легендарный город, где обитают бессмертные.

(26) В оде «Радужные одежды» Ван Цзяня сказано:

Слышал звук ветра, слышал плеск вод — сложил «Радужные одежды».

Мелодию «Радужные одежды» сегодня еще могут наиграть в придворном музыкальном классе, а умение танцевать под нее утрачено, не передается. Известны еще две мелодии — «Гляжу на далекий Инчжоу» и «Дарю созвучия бессмертных», говорят, будто это то, что осталось от «Радужных одежд».

В былые времена записи историй и преданий делались весьма подробно, но вот что значит «слышал звук ветра, слышал плеск вод» — неизвестно. У Бо Лэ-тяня есть очень подробная «Песнь о радужных одеждах», но там ничего не сказано о ветре и водах. Записываю это. Может, найдется тот, кто знает, в чем тут дело.

Примечания. «Р а д у ж н ы е о д е ж д ы» — сокращенное название мелодии и танца «Радужные одежды и наряд из перьев» (Л. З. Эйдлин предложил вариант «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор»). Такое название мелодия получила в 754 г. Известно, что под нее прекрасно танцевала любимая наложница императора Сюань-цзуна (玄宗, на троне 712—755) Ян гуйфэй. После восстаний Ань Лу-шаня и Ши Чао-и (продолжавшихся с 755 по 763 г.) выяснилось, что пока длились военные беспорядки, мелодия оказалась частично забыта.

Б о Л э - т я н ь — Бо Цзюй-и.

(27) Чжао Ши-минь, сюэши из Лунту, снискал громкую славу обширными познаниями и тем, что был последовательным конфуцианцем. Скромный, обстоятельный, строгий и немногословный — домашние до последних дней считали Чжао чуть ли не немым. Не только изящная проза, но и стихи его славятся изысканностью мысли. Например:

В пшеничном поле воздух влажен на рассвете.
В час «у» в тени тополей прохладно так!

Никто из выдающихся людей прошлого подобного не писал. Или:

На рассвете за лесом иволги перекликаются на тысячу ладов.
Цветы и травы у ступеней выросли на целый чи!

Прежде таких как он не было.

Примечания. Ч ж а о Ш и - м и н ь (趙師民 перв. пол. XI в.) — сунский чиновник и литератор. Уже в девять лет отменно владел литературным слогом. В 1030 г. успешно выдержал экзамен на степень цзиньши. Начал службу с поста уездного секретаря, потом был туйгуанем, преподавателем в областном училище, а в пятидесятилетнем возрасте стал наставником в одном из столичных учебных заведений и сюэши в палате Лунтугэ. Обладал широкими познаниями в классических текстах и среди современников слыл образцовым последователем учения Конфуция. До наших дней дошло всего одно его стихотворение. СШ: 294.

Ч а с «у» — с 11 до 13 часов.

(28) У Туй-чжи сила кисти была такова, что недоступного ему не существовало, но сам он ставил стихи ниже изящной прозы. Потому в его стихах и сказано:

Переживания лишь другу по вину я доверяю.
Стихи же слагаю в свободное время.

Так, подшучивая над самим собой, он позволял делать это и своим насмешникам, однако описания чувств человеческих, будучи переведены им на язык стиха, тут же становились верхом словесного совершенства. [Туй-чжи —] большой мастер энергичного литературного слога, тут и говорить не о чем, вот почему не меньше я восхищаюсь и мастерским его владением рифмой. Ведь если Туй-чжи писал на обычные, широкие рифмы, то, что называется, бурные воды растекались широко, но он обращался к рифмам побочным, то возвращаясь, то удаляясь, то разъединяя, то смешивая, так что не мог соблюсти общепринятые нормы стихосложения. Стихотворение «Сегодня так тоскливо на душе» как раз такого рода.

А когда [Туй-чжи] писал на рифмы редкие, то уж, что называется, не выходил сбоку. Тут проявить мастерство гораздо сложнее, и чем труднее рифма, тем изящнее выходили стихи у Туй-чжи! «Больной, дарю Чжану Восемнадцатому» — как раз такого рода.

Однажды я беседовал [о стихах Туй-чжи] с Шэн-юем, тот сравнил его с наездником, прекрасно умеющим править добрым скакуном. Легко носиться вскачь по полям туда и сюда, отпустив поводья. Но вот проехать среди [нагромождений] муравьиных куч в излучине реки, где надо — замедляя, а где надо — убыстряя бег [скакуна], и ни в чем не ошибиться — вот это наивысшее искусство в Поднебесной! «В "Старой истории" про

Туй-чжи сказано, что он человек крепкий, как дерево, — со смехом сказал Шэн-юй. — Обычных рифм вполне достаточно, но он, тем не менее, искал, что называется, боковые выходы. Одни только редкие рифмы использовать трудно, но он тем не менее использовал. Не из-за этого ли своего упрямства?»

Все бывшие при этом рассмеялись.

Примечания. Туй-чжи — второе имя Хань Юя, который для Оуян Сю был образцом как политического деятеля, так и литератора.

«Сегодня так тоскливо на душе». — Полное название этого стихотворения — «Преподношу Чжан Цзи [стихи о том], как сегодня тоскливо на душе» 此日足可惜贈張籍. В нем Хань Юй зарифмовал 66 иероглифов, чтение которых в большинстве своем принадлежит к так называемым мужским рифмам второй группы ровного тона. Вообще же существует 170 иероглифов с чтением, относящимся к этой группе (так называемые широкие, или обычные, рифмы), и простое вычисление показывает, что Хань Юй обошелся всего третью возможных вариантов. При этом он использовал также и иероглифы, чтение которых относится к первой группе ровного тона (здесь это названо побочными рифмами), то есть нарушил общепринятые нормы, усложнив себе задачу.

«Больной, дарю Чжану Восемнадцатому» 病中贈張十八. — В этом стихотворении Хань Юй зарифмовал 22 иероглифа, чтение которых в традиционных китайских словарях рифм относится к третьей рифме первой группы ровного тона. Всего в ней насчитывается около 50 иероглифов, и сама рифма относится к редким. Хань Юй же использовал лишь 22 иероглифа, сумев при этом и законы стихосложения соблюсти, и смысла слов не нарушить.

«Старая история». — Имеется в виду исторический труд «Старая история [династии] Тан».

(29) С тех пор как на экзаменационном дворе стали отбирать людей по [искусству слагать] оды *фу*, среди цзиньши никто не обращает внимания на стихи *ши* и некому стало сказать похвальное слово. Только вот во второй год Тянь-шэн на провинциальных экзаменах шаншу Сун Ци лучше всех написал стихотворение «Выбираю себе господина», и в нем были такие строки:

Гаснет заря средь отблесков за облаками.
Все умолкает навстречу медленной луне.

Это стихотворение знали наизусть все жители столицы. Кандидаты того времени прозвали господина Сун Цай-хоу (Сун «Выбираю господина»).

Примечания. Оды *фу* 賦 — стихотворения в прозе (ритмическая проза) разных размеров, с рифмовкой или без нее. Стихи *ши* 詩 — классические стихи, характеризующиеся строгим размером (как правило, пяти- или семисложные), непременной рифмовкой, частыми параллелизмами.

Второй год... Тянь-шэн — 1024.